

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ
ЕВРОПЫ

Конрад Гейден

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛ- СОЦИАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ

7 марта 1919 года - 9 ноября 1923 года

перевод с немецкого

Перевод, редакция, и комментарии
Л.В.Легенькова

Москва, 1999

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ
ЕВРОПЫ

Конрад Гейден

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛ- СОЦИАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ

7 марта 1919 года - 9 ноября 1923 года

перевод с немецкого

Перевод, редакция, и комментарии
Л.В.Легенькова

Москва, 1999

КОНРАД ГЕЙДЕН. ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА.

Конрад Гейден - журналист, современник становления национал социализма в Германии, человек либеральных взглядов, известный критик национал-социализма. Перевод сделан с немецкого издания: Konrad HEIDEN. Geschichte des Nazionalsozialismus. Zuerich, 1934. Автор в форме эссе приводит обильный материал по истории национал-социализма, критикует это учение, излагает свои взгляды на дальнейшие судьбы Германии и всего мира. На русском языке полный перевод публикуется впервые. Для историков, политиков, всех, интересующихся данной тематикой.

© Перевод Л.В.Легеньков, 1999

© Заключительная статья, комментарии
Л.В.Легеньков, 1999

Права на перевод источников, приводимых в комментариях, не защищены.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

В основу первой части "Истории..." Конрада Гейдена легли его журналистские работы 1920-х годов. Поскольку автор работал по заказу социал-демократических и либеральных периодических изданий, то описание истории национал-социализма преподносится им заведомо критически, причем в стиле газетной критики, в значительной степени фельетонной, подчеркивающей такие детали, которые интересны широкому читателю, а не специалисту. Подчас автор сгущает краски, допускает преувеличения, которые произвели бы на его читателя более глубокое впечатление, чем бесстрастное изложение фактов.

Вместе с тем Гейден дает очень точные, пусть и образные, глубокие характеристики тем или иным описываемым явлениям, старается быть объективным. Его взгляд современника, ясно представляющего себе ход событий, многие из его движущих сил, видящего бесхитростным живым взглядом творцов и участников этих событий, по своему уникален и заслуживает самого тщательного знакомства с ним.

В 1932 году в Берлине и в 1933 году в Цюрихе Гейден провел работу по сведению своих журналистских трудов в один последовательный текст, который представлял бы собой последовательное описание истории развития национал-социализма в Германии. В ходе этой работы Гейдену пришлось отказаться от многих своих иронических замечаний и предсказаний, поскольку ход событий в Германии показал их частичную несостоятельность. Сводная работа была проделана Гейденом наспех, им не до конца была проведена проверка соответствия подхода различных ее частей. Причина этого - спешка, сжатость сроков, в которые рукопись ожидалась издательством. Однако именно это сохранило для нас многие живые, сочные стороны журналистского творчества Гейдена.

Хотя многие из аналитических заключений К.Гейдена не соответствуют действительности, в изложении событий им приводятся подчас просто уникальные сведения. Это делает труд К.Гейдена первостепенным источником (пусть и требующим всесторонней критики) по истории национал-социализма.

Впервые сводное сочинение Гейдена вышло в свет в Цюрихе в 1933 году. Издатели заказали Гейдену его работу под влиянием резко возросшего, и без того бывшего немалым, интереса к истории национального социализма в Германии, выросшего под влиянием решительных внутривнутриполитических успехов НСДАП. В первом издании события доведены до описания результатов президентских выборов в Германии в 1932 году. Второе издание труд Гейдена, уже в доработанном виде, вышел уже сильно возросшим тиражом во второй половине 1934 года. События здесь доведены до описания событий июня-

июля 1934 года, связанных с подавлением оппозиции политической линии Гитлера. Последние главки Гейден дописывал явно наспех; эти главы интересны, в частности, и этим.

Журналистский немецкий язык Гейдена отличается от сложного языка академических трудов. Сложные длинные периоды немногочисленны, они вводятся в основном тогда, когда автор стремится вставить какой-то каламбур. Описание пестрит идеомами. Язык текста конкретен, для понимания и перевода несложен.

В 1935 году труд Гейдена был издан в Великобритании на английском языке и в Советском Союзе - на русском. В английском переводе были опущены большинство главок, повествующих о событиях 1920-х годов, видимо, под влиянием издательского интереса. Английскими заказчиками Гейдена были силы, остро критические настроенные по отношению к национальному социализму. В русском переводе, выполненному по заказу отдела пропаганды РКП(б), опущено большинство главок, касающихся описания событий 1930-х годов, под влиянием цензурного и издательского интереса. Изданный переведенный текст имеет очень мало цензурных сокращений и искажений; опущены те немногочисленные отрывки текста, где Гейден дает слишком восторженные оценки Гитлеру как политическому деятелю, или те, где слишком конкретно говорится о еврейском происхождении руководителей российского большевизма, в особенности Ленина и Сталина. Искажены те места текста, где дается раскрытие теоретической дискуссии марксизма и национального социализма.

За основу настоящего перевода принят текст немецкого издания 1933 года, как наиболее полно отражающий события именно начала 1920-х годов. В отдельных местах переводчик для ускорения работы допускал вставки из русского перевода 1935 года, если они в точности соответствовали немецкому оригиналу.

Настоящий перевод воспроизводит первые пять глав сочинения Гейдена, охватывающих историю национал-социализма со времени возникновения движения в Мюнхене и до дней Мюнхенского восстания. Текст снабжен указателем имен, упомянутых в работе; указываются только имена собственные реальных исторических деятелей; имена деятелей легендарных и личные имена, употребляемые в нарицательном смысле, не указываются.

ВВЕДЕНИЕ

Как идейное движение национал-социализм родился в 1926-1928 годах в умах очень немногих немецких мыслителей.

Как политическое движение национал-социализм возник из рядов громадной Патриотической партии и Пангерманского союза. А если сказать одним словом, он порожден аннексионистским милитаризмом времен 1917 года. В 1919 году национал-социализм стал независимым политическим движением.

Национал-социалистическое движение стало тем сырьем, из которого мюнхенский Рейхсвер выковал свое политическое оружие. Это оружие обрело свой отчетливый облик в 1921 году благодаря стараниям капитана Эрнста Рема, а также человека выдающегося ума, но неустойчивого нрава - Адольфа Гитлера.

Название движения происходит из родной для Гитлера Австрии. Это название было принято вопреки пожеланиям руководителей движения и не отражало их настоящих политических замыслов. Крещение движения последовало в 1920 году, когда мода на социализм, пришедшая вместе с революцией, уже проходила. Те члены Национал-социалистической немецкой рабочей партии, которые понимали ее название буквально, были вынуждены покинуть ряды этой партии.

Быстрый рост партии мешал сохранению гармоничного соответствия между принципами партии и ее действиями. Партия, чьим ведущим принципом было только извлечение выгоды из текущих событий, просто не могла иметь какой-либо определенной программы. Отсутствие программы (а хорошо известно то, что вызвавшие столько толков "двадцать пять пунктов" не являются программой в полном смысле слова) является ничем иным, как удачной шуткой, сыгранной над поколением, слишком ленивым для того, чтобы думать о себе самому. Это еще раз доказывает то, что успех движения зависит более от его причин, чем от его целей, и то, что человечество ценит вождей больше, чем нравственные устои. Несомненно, здесь сказалась своего рода вера в силу рока, рождающего могучие идеи и в то

же время вызывающего жесткое противодействие себе же самому. В своем подходе к истории по многим вопросам национал-социалисты показали себя весьма способными учениками еврея Карла Маркса. И в самом деле, коммунисты стремятся вывести политику из области действия человеческих чувств и придать ей достоинства отвлеченной науки. Национал-социалисты же решительно отказались это сделать, чем показали то, что они лучше понимают то, что творится в мире. И действительно, они остались верными идее создания такого общества, в котором народные массы занимаются лишь тем, что непосредственно связано с их жизнеобеспечением, тогда как управлением общества занимается избранная элита вождей. Частное мнение играло большую роль в национал-социалистической системе. Организация рассматривалась как секретная сила, известная только вождям. Любая политическая теория, от самого реакционного монархизма до чистого анархизма, от махрового индивидуализма до отрицающего личность грубого социализма, была представлена в нацистском движении. Партия была открыта для всякого и каждого вида политической теории. Каждый национал-социалист оставался во власти того впечатления, что единственная цель партии состоит в том, чтобы воплотить его собственную крохотную теорию. Гитлер предъявлял единственное безоговорочное требование в обмен на эту свободу - безоговорочное признание его вождем. Таким образом, для каждого немца стало возможным видеть в партии то, что она создана специально для достижения его собственных целей, а в Гитлере - вождя, требующего исполнения именно его собственной частной теории. Гитлеровская партия похожа на марширующую огромную партию индивидуалистов, каждый из которых верит в то, что эта армия движется к его собственной цели. Что же случится тогда, когда марш однажды окончится, и все солдаты убедятся, что ни один из них не достиг своей цели?..

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Седьмого марта 1918 года Антон Дрекслер основал в Мюнхене “Комитет независимых рабочих” с целью добиваться того, чтобы будущий мирный договор по своей форме и духу соответствовал чести и славе Германии. Из этой маленькой группы в сорок человек, собравшихся в мюнхенской пивной “Биргаус”, и возникла великая Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

ЗАБЫТЫЙ ОСНОВАТЕЛЬ

Антон Дрекслер по профессии был слесарем. Он был, скорее, скромным ремесленником, чем даровитым человеком, которому только недостаток образования помешал достичь славы. С великим трудом давалась ему какая-либо мысль или ее выражение. Зато идеи, завоеванные столь тяжелым путем, обычно владеют человеком безраздельно. Этот узкогрудый очкарик, негодный к военной службе, с фанатичной серьезностью верил в то, что ему удалось понять в книгах. Он ошибочно принимал это за подлинные плоды с древа познания. Такая самонадеянная вера в свои знания сочеталась у Дрекслера с полной слепотой в понимании того, как трудна к выполнению поставленная им перед собой задача. Как эту веру, так и свою наивную самоуверенность Дрекслер передал своему позднему товарищу по партии Гитлеру; последний обязан своему скромному предшественнику значительно большим, чем он теперь признаёт. Правда, и Гитлер сделал из этого багажа больше, чем мог мечтать об этом Дрекслер.

Впоследствии Дрекслер порвал с Гитлером, так как считал его головокружительные успехи несчастьем для партии. Однако и поныне всё еще остается нерешенным вопрос о том, был ли Дрекслер прав, или нет.

Бросаются в глаза некоторые черты сходства в биографиях Дрекслера и Гитлера; различие же в их биографиях состоит в том, что у члена партии номер один (Дрекслера) всё осталось в

индивидуальном, ограниченном масштабе, а у члена партии номер семь (Гитлера) всё приняло раздутые до бесконечности размеры. Еще будучи молодым рабочим, Дрекслер, как и Гитлер, вступил в конфликт с социал-демократическими профсоюзами; он жалуется, что вследствие террора со стороны этих последних он лишился места и должен был зарабатывать себе на хлеб игрой на цитре в ночных кофейнях. Так было положено начало его ненависти к марксизму. Впрочем, как и у Гитлера, главный политический интерес Дрекслера сосредоточился прежде всего на вопросах внешней политики. Этот "просвещенный рабочий" решительно отказывался признать то, что за развязывание Мировой войны ответственна Германия.

В 1914 г. он разъезжал с гастроллирующим певческим кружком и пел в Цюрихе в хоре: "С непоколебимыми копьями, распоясавшись (т.е. сняв опояски по древнему воинскому обычаю - прим. перев.), в битву, в битву поспешим!" Но нет сомнения в том, что только общее воинственное настроение заставило Дрекслера присоединиться к этому хору. Сам же он считал, что будущее Германии покоится не на остриях копий, а зависит от силы народного духа. "Немецкий социалистический дух выведет мир на путь истины!" В социализме - спасение Германии от крупного международного капитализма, - "паразита на немецком теле" - который ныне, как стервятник, кружится над Германией в надежде поживиться мертвечиной. В действительности, не так уж велика была разница между этой теорией немецкого социализма, который должен был "исцелить мир", и практикой того интернационала, сильнейшим членом которого является германская социал-демократия. Дрекслер с одобрением цитирует слова Шейдеманны: война ведется не только в интересах крупных промышленников и землевладельцев, а ради трудящегося народа, ради тружеников на фабрике, в мастерской, в шахтах и на полях. Германские социал-демократы большинства в годы войны, "социалисты кайзера", как их называли противники из левого крыла, пришлось бы вполне по вкусу многим современным национал-социалистам.

Мирная резолюция, принятая Рейхстагом в 1917 году, стоила пангерманистам многих бессонных ночей. Он вступает в мюнхенское отделение "Партии Отечества", но вскоре его разочаровывает то, насколько слепы по отношению к народному духу адвокаты, преподаватели, художники, которые были его товарищами по партии. Хотя Дрекслер призывал в своих речах

к войне до победного конца и осуждал забастовки на патронных заводах; он не мог понять, почему правительство ничего не предпринимает против растущей дороговизны продуктов питания, и обрушивается с обвинениями на мелких сельских производителей. В этом подходе Дрекслера сказывалось типичное предубеждение горожанина против сельских жителей. Это предубеждение еще в течении многих лет разжигалась нацистами, однако в настоящее время Национал-социалистическая партия испытывает к селянам прочную симпатию.

В начале 1918 года в Бремене была основана "Ассоциация за достижение мира между рабочими", которая, как утверждалось, насчитывала несколько сот тысяч членов. Дрекслер учредил в Мюнхене отделение этой Ассоциации, в которое входили сорок человек. Это отделение было основано седьмого марта 1918 года под названием "Комитет независимых рабочих".

Таким образом, Дрекслер почти бессознательно подошел к концепции военизированной рабочей партии - дисциплинированной партии, чьей целью была бы не только победа народа в войне, но и безоговорочное послушание вождям народа. "Мы должны, - заявил Дрекслер в 1918 году, - предоставить выработку деталей мирного договора верховному командованию, облеченному полным доверием народа". В устах Дрекслера это заявление было не больше чем проявлением скромности необразованного человека, которому в то время еще приходилось спрашивать на собраниях о том, что означает слово "антисемитизм".

Романтическое учение о народе производителей родилось из стремления приравнять интересы трудящихся к интересам всего народа. Созидательный немецкий народ стал жертвой хищнических западных держав. "Бюргеры и рабочие! Объединяйтесь!" - восклицал Дрекслер на собрании, которое он созвал осенью 1918 года с помощью "Партии Отечества". Все классы, утверждал он, должны объединиться в "Национальный союз граждан". Но собрание ответило ему руганью и освистало его идеи. Тогда еще не настало время для того, чтобы люди прислушивались к предостережениям о том, что Мамон уже почти подчинил себе Германию, "народ производителей".

Дрекслер не смог преодолеть своих классовых чувств. В 1918 году он снова вступил в "Независимый союз железнодорожников", но вскоре вновь выступил с теми же идеями. Публично осудив "систематическое подавление рабочего-кустаря

железными дорогами”, гордый ремесленник объявил войну классово сознательному пролетариату. В политике профсоюза в области зарплаты этот “единственный пролетарий” усматривает “уничтожение рабочим классом среднего класса, независимого рабочего и национальной культуры”. Автор этих слов мечтает возвысить рабочего до положения мелкого и даже крупного бюргера и желает подменить объединенный рабочий класс толпами работающих самостоятельных кустарей.

Кто же дал первые уроки политики этому медлительному уму? Тот, кого трудно представить учителем - еврей Вальтер Ратенау. Он был врагом, у которого было чему поучиться нацистам. Его отточенные высказывания стали смертельным оружием в руках нацистского железнодорожного механика. “Мировая революция началась уже с первого момента мировой войны; бессознательной, но действительной целью этой революции было вытеснение капиталистическим средним классом феодальной знати из власти в плутократическом государстве, управляемом на конституционной основе”. Таковы были взгляды Ратенау, писавшего об этом с оттенком и грусти, и цинизма. В устах Дрекслера эти слова дышат непримиримой ненавистью. Ратенау однажды говорит о трехстах человек, которые держат в своих руках мировую экономику и финансы. Десять лет этот афоризм служит боевым кличем национал-социалистов, украшая их плакаты и столбцы их газет. Самый опытный пропагандист не смог бы выдумать ничего более эффективного.

Такую же роль сыграли слова Дизраэли о том, что расовые проблемы является ключом к мировой истории. Правда, Дрекслер не был готов объявить Троцкого наймитом капиталистов, но много лет спустя Розенберг и Геббельс даже серьезно повздорили, обсуждая эту самую тему. Для Дрекслера было невозможным то, чтобы социалистическая газета “Форвертс” согласиться хоть по какому-нибудь отдельному вопросу с бюргерской “Франфуртской газетой”, если “Форвертс” действительно говорит от имени социалистов. Предубеждение ли это? Но не забудьте, что мы приближаемся к тому времени, когда сильно ненавидеть становится гораздо важнее, чем трезво размышлять.

При всей своей ограниченности Дрекслер сохранил независимость мышления. Хотя он обвинял марксизм в том, что тот свел революцию к решению вопроса заработной платы и тем самым свел на нет способность Германии успешно конкурировать на мировом рынке, он требует от предпринимателей энер-

---

гичнее идти навстречу требованиям рабочих. Другими словами - старая политика профсоюзов по избежанию конфликтов на почве экономики. Тем не менее Дрекслер примет боевые профсоюзы, он борется только против политических партий, "злоупотребляющих" этими союзами. Судьба Германии, по мнению Дрекслера, зависит от того, будет ли ее руководящая верхушка обладать социальным чутьем, чтобы суметь вернуть себе доверие масс.

Эти идеи - сырье для национал-социалистического учения, представленное в простейшей форме. Более того, сам Дрекслер как человек и политик был тем сырьем, из которого Гитлер слепил эскиз своей партии. Под началом Дрекслера "Немецкая рабочая партия" осталась бы кружком. Без Дрекслера не было бы основано ни кружка, ни самой партии. Тогда Гитлеру пришлось бы искать приложения сил в другом месте. Ведь Гитлер является гением в деле восприятия и развития идей, принадлежащих другим.

Дрекслера постигла судьба всех изобретателей. В 1921 году Гитлер, став руководителем партии, фактически устранил его от дел. Дрекслер был почетным председателем ставшей уже известной партии; однако этот скромный человек продолжал работать в мюнхенских железнодорожных мастерских, пока раздраженные товарищи по работе не напали на "реакционера" с железными ломami и не прогнали его из мастерских. Это было весной 1923 года. Во время ноябрьского путча 1923 года Гитлер смотрел на Дрекслера уже как на пустое место; в результате этого Дрекслер порвал с Гитлером. Он продолжал оставаться членом баварского парламента вплоть до 1928 года, а затем окончательно сошел с политической сцены.

КРУЖОК И ЕГО ПОКРОВИТЕЛИ

После революции существование "Ассоциации за достижение мира между рабочими" утратило свой смысл. Пятого января 1919 года Дрекслер перестроил свою организацию и основал "Немецкую рабочую партию". Ее первым председателем стал журналист Карл Гаррер. Партия в составе сорока членов чувствовала себя достаточно многочисленной, чтобы выделить в своем составе еще особый внутренний круг, состоявший из шести политически мыслящих рабочих.

События первого мая 1919 года придали этому обществу некоторое, хотя и крохотное, политическое значение: советская

республика в Мюнхене была свергнута, место ее заняло правительство буржуазно-социал-демократической коалиции; фактически власть оставалась в руках военного руководства. Эти офицеры были полны гордости за то, что сопротивление немецкой армии за четыре года неравной кровавой борьбы так и не было подавлено врагами. Их наполняла также ненависть к "предателям" этой армии и слепой гнев против судьбы, которая решила исход войны в пользу врагов. Чтобы дать исход таким чувствам, буржуазные партии были слишком вялы и негибки. На этом фоне поднимала голову только группа Дрекслера, некогда ставившая себе целью достижение "доброе" мира. Огромная Партия Отечества покорно приняла к сведению окончание войны и сошла со сцены. Для старых крупных партий война закончилась печально, но все же закончилась; однако для военных и для "Немецкой рабочей партии" она еще не кончилась. Это сблизило обе эти группы, и из их идейного объединения возникло нацистское движение.

Германия представляла собой в то время вооруженный лагерь различных добровольческих формирований: бригада Эргардта, Балтийское ополчение, стрелки фон Гейдебрекке, отряды добровольцев Пфедфера, Россбаха, Левенфельда, Лютцова, Лихтшлага, Химгау, Оберланда и Эппа. Несколько позднее возник самый крупный из этих союзов - Баварская гражданская оборона, а из него в свою очередь развилась "организация Эшериха" ("Оргеш"), распространившаяся по всей Германии. Все эти союзы в последующие годы дали первые кадры Национал-социалистической немецкой рабочей партии.

В 1919 году к малочисленной тогда еще партии примкнул капитан Эрнст Рем из добровольческого отряда Эппа. Это имело решающее значение в истории партии. Храбрый солдат, но не больше, чем солдат, грубый вояка, заплесневевший в окопах, покрытый рубцами от ран, он был олицетворением самой войны. Его настроение после революции характеризуется словами: "Я заявляю, что не принадлежу больше к этому народу. Припоминаю лишь, что когда-то я принадлежал к немецкой армии". Рем вкладывает эти слова в уста своего товарища, но на самом деле это его собственные мысли. К доброй половине офицерства этот грубоватый парень, сын баварского чиновника, питал ненависть; его рассказы о поведении многих офицеров во время войны могли бы оправдать десяток мятежей. Для солдат он прекрасный начальник; его организаторский талант прояв-

---

ляется во всем своем блеске при постройке нелегального военного аппарата, который он по долгу службы создает в 1920-1923 годах в Баварии. Политикой он занимается со страстью, проявляя при этом непонимание ослепленного страстью человека: "Я смотрю на мир со своей солдатской точки зрения. Я знаю, что я односторонен".

Рем был примерно шестидесятым по счету членом Немецкой рабочей партии. Он постепенно вовлек в нее многих своих друзей из Рейхсвера - офицеров и солдат. Это было тогда само собой разумеющимся. До 1923 года костяком движения были почти исключительно солдаты Рейхсвера и полиции.

Партия уже тогда имела двух покровителей, располагавших большими связями в обществе: писателя Дитриха Эккарта и инженера Годфрида Федерера. Эккарт был типичным баварцем, крепким круглоголовым парнем, умевшим пожить. В бытность свою временным редактором "Локаль анцайгера" Шерля он написал несколько драм из эпохи Гогенштауфенов и Ренессанса, кроме того, его перу принадлежит прекрасный перевод драмы "Пер Гюнт". Таким образом, его внимание было направлено в сторону северных народов. Впоследствии революция зажгла в нем интерес к политике. Слабые стороны революции, в особенности мюнхенской советской республики, раззадорили в нем сатирическую жилку; он основал сатирический листок "Ауф гут дойч" ("На хорошем немецком языке"), который с грубым остроумием, по-журналистски хлестко бил по больным местам противника, служившим мишенью для его антисемитских выпадов. В отношении к Немецкой рабочей партии он находился вначале на положении высокого покровителя. Симпатии его склонялись больше в сторону "Объединения германских граждан", которое он собирался основать в мае 1919 года. "Как будто бы фабричный рабочий не является гражданином, - пишет он в своем воззвании, - неужели каждый оседлый житель непременно лодырь, непременно капиталист? Долой зависть! Но долой также роскошь и мишуру! Мы хотим снова упроститься, снова стать немцами, мы требуем немецкого социализма. Пусть имеет влияние только тот, у кого в жилах течет немецкая кровь". Это - "идеология" литературной богемы, человека, который хотел бы иметь свой домик и комфорт, сносно зарабатывать пером на жизнь и быть на хорошем счету у своего дворника. Прошло некоторое время, пока Дитрих Эккарт заметил, что ему незачем

создавать новую организацию, ведь его "объединение граждан" уже существует - в лице Немецкой рабочей партии.

Тем временем Федер усиленно наставлял эту партию на путь "науки". Федер - по профессии инженер-строитель; одно время он был самостоятельным предпринимателем и работал за границей. Когда ему в 1918 году стукнуло тридцать пять лет, ему пришла в голову "великая" идея об "уничтожении процентного рабства". В одну ночь он написал докладную записку, в которой изложил свою мысль; полный надежд, он передал записку баварскому правительству и - обычный удел! - получил любезный отказ. Его дальнейшая биография тоже протекает по трафарету: неудачник отстаивает свой проект. Под влиянием Федера, который с готовностью выступает в каждой идущей ему навстречу группе, в Немецкой рабочей партии вырабатываются зачатки программы. Основные пункты ее заключаются в следующем: суверенные права собственности на землю сохраняются за государством, запрет частной продажи земельных участков, замена римского права немецким народным правом, национализация банков и уничтожение "вечного процента" путем постепенной амортизации капитала. Отношение к евреям еще относительно мягкое: они не могут больше становиться судьями, учителями и вождями германского народа, но могут посылать своих представителей в парламент соответственно численности еврейского населения. Это - программа на будущее. Что касается требований настоящего момента, то "они укладываются в рамки требований других левых партий и поэтому нет надобности перечислять их здесь". Так буквально говорится в "Фелькишер беобахтер" (тогда газета называлась еще "Мюнхенер беобахтер") от тридцать первого мая 1919 года.

Да, тогда эти господа считали себя еще "левой партией". Это была ориентировка Гаррера, журналиста умеренного толка, и Дрекслера, у которого руки были еще в пролетарских мозолях от напильника. А Федер, уважаемый лектор, был не из того теста, чтобы собственными силами найти политическую ориентировку, а тем более повести хотя бы самую немногочисленную группу сторонников по новому пути.

И все же Федер дал Гитлеру его первую руководящую политическую идею, точно так же, как Дрекслер дал ему человеческий материал. Существуют такие архимедовы таланты, которые в состоянии творить великое только тогда, когда кто-нибудь другой даст им точку опоры или видимость таковой.

Но именно капитан Рем был тем человеком, который оказал наибольшее влияние на судьбу новой Немецкой рабочей партии. Он построил в ее рамках политическую организацию с тем, чтобы оказывать поддержку контрреволюционной политике Рейхсвера и Добровольческого корпуса. Немецкая рабочая партия стала, как и была, лафетом орудия, из которого должны были выстрелить офицеры-политики в Мюнхене. Рем был также неутомим в организации многочисленных отрядов самообороны, добровольческих отрядов и других союзов, тяготеющих к Мюнхену, для борьбы против "марксизма" и его правительства в Берлине. Однако именно Рейхсвер послал ефрейтора Адольфа Гитлера как политического связного в Немецкую рабочую партию.

СОЛДАТЫ ИЩУТ СЕБЕ ПАРТИЮ

Гитлер провел зимние месяцы 1918 - 1919 года с резервным батальоном своего полка в Траунштейне, в Верхней Баварии. Во время становления советской республики он снова служил со своим полком в Мюнхене. Люди, которые знали его в это время, утверждали, что он говорил о себе как о социалисте большинства, и даже заявлял о своем намерении вступить в эту партию. Даже если это и правда, такое поведение Гитлера было вызвано соображениями тактики, а не его принципами. Партия социалистического большинства считалась тогда многими правой партией, потому что она утратила свою предвоенную программу и еще не приняла новую. После взятия Мюнхена Рейхсвером и Добровольческим корпусом Гитлер был направлен во Второй пехотный полк для выполнения работы, которая не каждому была бы по вкусу. Он работает в следственной комиссии по делам большевистской революции в Мюнхене и составляет обвинительные акты.

Решающее значение для карьеры Гитлера имели военно-политические курсы, на которые он записался. На этих курсах он в июне 1919 г. впервые услышал лекцию Готфрида Федера и пришел от нее в восторг. Эти солдаты контрреволюции хотели быть больше, чем солдатами. Они хотели основать свою партию и стать политиками. Гитлер стал их оратором и идеологом, став сторонником программы Федера. Разграничение между "продуктивным" и "спекулятивным" капиталом встретило также горячее одобрение начальника Гитлера, майора Гирля.

После антисемитской речи, произнесенной Гитлером на дискуссии в этом кругу, его начальство решило, что он вполне подходит для роли "офицера-лектора" в каком-нибудь мюнхенском полку. Задачей этого офицера было читать солдатам политические лекции; надо было снова научить солдат "мыслить и чувствовать в национальном и патриотическом духе", как это было до революции. Гитлер использовал эту возможность, чтобы наловчиться в ораторских выступлениях, в особенности, чтобы укрепить свой голос, пострадавший от отравления газами. Многие из его тогдашних слушателей образовали впоследствии часть гитлеровской партии.

Вспомним, что Федер, новый знакомый Гитлера, был покровителем Немецкой рабочей партии Дрекслера и Гаррера и читал доклады на ее собраниях. Таким образом, имелась нужная связь. В довершение Гитлер получил служебное поручение познакомиться с этой партией. Дело в том, что Рейхсвер, выросший из добровольческих отрядов, проявлял тогда чрезвычайный интерес к политике. Он искал партию, которая проводила бы политику военных, точнее - с помощью которой военные могли бы проводить свою политику; он, так сказать, искал лафета для своего орудия. Гитлеру принадлежит та заслуга, что он нашел партию для политиканствующих офицеров мюнхенского Рейхсвера и с помощью своих покровителей приспособил ее для надобностей последнего.

При первом своем посещении собрания дрекслеровцев - оно состоялось в задней комнате одной из мюнхенской пивных - Гитлер дал волю своему темпераменту и разгромил в страстной речи оратора, выступавшего на дискуссии в партикуляристском духе. Это заслужило ему внимание со стороны Дрекслера, который пригласил его вступить в партию. Гитлер согласился и стал членом партии, получив членский билет номер семь "политического рабочего кружка", а не самой партии, которая тогда уже несколько выросла. Это произошло в июле 1919 года. Наряду с этим Гитлер оставался в полку еще три четверти года, до первого апреля 1920 года. Он был тогда уже известным оратором, "народным демагогом" и мятежником, но Рейхсвер все еще давал ему средства к жизни. Дрекслеровцы принадлежали к числу тех людей, для которых полное согласие семи товарищей по каждому отдельному пункту было важнее, чем согласие тысяч людей с отдельными пунктами их требований. Этот педантизм, убивавший всякое живое дело, можно сказать,

---

толкнул Гитлера на путь диктатуры в кружке. Вначале она приняла форму борьбы между отделами партийного аппарата. Гитлер взял на себя область пропаганды и не позволял никому другому вмешиваться в это дело. Устроить ли массовку, на какую тему, в каком помещении - все это решал исключительно он один. Зато такого важного вопроса, как заказать для общества круглую или квадратную печать, он совершенно не касался.

Но это разделение функций удалось не сразу. Весь 1919 год прошел в ожесточенной и смехотворной склоке внутри кружка. В частности "имперский председатель" партии Гаррер был против выдвижения члена номер семь в качестве оратора. Он ценил Гитлера, но считал его плохим оратором. Первые ораторские успехи Гитлера тоже не заставили Гаррера изменить свое мнение. Когда Гитлер в октябре 1919 года выступил впервые на открытом собрании - еще не очень многочисленном, набралось всего несколько сот слушателей, - после его речи на эстраду поднялся Гаррер и обратился к публике с предостережением против шумного антисемитизма. В этот период партия считала себя еще "левой".

Тема этого первого публичного выступления Гитлера была "Брест-Литовск и Версаль", - настоящая тема для Рейхсвера, также как и Брест-литовский мир был настоящим рейхсверовским миром. Гитлер доказывал - возможно, что по поручению свыше, - что Версальский мир неким образом не стоит считать справедливой карой за тяжелые условия Брест-литовского мира. Итак, первые же публичные выступления новой партии относились к вопросам внешней политики. Лично Гитлер больше предавался размышлениям об уничтожении "процентного рабства" и о том, что делать с еврейством. Но партия желала прежде всего стать рычагом внешней политики.

Такова была также мысль Дрекслера, который все представлял верховному командованию, всецело на него полагаясь. Верховного командования уже не существовало, но новое движение по-прежнему сохранило характер такого рычага. Это не было движение рабочих за дело рабочих, а движение за дело "нации", причем эта "нация" на деле находилась в лагере офицеров Рейхсвера, таких, как Эпп и Рем. Их ученик Гитлер работал теперь в качестве сапера, выполняющего известную предварительную работу для будущего овладения определенными политическими позициями.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ПУНКТОВ

Благодаря настояниям Гитлера, главной темой дискуссий в кружке стала проблема: “Семьдесят или семьдесят тысяч” (членов)? Гитлер уже отлично знал, в чем заключается сущность пропаганды: в воздействии на широкие массы, в умении сосредоточить свою пропаганду в немногих пунктах, в постоянном повторении этих пунктов, в нарочитой формулировке их текста в виде раз навсегда данных утверждений, в чрезвычайной настойчивости при их распространении и в таком же долготерпении при выжидании результатов. Все это очень толково доказывалось Гитлером, но убедило других далеко не сразу. Дело дошло до раздора, который окончился в январе 1920 года уходом Гаррера с поста “имперского председателя партии”.

Тем временем с партией сблизился новый покровитель - врач д-р Иоганнес Дингфельдер. Он писал в националистических газетах под псевдонимом “Германус Агрикола”. Его писания можно скорее всего назвать экономической мистикой в немецко-националистическом духе. Федеровская более или менее конкретная агитация против “процентного рабства” приняла у Дингфельдера формы борьбы против “гордыни денег”, “иллюзии денег” и т.д. Ему мерещилась гибель человечества в результате общего сокращения производства - так сильно действовало тогда на умы тяжелое продовольственное положение Германии, отголосок английской блокады. Дингфельдер предвидел, что “природа забастует, сократит свои дары, а остальное съедят черви”. Дингфельдер, а не Гитлер был главным оратором на окутанном ныне легендами собрании двадцать четвертого февраля 1920 года в мюнхенском ресторане Гофброй, на котором была принята программа партии.

Гитлер изображает в своей книге это собрание очень односторонне. Центром внимания на собрании в действительности был доклад Дингфельдера, встреченный присутствующими спокойно. Гитлер вместе с Федером и Дрекслером выработал известные двадцать пять программных пунктов и зачитал их на собрании под шум и шикание противников. Так эти двадцать пять пунктов были преданы гласности; однако никто не уделял им в дальнейшем внимания. “Фелькишер беобахтер” не упоминает о них ни единым словом. Что касается самого собрания, то его кульминационным пунктом была резолюция протеста против

предоставления еврейской общине муки на выпечку мацы (еврейских пасхальных опресноков).

У нас как-то мало обращают внимания на то, что в действительности не существует программы Национал-социалистической немецкой рабочей партии, а есть только программа Немецкой рабочей партии. Так называлась партия еще во время своего первого публичного выступления.

Что касается Гитлера, то он лично охотнее всего дал бы ей тогда название Социально-революционной партии.

Двадцать пять пунктов не имеют значения подлинной программы; как средство пропаганды они тоже не имели того успеха, которого ожидали от них Федер и Дрекслер. Однако поскольку в этих двадцати пяти пунктах так или иначе сказался дух партии, нельзя оставить их без рассмотрения. Приведем их текст:

“Программа немецкой рабочей партии является программой на известное время. Вожди партии отказываются выставить по достижении целей этой программы новые цели, не ставят исключительно для того, чтобы путем разжигания недовольства масс обеспечить возможность дальнейшего существования партии.

1. Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права народов на самоопределение.

2. Мы требуем равноправия немецкого народа с другими нациями, отмены Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

3. Мы требуем территории и земли (колоний) для питания нашего народа и для поселения нашего избыточного населения.

4. Гражданином государства может быть только тот, кто принадлежит к немецкому народу. Принадлежать к немецкому народу может только тот, в чьих жилах течет немецкая кровь, без различия вероисповедания. Поэтому евреи не могут принадлежать к немецкому народу.

5. Кто не является гражданином государства, может жить в Германии только на правах гостя и подпадает под действие закона об иностранцах.

6. Право участвовать в управлении и законодательстве государства может принадлежать только гражданину государства. Поэтому мы требуем, чтобы каждую обществен-

ную должность, безразлично какую и безразлично на службе ли империи, одного из союзных государств или общины, могли занимать только граждане государства.

Мы боремся против развращающей парламентской практики назначения на ту или другую должность исключительно по партийным соображениям, не считаясь с характером и способностями людей.

7. Мы требуем, чтобы государство взяло на себя обязательство в первую очередь заботиться о заработке и пропитании граждан. Если невозможно прокормить всё население государства, необходимо выслать из империи представителей других наций (лиц, не являющихся гражданами государства).

8. Необходимо воспрепятствовать всякой дальнейшей иммиграции лиц ненемецкого происхождения. Мы требуем, чтобы всех лиц ненемецкого происхождения, поселившихся в Германии со второго августа 1914 года, немедленно заставить покинуть страну.

9. Все граждане должны обладать равными правами и нести равные обязанности.

10. Первым долгом каждого гражданина должен быть творческий труд, умственный или физический. Деятельность отдельного лица не должна нарушать интересов общества, она должна протекать в рамках целого и на пользу всех.

Поэтому мы требуем:

11. Отмены нетрудового дохода, уничтожения процентного рабства.

12. Ввиду колоссальных жертв - людьми и имуществом, которых каждая война требует от народа, личное обогащение на войне должно считаться преступлением по отношению к народу. Мы требуем поэтому полной конфискации всех военных прибылей.

13. Мы требуем огосударствления всех трестов.

14. Мы требуем участия государства в прибылях крупных предприятий.

15. Мы требуем широкого и систематического обеспечения престарелых.

16. Мы требуем создания здорового среднего сословия и его сохранения, немедленной муниципализации больших универсальных магазинов и отдачи их в аренду по дешевой цене

мелким торговцам, особого внимания к интересам мелких промышленников и ремесленников при поставках для государства, провинций и общин.

17. Мы требуем земельной реформы, отвечающей национальным потребностям, издания закона о безвозмездной конфискации земли для общепользовных целей, отмены поземельной ренты и запрета всякой спекуляции землей.

18. Мы требуем беспощадной борьбы против нарушителей общественных интересов. Преступники перед народом, ростовщики, спекулянты и т.п. должны караться смертной казнью независимо от своего вероисповедания или расы.

19. Мы требуем замены материалистического римского права немецким народным правом.

20. Для того чтобы дать возможность каждому способному и прилежному немцу получить высшее образование и таким образом достичь ответственного положения, государство должно произвести коренную реформу всего дела нашего народного просвещения. Учебные планы всех учебных учреждений должны быть приспособлены к практическим потребностям. Школа должна внушать детям идею государства уже в самом начале их сознательной жизни (наука о гражданстве). Мы требуем обучения за счет государства особенно одаренных детей бедных родителей вне зависимости от сословия и профессии последних.

21. Государство должно заботиться о поднятии народного здоровья: путем охраны матери и ребенка, запрещения детского труда, введения в законодательном порядке обязательной гимнастики и спорта в целях поднятия физического уровня и, наконец, путем самой широкой поддержки всех союзов, занимающихся физическим воспитанием молодежи.

22. Мы требуем упразднения профессиональной армии и образования народной армии.

23. Мы требуем законодательной борьбы против сознательного политического обмана и распространения его через печать. Чтобы сделать возможным создание действительно немецкой печати, мы требуем:

а) все редакторы и сотрудники газет, выходящих на немецком языке, должны принадлежать к немецкому народу;

б) ненемецкие газеты нуждаются в особом разрешении со стороны государства; они не должны выходить на немецком языке;

в) всякое финансовое участие в немецких газетах или влияние на них должно быть по закону запрещено лицам не-немецкого происхождения; мы требуем, чтобы нарушения этого запрета карались закрытием газеты и немедленной высылкой их Германии провинившихся лиц ненемецкого происхождения.

Газеты, нарушающие интересы общественного блага, подлежат запрещению. Мы требуем законодательной борьбы против направления в искусство и литературе, вносящего разложение в жизнь нашего народа, и закрытия издательств, которые нарушают вышеприведенные требования.

24. Мы требуем свободы всех вероисповеданий в государстве, поскольку они не угрожают его существованию и не нарушают морального чувства германской расы.

Партия как таковая стоит на почве положительного христианства, не связывая с тем или иным определенным вероисповеданием. Она ведет борьбу против еврейско-материалистического духа внутри нас и вне нас и убеждена, что длительное оздоровление нашего народа может последовать только изнутри на основе: общее благо выше личной выгоды.

25. Для проведения всего этого мы требуем: создания сильной центральной государственной власти, неограниченной власти центрального политического парламента над всей империей и над всеми ее организациями, создания сословных и профессиональных палат для проведения общегерманских законов в отдельных союзных государствах Германии.

Вожди партии обещают неукоснительно бороться за осуществление вышеприведенных требований и в случае необходимости пожертвовать за нее собственной жизнью.

Мюнхен, 24 февраля 1920 года. "

Ключом к этой программе, обращающей на себя вниманием своим корявым немецким языком, является последняя строка с датой. Авторы программы называли ее "временной программой". В действительности это не только программа на время, но также программа своего времени, созданная для определенного времени. Это время давно уже прошло. Борьба за влияние внутри партии заставила Гитлера в 1926 году объявить эту временную программу незыблемой и неизменной, хотя сам он сомневается в правильности многих ее положений и в

своей книге открыто высказывает эти сомнения. Дело в том, что в 1926 году возникло новое национал-социалистическое движение, которое имеет уже мало общего со старой программой "мелкого люда".

Это была программа пангерманцев, переложенная на язык мещанства, в которой нашли отражение идеи революции и контрреволюции 1918-1919 годов. Она возникла еще до того, как национал-социализм в качестве партии, стоящей на платформе внутригерманского империалистического меньшинства, повел гражданскую войну против большинства нации, против массы, и уж тем более до того, как у национал-социализма появилась претензия завоевать и перестроить умы большинства. Эта программа (1920 года) еще не предъявляет притязаний на государственную власть, она лишь обращается к ней с требованиями. Вместо гордого "мы сделаем то-то и то-то" пункты программы начинаются словами: "мы требуем".

Будущий вождь партии Гитлер сделал требования пангерманцев первым пунктом программы; в первом и во втором пункте нашел себе выражение внешнеполитический характер партии. От третьего пункта в его первоначальном смысле партия давно отказалась, объявив об этом во всеуслышание; она отвергает требование колоний вне Европы и требует вместо них расширения на восток.

Антисемитские пункты с 4 по 8, 23 и 24 выражают победу Гитлера над Гаррером, но пока еще только компромиссную победу. Это, так сказать, прилизанный, изысканный книжный антисемитизм, парящий в эмпиреях "народности" и еще весьма далекий от позднейшего лозунга: "бей жидов". Но эти пункты, на что редко обращают внимание, в случае надобности могут быть расширены; в следующие годы Гитлер в своих речах придал им в отдельных случаях свирепое расширительное толкование. Много позже, в 1928 году, он снова вернулся к более мягкой формулировке: евреи могут чувствовать себя в Германии хорошо, если будут прилично вести себя, но, конечно, к немецкому народу они не принадлежат.

Пункт 9 с его "равноправием" является явной уступкой духу времени. Государство в государстве, которое начинает образовывать национал-социалистическая партия 1930 года, покоится именно на неравенстве обязанностей; такой же характер носит государство будущего, которое защищают в своих речах руководители партии.

Пункты с 10 по 14 и 17 представляют собой социалистическую часть программы. Впоследствии партия забыла эти пункты в своих прессе, а за кулисами отреклась от них. Пункт 17 был попросту выброшен за борт. Зато пункт 11, самый сомнительный, самый спорный и отвергаемый широкими партийными кругами (знаменитое "уничтожение процентного рабства"), получил важное значение, о котором и не догадывались авторы программы - они уразумели его значение лишь с большим опозданием. Этот пункт и отказ от пункта 17 завоевывают для партии с 1929 года сердца сельских жителей, изнывающих под бременем долгов.

Пункт 15 - "социальная" часть программы, пункт 16, пожалуй, - гвоздь ее; мы имеем в виду то место, где говорится о среднем сословии. Поставленный перед альтернативой высказаться в пользу служащих универсальных магазинов или в пользу мелких торговцев, национал-социалистический Немецкий рабочий союз в лице своей мюнхенской группы высказался в пользу лавочников.

Дипломатическим шедевром является пункт 24, в котором подчеркнут нейтралитет партии по отношению к различным вероисповеданиям, причем этот нейтралитет связывается с "хозяйственной этикой" партии.

Пункт 23 можно было бы назвать культурной программой, которая сознательно и с верным практическим чутьем ограничивается вопросом о культурных средствах, содержание же культуры предоставляет ее собственному росту. В этом пункте пропагандист Гитлер заблаговременно обеспечил национал-социалистическому государству все орудия культурной пропаганды и сохранил за собой свободу пользоваться ими для тех или других целей. Здесь в программе имеется даже каламбур: как впоследствии пояснялось, подпункт "б" означает, что, например, газете "Берлинер тагеблатт" не возбраняется выходить в свет, но... на еврейском языке.

Пункт 25 - о сильной имперской власти - детище Гитлера. Впрочем, впоследствии Гитлеру придется в зависимости от обстоятельств иногда смягчать централизм. Впоследствии при изложении этого пункта Гитлер с особым блеском проявил силу своего ораторского таланта, свое умение выражаться так, что слова его можно толковать в самом различном смысле. Скрижали своих принципов он окружил фейерверком риторики, в котором они теряют свои очертания и обманывают мишурным блес-

---

ком. Так произошло впоследствии. Одно было ему ясно уже давно: хотя ему и пришлось в дальнейшем плыть по течению и использовать баварские настроения, тем не менее организованный баварский федерализм является его сильнейшим конкурентом. Пункт 25 подчеркивает: имейте в виду, это не баварская, не антипруская программа. Государство покоится на силе, а не на договоре, германская империя - не союз государств, а единое государство с известными подразделениями; немцы не просто живут вместе на одной территории, а управляются единой властью. Центральная имперская власть должна быть мощным, железным кулаком, а не пасторалью.

Все прочие программные требования более или менее улетучились в процессе роста партии. Но это требование сохранилось, и в отношении его в первую очередь должно будет показать себя национал-социалистическое искусство управления.

ДВА ЧЕЛОВЕКА НАПАДАЮТ НА ГОРОД

На пороге 1920 года Гитлер очутился, можно сказать, с глазу на глаз со своей сомнительной программой. В самом деле, кого еще имела партия, кроме него? Дитриху Эккарту мерещится буржуазное единение под знаком свастики. Федер, конечно, был доволен программой, в которой имеется так много его идей, но для него важнее основанный им в мае 1920 году "Союз борьбы за уничтожение процентного рабства". Последний плохо вяжется с характером Гитлера и его грубоватых вояк. Этот Союз "видит в отравлении нашей общественной жизни ненавистническим и неделовым методом борьбы результат погони за деньгами, слепой жажды денег и безраздельного господства золотого тельца". Да, вот какой была некогда программа национал-социалистического теоретика-экономиста! Плохой союзник для Гитлера, проповедующего "фанатизм и даже нетерпимость" как необходимые предпосылки победы и заявляющего своим приверженцам: "не бояться ненависти со стороны врагов нашей народности и нашего мировоззрения, а желать ее - вот наш девиз".

Впрочем, в начале 1920 года у Гитлера появился товарищ, который не был рядовой фигурой. Это - молодой журналист Герман Эссер. Гитлер познакомился с ним в Рейхсвере, где Эссер был референтом по вопросам печати. Это не скромный мечтатель, не тихий рабочий, а крикун и скандалист; он умеет поднимать шум, понимает толк в искусстве чуть ли не

лучше самого Гитлера. Последний, говоря о "еврейском вопросе", прибегает к образам, часто вплетая в свою речь народные прибаутки; Эссер же сделал открытие, что еврейский торговец обувью Х. незаконно получил в Мюнхене квартиру в семь комнат. Рисуя роскошный образ жизни своей жертвы, Эссер доводит до белого каления своих бедно одетых слушателей, все еще живущим пайком, получаемым по хлебным карточкам. Он словно сорвался с цепи; как и Гитлер, он - демон ораторского искусства, но гораздо более низкого пошиба. В своем тоне и манерах он не знает никакого удержу; они не делают привлекательным самого оратора, но зато с убийственной меткостью бьют его противников. У Гитлера все еще существуют сдерживающие центры; но они совершенно отсутствуют у этого безусого юноши, который в ноябре 1918 года основал в Кемптене революционный совет школьников, требовал в солдатском совете виселиц для ряда буржуа, а в 1919 году еще гастролировал в одной из социал-демократических газет. Свою настоящую политическую линию Эссер нашел, только очутившись в Рейсвере. Словом, это тип далеко не идеальный. Даже Гитлер, сам не стеснявшийся в выражениях, впоследствии никогда не выпускает на передний план своего старейшего советника. Но в первые годы этот человек был незаменим хотя бы потому, что кроме него не было никого другого.

Не следует думать, что оба малоизвестных человека - Гитлер и Эссер - завоевали Мюнхен сразу, одним бешеным натиском; не следует думать, что первые устроенные ими собрания были чем-то из ряда вон выдающимися. В своих речах и писаниях Гитлер изображает дело так, будто буржуазия в то время вообще не в состоянии была устраивать больших политических собраний; это просто не верно. Напротив, "союз народного наступления и обороны" устраивал довольно часто массовые собрания, на которых слушатели приходили в дикий восторг, когда выступал, например, антисемитский агитатор Керлен или руководитель движения заграничных немцев д-р Ромедер. Этот союз одно время насчитывал сто тысяч членов, разбросанных по всей Германии. Кто в то время публично выступал в Мюнхене против евреев, тому заранее был обеспечен успех, а национал-социалистическая партия была вначале для публики не чем иным, как одним из многих антисемитских обществ. Такие выступления вовсе не были сопряжены с опасностью для жизни оратора, как это теперь представляет Гитлер. Со времени по-

---

давления советской республики красные были более или менее запуганы; впрочем, они и до того терпеливо выслушивали на своих собственных собраниях выступления противников. Конечно, бывало, что поднимался шум и оратора прерывали, когда, скажем, он называл социал-демократических лидеров бандой изменников, подкупленных евреями. Но это не выходило из обычных границ и было далеко от "систематического террора на собраниях".

СОПЕРНИКИ

В действительности самым опасным врагом для агитаторов из буржуазного лагеря была тогда сама же Национал-социалистическая партия. Она еще не срывала тогда собраний буржуазии, но уже ожесточенно конкурировала со своим более мягкотелым соперником и немилосердно побивала его. Буржуазный редактор газеты "Мюнхенер нойесте нахрихтен" д-р Герлих, в настоящее время резкий противник национал-социализма, изобрел в то время понятие "марксизма" в том полемическом смысле, который оно имеет теперь: "марксисты" - это все социалисты, входящие в интернационалы, безразлично - будь то социал-демократия, независимые или коммунисты. Постепенно национал-социалисты сами усвоили этот великолепный лозунг ("против марксизма"), но зато потом они без разбора пользовались им почти против всех своих противников. Сам изобретатель этого лозунга впоследствии попал под подозрение как "пособник марксизма" и "товарищ евреев".

Помимо этого, представлялось достаточно случаев для конкуренции, на которой юный национал-социализм оттачивал свой ключ. Тогда, например, существовала Немецкая социалистическая партия, пользовавшаяся милостью тех же покровителей. Она была крупнее Национал-социалистической и в апреле организовала заправский съезд в Ганновере. В ее программу вошли некоторые тезисы Федера; эта программа была более выдержана а духе земельной реформы, нежели программа соперника; в нее вошли также некоторые мысли Германуса Агриколы. Самым сильным агитатором ее был народный учитель Штрайхер в Нюрнберге. Эта партия отважилась даже выставить своих кандидатов на выборах в Рейхстаг в 1920 году (национал-социалисты не сделали этого тогда только из-за недостатка средств), но потерпела провал.

Больше успеха имел другой соперник в Северной Германии: Немецкая социальная партия Рихарда Кунце, по прозвищу Кунце с дубинкой, который ныне стал рядовым членом партии Гитлера. Этот Кунце не побоялся выступить за требование Федера, которое не решился поддерживать Гитлер; требование это - государственное банкротство. Вначале Федер требовал допущения всех военных займов к обращению в качестве платежного средства; по-видимому, он не боялся инфляции, тогда еще неизвестной. Но потом у него появилась мысль об аннулировании государственных долгов, которое должно было нанести смертельный удар ссудному капиталу; как известно, это аннулирование впоследствии с успехом совершила инфляция. Так или иначе, Кунце снискал себе славу грозного агитатора, и его молодой партии предсказывали большую будущность.

Эти соперники боролись за душу народа, переживающего социальную встряску. Что же касается антисемитизма, то несомненное преимущество, казалось, имели союзы, стоявшие на платформе "народности" так называемое "фелькише". Только они, казалось, обладали подлинным кольцом Нибелунгов.

Итак - борьба. Против Немецкой социальной и Немецкой социалистической партий было выдвинуто прежде всего новое многообещающее название организации. Через посредство чешского немца, д-ра Александра Шиллинга, партия связалась с национал-социалистами бывшей Габсбургской империи. Среди них как раз шел тогда спор о том, принять ли им название национал-социалистической рабочей партии; венцам не нравилось слово "рабочая". В Мюнхене, в свою очередь, пререкались из-за слова "социалистический", но в конце концов оно было принято против воли Гитлера. В апреле 1920 года партия Антона Дрекслера, которая называлась до сих пор Немецкая рабочая партия, приняла название Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

Вскоре произошли первые стычки с буржуазией. Один из основателей партии, Оскар Кернер, выступил на собрании Народного союза обороны как открытый враг, издевался над тем, что "фелькише" не имеют ровно никакого представления о чувствах народа, что народ не идет не идет за ними и т.д. В результате произошедших трений последовала смена редакции, а в конце концов и собственника газеты "Фелькишер беобахтер" ("Народный наблюдатель"). Младший редактор Келер - теперь он референт в Коричневом доме - весьма надменно заметил, что

снова идея "фелькиш" (народности) ни в коем случае не может быть запряжена в колесницу какой-либо одной партии. По этому поводу Гитлер публично обвинил его в малодушии, а Кернер написал сердитое письмо в редакцию: он протестовал против того, чтобы его объявляли пролетарием-социалистом только потому, что у него, быть может, невыгужены брюки.

Кернер был одним из рядовых, оставшихся безымянными членов партии, но в нем говорила душа всей партии: ненависть одновременно и к имущей буржуазии и к пролетариату.

Спор был улажен, он должен был быть улажен. Национал-социалистическая партия была еще недостаточно сильна, чтобы повести открытую борьбу против своих конкурентов, в особенности с тех пор, как Гитлер первого апреля 1920 года вышел из состава Рейхсвера. Он вынужден был отныне искать себе заработка, хотя бы частичного; другую часть вносили друзья: Дитрих Эккарт и др. На некоторое время Гитлер становится разъездным оратором "союза народной обороны", выступая со своим докладом "Брест-Литовск и Версаль". За выступления на национал-социалистических собраниях он отказывался брать гонорар, но здесь он берет его.

Уже тогда ему причиняла беспокойство его наспех набросанная программа. В августе 1920 года он заявил на собрании в Мюнхене: для национал-социалиста само собой разумеется, что борьба ведется не только против создающего ценности промышленного капитала, а только против еврейского интернационального ссудного капитала. Это уже отказ от пункта 13 программы. Зато непомерно раздувается пункт 15: "каждому трудящемуся государство должно гарантировать жизненный минимум". Этот фантом государства-благотворителя оставил далеко позади себя все, что было сделано на этом поприще за последние годы.

ПОДДЕРЖКА СВЕРХУ

Тем временем волна большой политики чуть было не смыла эту малую партию; время этой партии еще не настало. В Берлине провалился путч Каппа; зато в Мюнхене тринадцатого марта 1920 года Рейхсвер и добровольцы свергли буржуазно-социал-демократическое правительство Гофмана и поставили правительство Кара. К этому делу приложил руку также и Рем, но офицер-лектор Гитлер остался здесь непричастным. В офицерский круг Рема, игравшего роль "железного кулака", Гитлер

был введен лишь как гость, представлявший желательную политическую связь с низами. В остальном деятельность Гитлера ограничивалась тем, что он устраивал собрания и организовал "центральное бюро" партии - убогая комнатуха в одной из пивных старого Мюнхена, обставленная несколькими шкафами и полками.

Перемена правительства имела важные последствия для судьбы партии. Последняя стала теперь официальным фаворитом, ее хвалил в ландтаге министр-президент Кар, она пользовалась поддержкой полиции. Сам Кар был скорее подставным лицом, ширмой; тем активнее помогали ей полицейай-президент Пенер и его помощник д-р Фрикк, руководитель полицейского отделения.

Пенер был выхолощенным чиновником и даровитым человеком; его баварский монархизм был весьма далек от типичного баварского добродушия и весьма близок к грубому прусскому монархизму. Он был совершенно глух к веяниям времени, не понимал их даже как враг: он не отвергал их, а просто не понимал. В душе его сидел бес, но это был бес бесстрастный.

Впоследствии он свысока заявил на суде, что после революции он целых пять лет занимался государственной изменой и видел в этом свой святой долг.

Старший полицейский советник Фрикк, если отвлечься от его несколько тяжелого характера, как нельзя более подходил к роли заместителя при столь интересном начальнике; в этой роли он оказался впоследствии полезным для Гитлера. Правда, большим чутьем в политике он отнюдь не обладал; это он обнаружил и тогда, когда намеревался сделать своего партийного вождя жандармом в Гильдбургхаузене. Пенер и Фрикк оказывали национал-социалистам всяческие полицейские милости и поддержку. На слова одного посвященного: "Г-н полицейай-президент, организации политических убийц у нас действительно существуют", Пенер иронически заметил: "Правда, что ли? Но их же недостаточно!" Впрочем небольшой "рабочей партии" Гитлера перепали пока только те милости, которые вытекали из общего благосклонного отношения ко всему "национальному"; до начала 1923 года политически более важными были другие группы. Но так как национал-социалисты выступали всегда нахальнее других, им приходилось прибегать к благосклонности полиции чаще, чем их конкурентам.

Скандалы и рукопашные схватки на собраниях и на улице доставили партии первое преимущество над ее немецко-социалистическими соперниками и над "фелькише". Она получила сомнительную славу, но это было гораздо лучше, чем полная безвестность ее конкурентов. А далее пришли на помощь разные счастливо подвернувшиеся случаи. Какой-то мюнхенский раввин пытался на национал-социалистическом собрании опровергнуть антисемитизм - присутствующие, конечно, бесновались. Результат был тот, что впредь на каждом национал-социалистическом плакате значилось: "Евреям вход воспрещен". Это действовало еще сильнее, чем самые острые нападки на республику, которые и без того позволял себе в тогдашнем Мюнхене каждый ротозей. Это служило доказательством того, что национал-социалисты дьявольски серьезно относятся к своему антисемитизму, что их ненависть неподдельна, - и эта неподдельность нравилась массе, которой за последние два года надоели общие места политической агитации.

Национал-социалистическая пропаганда - набор крикливых слов и грубых действий - стала выливаться в определенную форму. Однако ранее, чем это можно было предвидеть, движение получило второе духовное крещение: на съезде в Зальцбурге оно объединилось с австрийским национал-социализмом.

АВСТРИЯ И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ

Понятие и название "национал-социализм" существовали в Австрии еще до войны. Уже в девяностых годах прошлого столетия Людвиг Фогель и Фердинанд Бушовский основали в немецких провинциях Богемии немецкие национальные рабочие союзы для борьбы как против чешских предпринимателей, так и против немецких социал-демократов. Итак, первые зачатки рабочего фронта против "марксистов и врагов народа" возникли из национальной борьбы в Австрии. Вскоре эта организация сблизилась с антисемитской Всенемецкой партией Георга фон Шенерера; когда же эта партия распалась вследствие склоки ее вождей Шенерера и Вольфа, распалась и рабочая организация. В 1904 году в Моравии снова возникла небольшая Немецкая рабочая партия, которая в 1911 году все же настолько окрепла, что провела несколько депутатов в Рейхстаг и в моравский ландтаг, в том числе нынешних вождей ее Юнга и Книрша. На ее съезде в Иглау в 1913 году речь шла уже о земельной реформе и о борьбе против ростовщичества и поземельной ренты.

Как мы видим, доктрина Федера не является оригинальной даже в лоне самого национал-социалистического движения. Пятого мая 1918 года партия на съезде в Вене приняла название Австрийско-немецкой национал-социалистической партии, предложенное еще в 1913 году.

Однако, несмотря на программу и название, в партии не было согласия по важнейшим вопросам. Немцы из богемских провинций, возглавляемые Рудольфом Юнгом, подчеркивали рабочий и даже классовый характер партии; венцы, незначительная группа д-ра Вальтера Рила, не хотели и слышать об этом. Окончательное решение должен был вынести партийный съезд, который заседал седьмого и восьмого августа 1920 года в Зальцбурге; на съезде участвовали также мюнхенские национал-социалисты, возглавляемые Дрекслером и Гитлером. Явились также "немецкие социалисты" из Дюссельдорфа, но уже по своей малочисленности они не играли роли рядом с многочисленной мюнхенской делегацией.

После доклада Юнга приняты были тезисы, в которых, между прочим, говорилось, что трудящийся может требовать и добиваться своих прав только в пределах своей народности, категорически выдвигалась формула: "не переворот и не классовая борьба, а целеустремленная, творческая реформа"; смотря по обстоятельствам, она могла вести и к национализации. Не моргнув глазом, авторы программы продолжают: "Вредна отнюдь не частная собственность сама по себе, поскольку она вытекает из собственного частного труда и функционирует в рамках, не нарушающих благо общества". Этот порочный круг поражает своим безотрадным недомыслием. Впрочем, утверждения вроде того, что безвредное не может быть вредным, неизбежно находят себе приверженцев в эпоху, когда важнее уметь ненавидеть, чем логически мыслить.

Через год в Линце состоялась конференция представителей австрийских и германских национал-социалистов; на этой конференции Юнг добился того, что отказ от классовой борьбы был специальным решением вычеркнут из программы и вместо него был внесен в программу следующий изумительный тезис: "Немецкая национал-социалистическая рабочая партия является классовой партией созидательного труда". Юнг мотивировал это почти по-марксистски: в народном хозяйстве существуют только две группы, находящиеся в противоречии друг к другу, - это люди, которые занимаются созидательным трудом, и те, кото-

---

рые получают нетрудовой доход. Следовательно национал-социалисты - классовая партия, с той лишь разницей, что понятие класс охватывает не узко очерченный слой; рабочими являются все, живущие своим трудом - физическим или умственным, - стало быть вся масса экономически слабых в нашем народе. В этом смысле партия и стоит-де на платформе классовой борьбы, правда, не в плоскости экономического переворота, а в рамках реформы.

Эти тезисы могли бы войти в гейдельбергскую программу германской социал-демократии; их не могла однако принять ни венская группа национал-социалистов, ни мюнхенское движение, достигшее уже солидных размеров. Ни венцы, ни мюнхенцы не могли согласиться с тем, что две части нации находятся в естественной противоположности друг к другу. Напротив, Гитлер незадолго до зальцбургского съезда возвестил: "В рядах нашей партии нет места для рабочих, сознающих себя как класс, точно также как нет места для буржуа, сознающих себя как сословие". Так сказал Гитлер; но как же быть с подчеркивающим свое социальное происхождение буржуа, и членом партии Кернером, который несмотря на невыутюженные брюки, не желал быть пролетарием? А между тем партия состояла из таких людей, как Кернер. Гитлер обладает великим умением заговорить слушателя, отвлечь его от реальности жизни или, как сказал однажды Федер, "приспособить чужую программу к фактам, а факты к нашей программе".

Но лето 1920 года Юнг еще далеко не дошел до этого. Он был еще достаточно близок к мюнхенцам и не мог оказывать на них влияние. Гитлер не выступал на съезде вовсе, представителем мюнхенцев в президиуме был Дрекслер. Мюнхенская партия стала членом "Междугосударственной канцелярии национал-социалистической партии немецкого народа", но эта "канцелярия" оказалась на деле пустым местом. Тем важнее было идейное влияние зальцбургского съезда.

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ В БОГЕМИИ

Это началось с Рудольфа Юнга. Последний уже тогда имел совершенно отчетливое представление о пагубной роли мировой демократии, о связи между интернациональным "маманизмом" и государственными формами либерализма, об антинемецком характере западной демократии и т.п. Мюнхенцы не дошли тогда еще до таких простых истин. Дрекслеру они

были не по силам; Федер не любил примешивать к своей экономической теории высокую политику, эстетствующее политиканство Эккарта не нуждалось в подобных шаблонах, а Гитлер был в состоянии использовать ту или иную идею лишь тогда, когда она приобретала форму, в которую ее можно было бы облечь. И вот он узнал теперь от Юнга, что еврейской нации свойственно все более подчинять своему влиянию другие народы; что реформация Лютера была половинчатой, так как не отделила христианства от ветхого завета; что западный "маманизм" и восточный большевизм лишь кажущиеся противоположности, а на самом деле союзники, одинаково ставящие себе целью водворение еврейского господства над миром. Гитлер узнал лишь теперь, что международная демократия есть не что иное, как политический продукт еврейского духа, что надо поэтому отказаться от парламентаризма и обратиться к сословному строю. Юнг указал также обоих главных виновников слабости Германии; последняя имела: 1) самую сильную в мире социал-демократию и 2) самую сильную клерикальную партию, а наряду с ними очень сильно было влияние еврейского свободомыслия. То, что жило в смутных представлениях и несвязном лепете Дрекслера, получало в устах Юнга осязательную форму: в мировой войне, политическом перевороте, похожем на великое переселение народов, на стороне Антанты стоял индивидуализм, на стороне же Германии - конечно, социализм. Марксизм же - только карикатура на последний; "социализм есть общее творчество, общая воля. Социализм - это национальный характер германцев, это дух германского народа, он заключается во взглядах на труд как на нравственный долг". Социализм носит столь немецкий характер, что даже Германия Вильгельма Второго была "единственным государством, в котором, можно сказать, социализм осуществлялся во имя самого государства".

Каждая из этих "доктрин", взятая в отдельности, не являлась откровением. В этом духе распространялись уже Лагард, Гьюстон Стьюарт Чемберлен, Шпенглер (к которому в этих кругах, вообще говоря, относились с недоверием), русские эмигранты. Но только из синтеза всего этого получилось то, что можно назвать национал-социалистическим мировоззрением. Юнг первый говорит о "мировоззрении" национал-социализма, задолго до того, как Гитлер поставил на эту высоту свою собственную политическую проповедь. Еще больше подходит сюда название "немецкий социализм", ибо это учение весьма сильно

отличается от того "интернационального" национал-социализма, который распространял впоследствии Розенберг, и который Меллер ван ден Брукк определил формулой: "каждый народ имеет свой собственный социализм". Впрочем, Гитлер не придает особого значения подобным различиям.

Таким образом, возникло учение с богатой фразеологией, допускающее много различных толкований, приемлющее одновременно и социалистическую реформу и государство Вильгельма Второго. Оно отвечало духовным запросам честных патриотов, которые желали "сделать революцию", но вместе с тем не желали отказываться от прошлого. Национальный социализм 1926-1928 годов пытался основательно расчистить эту оранжевую коллекцию противоречащих друг другу взглядов, но именно поэтому и не смог удержаться в партии.

Юнг первый дал также цельное изображение врага - и это, пожалуй, было самое важное. Здесь были свалены в одну кучу совершенно различные вещи только на том основании, что против всех их велась борьба. Впоследствии это чучело врага, искусственно склеенное из многих врагов, получило название "системы".

ЗА КОГО СРАЖАЕТСЯ ГИТЛЕР?

Как и в ряде других случаев, вражда существовала здесь уже тогда, когда и врага-то еще не было налицо.

Германия закончила войну далеко не блестяще. Она не одержала победы над превосходящими силами неприятеля, как некогда Нидерланды; она не погибла в пламени поражения, как Карфаген или Мексика. Вместо этого ее фельдмаршал просто разнервничался, император бежал, а у народа не оказалось сил для революционного сопротивления. Обвинять ее в этом было бы столь же бессмысленно, как, скажем, упрекать парижан, капитулировавших в 1871 году перед лицом голода. Однако на ней лежит другая вина: непонимание происходящего, граничащее с невменяемостью. Крушение страны крикливо объявили победоносной революцией, тогда как на самом деле никакой революции не произошло. Поднятие красного флага не было ни великим достижением, ни великим преступлением; но настоящим грехопадением "революции" было то, что она тут же обратилась к свергнутым ею с просьбой не отказать ей в своем сотрудничестве и что в уплату за это "сотрудничество", которое на деле вскоре же привело к передаче власти в старые руки,

---

флаг втихомолку был спущен. Особенно скомпрометировало революцию то обстоятельство, что никто не имел смелости действительно управлять от имени революции. Те, кто менее всего был повинен в революции, были названы "народными уполномоченными" и по недоразумению попали на страницы мировой истории в роли якобинцев. Если бы правительство имело перед глазами определенную цель, вместо того чтобы опрашивать избирателей, не имеющих таковой, если бы оно предложило нации какой-нибудь план, вместо того чтобы поручать его выработку либеральным профессорами, если бы правительство обещало обновление, вместо того чтобы взывать к спокойствию и порядку как к чему-то самому главному, - если бы правительство повело себя таким образом, то с его стороны даже подписание Версальского договора было бы еще революционным актом. Вместо всего этого оно выступило в роли делопроизводителя императорского правительства, которое не желало само подписать мир, чтобы не марать себе рук принятием унижительных условий.

Правда, кто знает обстановку тогдашнего времени, тому понятно, что все это нелегко было сделать, а кто знаком с действующими лицами, тот знает, что ничего другого от них и ожидать нельзя было. Союз Спартака пытался действовать решительно; независимые также готовы были проявить некоторую активность. Но эти политики были до известной степени в плену у буржуазных настроений, сами того не замечая. Дело в том, что германская буржуазия вначале вовсе не была настроена контрреволюционно. Знаменитый "переход на почву фактов" (т.е. признание переворота девятого ноября. - прим.перев.) не был исключительно актом трусости; в нем как бы заключалось молчаливое согласие и готовность "признать" великие события. Но когда со стороны революционеров не последовало великих действий, тогда снова начала действовать буржуазия, причем она действовала уже так, как предписывала ей ее природа, т.е. контрреволюционно.

Но воспоминание об этой готовности примирится с подлинно революционным актом сохранилось. Превосходный писатель и зоркий наблюдатель эпохи, Иозеф Гофмиллер, обнародовал недавно в извлечениях свой дневник времен мюнхенской революции: даже в этом интимном дневнике нет почти никакой критики по адресу революционеров. Так сильно было тогда ощущение, что надо дать новому возможность проявить себя. Монархистские публицисты писали дифирамбы политическому обнов-

---

лению страны. Когда же революционеры обманули ожидания, сама буржуазия догадалась, что она совершила ошибку, в которой ей теперь приходилось раскаиваться. Она полностью подтвердила теперь ту характеристику, которую дал немцам Богумил Гольц: "Наш народ имеет уравновешанный темперамент, но в мыслях склонен к крайностям, легко приходит в возбуждение благодаря фантастическим представлениям и воспоминаниям о прошлом, а в результате его мучат раскаяние и утрызения совести".

Национал-социализм - это грех на совести немецкой буржуазии.

В Мюнхене у буржуазии были особые основания иметь нечистую совесть. Вождем революции был здесь Курт Эйснер - прототип радикализированного либерала, идеалист и мечтатель, писатель, слегка "богема", еврей из северной Германии и вместе с тем человек, влюбленный в душу баварского народа, как почти все, кто близко соприкасался с ним. В противоположность большинству своих политических друзей он был федералистом; своими горячими нападкамии на Берлин он привлек на сторону мюнхенской революции местный национальный патриотизм баварцев. С помощью крестьян, уставших от войны и недолюбливающих пруссаков, Эйснер свергнул непопулярного короля и в продолжении нескольких недель был популярнейшим человеком в Баварии; когда он был убит, за его гробом следовали сотни тысяч людей, искренне потрясенных.

Итак, даже баварский федерализм оказался скомпрометированным своей связью с революцией. Политические настроения баварского населения носили более цельный характер, чем на севере; классовые противоречия были здесь менее резкими. Политический темперамент баварцев отличается спокойствием, и когда политический фарватер изменился, то и вся масса политических настроений почти целиком направилась в одну и ту же сторону. Когда же наклон изменился в другую сторону, то и настроения народа резко переменялись. Такой характер народа предопределил его судьбу: он дальше всех довел германскую революцию - вплоть до советской республики, а затем дальше всех довел также контрреволюцию - до путча Гитлера.

БОРЬБА ГИТЛЕРА ЗА РУКОВОДСТВО ПАРТИЕЙ

В 1920 году тридцатидвухлетний Гитлер прошел через самообразование. Он учился у бурлящей людской массы тому, чему она училась сама - видеть новые политические условия с новой точки зрения. Как бы мы ни относились к этому процессу и его результатам, личные достижения Гитлера, его полный успех, мы должны рассматривать только с восхищением.

В столице Баварии все еще были крайне сильными антисемитские настроения, и партия должна была использовать их. Любое собрание Союза народной обороны и всякой другой организации, не поленившейся нанять залу и сочинить соответствующий плакат, все еще бывало переполнено. У "фелькише" было достаточно умелых пропагандистов. Целыми месяцами в антисемитских газетах изо дня в день помещалось следующее объявление: "Арестуйте евреев, и в стране настанет спокойствие". Сам Гитлер не сказал бы лучше.

Но дело было не только в этой удачной идее. Дело было не в том, что данное объявление регулярно оплачивалось в течение ряда месяцев. Что касается усердия, то Гитлер, человек без определенных занятий, в этом отношении оставил позади себя всех своих соперников. Во второй половине 1920 года союзы "фелькише" мало помалу начинают тяготиться шумными успехами на своих массовых митингах. "Мы не желаем больше собраний со скандалами и хулиганскими выходками; потворствовать низменным инстинктам толпы - ниже нашего достоинства, - пишет некий эстет в "Фелькишер беобахтер". - Каждую неделю мы имеем переполненные собрания; но какой в этом прок? Разве это отменяет Версальский договор, разве это избавляет нас от берлинских марксистов? В Баварии правительство и без того носит национальный характер".

Понадобился пример Гитлера, чтобы научить этих усталых политиков уму-разуму. Он показал им, что нужно уметь не терять терпения в продолжение целых тринадцати лет агитационных успехов, если желаешь завоевать действительную власть. Гитлер пришел сам из низов. Для большинства людей приятна похвала масс; для Гитлера, которого до сих пор буржуазия не

жаловала своим признанием, такая похвала еще бесконечно приятнее, чем для людей с положением и связями, чем для деятелей из так называемых союзов "фелькише" или для вождей "блока порядка", "совета граждан" и "дружины обороны". Для них одобрение ликующей толпы на собраниях всегда имеет несколько подозрительный привкус, их отпугивает такое политическое средство. Для Гитлера в завоевании этого одобрения - его главная цель.

И вот уже в начале лета 1920 года одна из газет противников называет Гитлера "самым продувным специалистом по части науськивания" в Мюнхене. Это - ошибка, он был лишь самый прилежным и в то же время меньше всего разбиравшимся в средствах.

Методы его пропаганды, впоследствии описанные им самим, были приложены на практике. Вначале он прибегает к приемам на первый взгляд совсем простым. Он приглашает на свои собрания с помощью плакатов небывалой величины. Плакаты окрашены в ярко-красный цвет и заполнены длинными передовицами. Длинными? Пожалуй, их можно пробежать в три минуты; напечатаны они не непарелью и не утомляют глаз. Их стиль - стиль ученика коммерческого училища, периоды часто неудобоваримы, вырывают жирный шрифт и курсив. Лозунги легко запоминаются: "республика еврейских спекулянтов и биржевиков", "ноябрьские преступники", "марксисты - могильщики Германии". Интеллигенты содрогаются от них, но и они запоминают эти примитивные слова.

Все это красуется на столбах для афиш не меньше двух раз в неделю и привлекает толпу. Не меньше двух раз в неделю все это вдалбывается в голову двум тысячам слушателей в зале той или иной из мюнхенских пивных. А на третий раз слушатели считают эти заезженные фразы уже своими собственными мыслями и радуются, что оратор высказывает их собственное мнение. Таким образом, по прошествии нескольких месяцев приобретает несколько тысяч приверженцев, для которых уже стало потребностью выслушивать свои излюбленные мысли. Перед оратором теперь уже не просто слушатели, а тысячи восторженных соратников, которые затем вербуют новых приверженцев.

КТО НАЧАЛ ТЕРРОР ?

Настойчивость - лишь одно из свойств его пропаганды. Но еще важнее другая его черта - активность. Под этим надо понимать не задорность речи. Ничуть не бывало. Активность заключается в следующем: небольшие группы национал-социалистов, незаслуженно носящие название "орднеров" - "людей порядка", патрулируют ночью по улицам. Стоит им встретить человека, чей семитический нос им не понравится, они толкают его, наступают ему на ногу, тот протестует, и вот вызов с его стороны налицо, можно затеять драку на законном основании. В таких случаях всегда оказывалось, что Бог и полиция на стороне более сильного. Бывали забавные случаи. Если злосчастный обладатель орлиного носа отрицал, что он - еврей, его чресла подвергали осмотру; однажды в такую переделку попал даже представитель одной из южноамериканских республик. Что эти хулиганские поступки не были выходками отдельных лиц, а системой, партийной линией, об этом свидетельствует между прочим обзор за 1921 год, помещенный партийным руководством в "Фелькишер беобахтер": в обзоре высказывается пожелание, чтобы "и в будущем году все партийные товарищи, участвующие в движении, были одушевлены тем же духом напора".

Отряд национал-социалистических "орднеров", (распорядителей), был образован в 1920 году; во главе его стоял тогда чашовых дел мастер по имени Эмиль Морис. Национал-социалистическая легенда представляет дело так, будто этот отряд служил лишь для защиты национал-социалистических собраний от срывавших их "банд" противника. Уже летом 1920 года одной из наиболее безобидных функций этих "орднеров" было не давать противнику выступать в дискуссии, заглушая их речь своим ревом. В то время еще был в ходу старый либеральный обычай свободы дискуссии на собраниях; можно сказать, что эта свобода даже была отличительным признаком собраний революционного времени, когда программные проблемы волновали всех. Национал-социалисты очень быстро заменили этот старый стиль политических собраний новым: по их инициативе собрание превращалось в "манифестацию", во время которой противник не вправе был нарушать изъявления партийной воли. Если это не удавалось, ораторам, отвечавшим докладчику в его же тоне, не давали говорить, заглушая его речь.

Все это было бы еще с полбеды; двадцатого июня 1920 года сам "Фелькишер беобахтер" открыто жалуется на то, что некоторые элементы "придают этим собраниям весьма некрасивый характер, поднимая дикий вой при выступлениях противника". Со временем эта газета научилась мириться с гораздо дикими фактами.

Более круто расправлялись с теми, кто прерывал гитлеровского оратора замечаниями с мест и восклицаниями. Так например сильно досталось лидеру федералистского Союза баварцев, инженеру Баллершtedту, противнику, тогда особенно ненавидимому Гитлером. Как сообщает "Фелькишер беобахтер", "возмущенная публика удалила его из зала, предварительно проучив немного". Со временем вошло в систему вытаскивать из зала противника, прерывающего оратора восклицаниями, "легкими колотушками" - выражение национал-социалистической газеты.

Однако национал-социалисты не удовлетворялись этими успехами по части "защиты" своих собраний. В 1920-1921 годах они срывают ряд собраний своих противников. Так, например, в сентябре 1921 года Гитлер лично явился со своими приверженцами на собрание Баллершtedта и атаковал со своими молодчиками эстраду президиума. Произошла свалка, Баллершtedт был снова избит. Когда полицейский комиссар призвал Гитлера к ответу и попросил его прекратить безобразие, тот хладнокровно ответил: "Ладно, ладно, наша цель ведь достигнута, Баллершtedт не выступает". В феврале 1921 года демонстрация национал-социалистов сорвала даже "праздник печати", одно из крупных благотворительных предприятий во время мюнхенского карнавала.

Были ли это случайные эксцессы? Нет! Четвертого января 1921 года Гитлер открыто заявил на массовом собрании в мюнхенской пивной Киндлькеллер (мы цитируем по "Фелькишер беобахтер"): "Национал-социалистическое движение будет в дальнейшем без всяких церемоний срывать, если нужно силой, начинания и выступления, которые могут разлагающим образом подействовать на наших и без того уже больных соотечественников".

Когда летом 1922 года в помещении Домбаухютте Петера Беренса была устроена мюнхенская промысловая выставка, причем статуя "Христос" Гиса с ее несколько экспрессионистским характером оказалась не по вкусу мюнхенским обывателям,

Гитлер пригрозил, что если не уберут этого “Христа”, он явится со своими людьми и разобьет его вдребезги. “Христа” убрали. Что “Христос” этот был изображен в “северном” духе, сиречь в духе “народностей севера”, этого Гитлер и не приметил.

Конечно в гитлеровской “Моей борьбе” обо всем этом ничего не сказано. Историку национал-социализма пришлось признать, что национал-социалистическое движение обнаружило “мужество” и “энергию”, заключавшие в себе ряд предпосылок победы. Плаксивая болтовня о “марксистском терроре” плохо вяжется в книге Гитлера с фактами и с той “бесцеремонностью”, которую предписывала партия в обращении с противником; она совершенно неправдоподобна. Впрочем мы должны подчеркнуть, что выступления национал-социалистов пока еще не вели к кровопролитиям, ибо противник, не привыкший к таким методам борьбы, лишь постепенно переходил к самообороне.

Национал-социализму в самом деле нельзя отказать в том, что он ввел новые, в то время еще неизвестные в Германии методы политической борьбы, заимствованные отчасти у итальянских фашистов; впрочем не только у них, но и у русских черносотенцев. Зато, как только и противники организовали сопротивление, дело не могло обойтись без кровопролития, и с тех пор в продолжение двенадцати лет было пролито немало крови. Ответственность за террор, не прекращающийся с тех пор в Германии, падает в первую очередь на национал-социализм, на Гитлера. В интересах исторической правды необходимо констатировать это на основании самих же национал-социалистических источников.

Приведенные выше факты, - мы подчеркиваем это, - взяты большей частью из “Фелькишер беобахтер”. Помимо этого личное участие Гитлера в терроре установлено судом. За насильственный срыв собрания Баллершtedта он был приговорен в январе 1922 года к трем месяцам тюремного заключения, впрочем из них к двум месяцам условно.

Предположить, что он не сумел предусмотреть результатов своих действий, значило бы оскорбить такого умного человека, как Гитлер. Полезные для своей партии результаты он ставил выше результатов, вредных для общества; заповеди порядка и спокойствия, правила любви к ближнему и нормы Уголовного кодекса он подчинял критерию пользы своей партии, в которой он уже тогда видел грядущее возрождение нации. Путем непре-

---

кращающейся агрессии Гитлер добился того, что с движением стали считаться, что его перестали замалчивать. Гитлер бесконечно счастлив, когда враг переходит наконец к контратаке и в конце 1921 года в свою очередь пытается сорвать собрание национал-социалистов; в партийной легенде эта попытка продолжает жить под именем битвы в пивной Гофброй. До тех пор, пока противник не оказывал сопротивления, приходилось самим устраивать такие сражения.

ПЕРВАЯ ГАЗЕТА ГИТЛЕРА

В деле добывания средств самым ценным помощником партии был тогда Дитрих Эккарт. Гитлер также лично многим обязан Эккарту. Но самую блестящую услугу Эккарт оказал Гитлеру в декабре 1920 года.

“Фелькишер беобахтер” влез в долги и искал покупателя. Дитрих Эккарт и Готфрид Федер интересовались этой газетой. Но Эккарт сам находился в стесненных обстоятельствах; его еженедельник “Ауф гут Дойч” тоже давал дефицит и должен был закрыться. На помощь пришел Рейхсвер. Эккарт получил необходимую сумму через генерала фон Эппа. Последний вместе с Ремом собрал группу людей для систематической обработки печати в национальном духе; шестьдесят тысяч марок, которые Эккарт получил от Эппа, пошли якобы на ликвидацию журнала “Ауф гут Дойч”; фактически же они дали Эккарту возможность купить “Фелькишер беобахтер”. Правда, при имевшейся у газеты задолженности это было риском. Риск взяла на себя Национал-социалистическая партия.

Какой громадный шаг вперед за пятнадцать месяцев! Гитлер, дотоле неизвестный солдат, оратор партии, насчитывавшей тридцать единомышленников и располагавшей одной пишущей машинкой, имел теперь свою газету. Правда, она выходила только раз в неделю; но так или иначе это та самая газета, в которой он пятнадцать месяцев назад, робей, дал свое первое объявление, газета, которая до сих пор обмолвилась о его речах считанными двадцатью строками и не раз из зависти задевала его, - эта газета была теперь его органом. Девятнадцатого декабря 1920 года “Фелькишер беобахтер” перешел в собственность партии. Гитлер имел отныне свой орган.

Такой прыжок был бы не под силу профессорам и адвокатам из партии “немецких социалистов”, “фелькише” и т.д. и т.п. Эти господа не затевали драк с евреями и не срывали собраний,

они не поднимали шума, они ничего не добивались силой. У них не было также таких покровителей, как Рейхсвер, и таких членов, как Рем.

ТРИ ТЫСЯЧИ ЧЛЕНОВ

Гитлер мог быть доволен истекшим годом. В "Фелькишер беобахтер" его друг Эссер в отчетах о собраниях уже писал о том, какой блестящий оратор Гитлер, как он пленяет и гипнотизирует своих слушателей. Эссер писал, что Гитлеру надо выступать во всех городах Германии. Возникает тот культ личности Гитлера, который впоследствии приобрел столь важное значение для ореола самого дела.

За истекший год в Мюнхене состоялось сорок национал-социалистических собраний, стало быть - почти еженедельно по собранию. Странное дело, другие не понимают секрета этого успеха, не видят, что последний объясняется только настойчивостью и упорством, с которым национал-социалисты добиваются осуществления поставленной себе цели. Уже Гораций знал, что именно в таких случаях помощь богов обеспечена. В других баварских городах национал-социалисты тоже, как никак, провели за этот год тридцать два пропагандистских собрания, хотя иногда приходилось думать о том, где добыть докладчику денег на дорогу. В Розенгейме и Ландсгуте были основаны местные группы. Даже во Франкфурте-на-Майне имеется уже в пивной постоянный национал-социалистический уголок; впрочем это было делом случая. Зато в Пфорцгейме в Бадене возникла уже заправская дисциплинированная местная группа Национал-социалистической партии, возглавляемая заводским мастером Виттманом; а в Штутгарте некий Ульсгефер руководит Национал-социалистическим союзом.

В общем, это был хороший год для национал-социалистов. При своем возникновении партия имела шестьдесят четыре члена, теперь же она насчитывала три тысячи членов. Такой успех нельзя объяснить даже ораторским искусством Гитлера. Гитлер лишь давал имя, служил вывеской для группы, наполовину оставшейся скрытой от публики и бывшей прежде всего орудием Рема. А Рем был если не тайным господином, то почти всемогущим агентом разных добровольческих отрядов и дружин, из которых медленно вырастал Рейхсвер. Он направлял к Гитлеру солдат и офицеров, посылал в партию всех активистов, которых можно было раздобыть. Другим поставщиком людей и средств

был Баварский блок порядка, влиятельное объединение полуполитических правых организаций. Однако всякая помощь тщетна, если нет человека, твердо решившего использовать ее. В области пропаганды таким человеком был Гитлер. То, что другие в состоянии были сказать массам самое большое раза три, он повторял без устали четыре, пять, десять раз. Он не останавливался в своей пропаганде перед самым низменным стилем, если только мог рассчитывать вбить таким образом свои идеи в головы слушателей. Его не пугал не только низменный стиль, но и вещи похуже. Ведь это он подвизался на улицах, устраивал сражения на митингах, срывал собрания противников. Он пошел на то, на что не решались другие, - на террор. Он взял на себя риск борьбы и риск того, что вина будет возложена на него, так как знал, что власть не может возникнуть без вины. Другие боялись этого и стушевались. За Гитлером же осталась ответственность перед историей и... тремя тысячами членов партии.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТОВ

В январе 1921 г. стало известно, что "зоркий" промышленник и политик Арнольд Рехберг обратился к руководящим деятелям Антанты с запиской, в которой выступал с предложениями о вооружении интервенции в советской России. Рехберг прежде снабжал "Фелькишер беобахтер" антибольшевистскими статьями; свою записку он составил по поручению генерала Людендорфа, незадолго перед тем поселившегося в Мюнхене.

Как раз в это время национал-социализм обретает также свою собственную внешнюю политику. Это уже не только система жестов и протестов, а политика тактического расчета. В новогоднем номере "Фелькишер беобахтер" - газета уже десять дней являлась собственностью партии - была напечатана анонимная статья; витиеватые периоды этой статьи долго продолжали служить внешнеполитической программой партии, отчасти являются ею и поныне. Автор статьи исходит из того, что хотя и Россия и проиграла войну с Польшей, Советы в более или менее близком будущем все же попытаются захватить Польшу. Он пишет:

"Но когда эта гроза соберется над немецкими землями на востоке, необходимо будет отправить туда сто тысяч самоотверженных людей. Если по указке разных Конов и Леви германские железнодорожники забастуют, надо будет заблаговре-

менно отправить эти сто тысяч бойцов в пешем строю. Придется считаться с возможностью временного советского режима на некоторых немецких территориях - ничего не поделаешь. Придется быть готовым ко всякой крайности также в связи с поведением западных евреев, засевших за Рейном с французскими пушками и танками; эти евреи поднимут жалобный вой, когда их братьям на востоке придется круто. Если Ленин в Польше задержится, то все еще будет время освободить Польшу. Польша походит на утопающую истеричку, которой надо дать удар по голове, для того чтобы она очнулась и позволила вытащить себя из воды. Главное, это - нанести русской армии второе поражение под Танненбергом и погнать ее обратно в Россию. Это исключительно дело немцев, и это и будет собственно началом нашего возрождения. Армия, хлынувшая назад в страну, будет самым злым врагом советского правительства".

Итак, "большая внешняя политика" национал-социализма начинается с плана германского крестового похода против советской России, ибо автор этой статьи - новый политик-теоретик партии, балтийский немец Альфред Розенберг.

Он - немец по происхождению, но у него склад ума русского. Он родился в 1893 году в Ревеле, в Эстонии, во время Мировой войны был студентом в России; при вступлении немцев, - рассказывает Розенберг, - он явился к немецкому командованию и предложил свои услуги в качестве добровольца, но не встретил доверия. В числе многих других русских эмигрантов он в 1919 году нашел убежище в Мюнхене, где через Дитриха Эккарта пришел в соприкосновение с национал-социалистами. По своей профессии он архитектор, отсюда и его личная связь с Гитлером. Последнему импонировал человек, талант которого состоял в умении построить из самых невозможных предпосылок целую систему идей, целое здание, почти царский дворец. Вероятно, в Германии найдется теперь немного людей, предающихся такому беспардонному систематизированию и догматизированию, как Розенберг, обуреваемых такой неукротимой страстью возводить на несуществующем фундаменте здание детальных выводов. Грандиозные проекты, остающиеся на бумаге, архитектурные замыслы, которым не суждено осуществиться, - вот что представляют собой внешнеполитические планы Розенберга.

РУССКИЕ ВЛИЯНИЯ

Планы Розенберга, принесенные им в подарок национал-социалистам, это не немецкая внешняя политика, это - внешняя политика русских белоэмигрантов. Мюнхен - Кобленц этих эмигрантов, которые очень желали бы вовлечь Германию в кампанию борьбы против "жида" Ленина. Эта политика вообще становится понятной только в связи с тем кардинальным значением, которое она придает еврейскому вопросу.

Было бы преувеличением назвать начинающуюся отныне внешнюю политику национал-социализма царистской. Но фактически ее духовные истоки находятся в царской России, в России черносотенцев и Союза русского народа. Вынужденные эмигрировать из России и скитаться на чужбине, эти эмигранты приносят в Среднюю и Западную Европу свои представления, свои мечты и свою ненависть. Мрачное, кровавое русское юдофобство пропитывает более благодушный немецкий антисемитизм. Уже Мережковский проповедует ненависть к "большевистскому антихристу". У нас в Германии усердно читают так называемые "Протоколы сионских мудрецов". Для антибольшевизма белой эмиграции старое русское юдофобство - самое подходящее оружие. Но теперь оно - совсем нехстати - стало исходным пунктом германского национал-социализма в области его внешнеполитических идей. Можно как угодно подходить к еврейскому вопросу, исходя из немецких национальных предпосылок, но ясно одно, тот антисемитизм, в который балтийские немцы запрягли Гитлера и его друзей, во всяком случае не является немецким делом. Это - двойник Агасфера: вечный антисемит, скитающийся по миру за "вечным жидом".

В конце мая 1921 году в Бад Рейхенгалле в Баварии состоялся конгресс русских монархистов. Видную роль играл на нем гетман Скоропадский, которому германское командование в 1918 году отдало власть над Украиной. Его круги поддерживали в продолжение известного времени сношения с национал-социалистами, до тех пор пока несколько лет назад Скоропадский не был заподозрен в симпатиях к Франции. Русские эмигранты писали в "Фелькишер беобахтер", выступали на национал-социалистических собраниях, как например Немирович-Данченко, бывший заведующий отделом печати у Скоропадского.

Розенберг, имевший конкретный опыт наблюдения за тем, что все большевистские лидеры являются представителями ев-

---

рейства, решил, что "каждый еврей в основе своей является большевиком", и был твердо убежден, что еврейские финансисты во Франции - союзники большевиков. Гитлер быстро усваивает эти истины. В том же номере "Фелькишер беобахтер" он высказывает убеждение, что евреи замышляют только революцию и нарушение чистоты чужих рас и что "каждый еврей - какие дьяволы! - в своей сфере действует прежде всего для этой последней великой цели, действует именно политически".

"ПРОСНИСЬ, ФРАНЦИЯ!"

Внешняя политика национал-социалистов была в то время антисемитской и вместе с тем антибританской - во всяком случае в гораздо большей мере, чем антифранцузской. Утверждение о том, что французское правительство состоит из "приказчиков англо-саксонской мировой фирмы" звучит скорее состраданием к французам, чем ненавистью к ним. "Фелькишер беобахтер" возвещает весну народов в Европе... "когда французский народ, в котором мы без зависти признаем и ценим его благородное ядро, поймет... что ...уже теперь можно заметить ростки, из которых во Франции, как и в других странах, вырастет национальный социализм будущего. Франция должна снова запереть в гетто евреев. Грядет национал-социалистическая мировая революция, ее лозунг: "Антисемиты всех стран, соединяйтесь!"

Тогда же - это было в феврале 1921 года на первом грандиозном митинге Гитлера в цирке Кроне - Гитлер мечет громы и молнии против "этой Англии, которая с дьявольским умыслом травит до смерти ирландский народ, доводя его до вечных революций против Англии, которая жульническим способом поработила старое культурное государство - Индию. Кто поверит теперь, что Англия когда-либо добивалась свободы малых наций, если она лишила последних следов свободы один из величайших культурных народов мира, Германию?"

В то время материальные блага нации еще были для Гитлера важнее, чем честь ее оружия. Он согласен на полное разоружение Германии, если будут аннулированы репарации.

"Покончите, - обращается он пятнадцатого февраля 1921 года в "Фелькишер беобахтер" к министру иностранных дел Зимонсу, - с вопросом о репарациях (тогда это еще не называлось "данью" для Франции), уничтожьте двенадцатипроцентный сбор с нашего экспорта, прекратите всякую дальнейшую воз-

---

возможность этой унижающей нас опеке разбойничьего союза (Антанты), создайте таким образом возможность существования и освободите нас от вечной угрозы гражданской войны в Германии. Тогда мы готовы будем освободить остальной мир от нависшей угрозы со стороны наших баварских дружин обороны страны. Тогда мы разоружимся". Такого рода внешнюю политику тот же Гитлер в позднейшие годы назвал бы политикой филистеров; ведь за аннулирование репараций она готова была продать право на вооружение и самооборону.

Это были дни лондонского ультиматума, установившего сумму репарационных платежей Германии в сто тридцать два миллиарда золотых марок. Гитлер и Розенберг проповедуют и тогда сопротивление. Но делают это неспроста... нет, у этих реальных политиков уже есть "могучий" союзник на востоке. "Только не подписывайте капитуляции, как в 1919 году, на пять минут раньше времени. Вся Россия как раз восстает против еврейского террора". (Розенберг)

Эта внешняя политика 1921 года, инспирируемая Людендорфом, генералом Гофманом и Рехбергом, переписанная начисто Розенбергом и по частям излагаемая Гитлером народу, направлена на создание антисемитской, антибольшевистской и антибританской континентальной Европы. Хребтом ее должен быть союз между пробудившейся Германией и проснувшейся Францией.

ПЕРВЫЙ МАССОВЫЙ МИТИНГ

Была ли эта внешняя политика опасна или, наоборот, не имела никакого значения, она во всяком случае расширила круг деятельности Гитлера. Он познакомился с Людендорфом. Их объединяли один из вопросов внутренней политики - борьба против баварского федерализма. Впоследствии пути их на долгое время расходятся; они снова сблизились лишь летом 1923 г.

Влияние Гитлера растет. Правда, он еще не владеет массой. Незадолго перед лондонским ультиматумом конкуренты из Патриотической партии устроили грандиозный митинг на площади Одеон, на котором присутствовало более двадцати тысяч человек. Гитлер тоже хотел выступить там с речью, но когда он пытался сделать это, оркестр заиграл туш, и самый пламенный оратор Мюнхена так и не был услышан. Так или иначе он убедился, какие массы народа можно поднять на ноги с помощью лондонского ультиматума. На сто тридцать два миллиарда мо-

---

жет сыграть всякий, кто сумеет инсценировать манифестацию протеста. Третьего февраля 1921 года Гитлер впервые отважился выступить в самом большом зале Мюнхена - в цирке Кроне. Этот зал вмещает больше восьми тысяч человек; пришли четыре тысячи. Благодаря умелой "расстановке" зал с грехом пополам был наполнен. Но хотя этот митинг был наполовину провалом, Гитлер показал другим пример того, как надо вести борьбу. Его соперники, гордые своим успехом, своими двадцатью тысячами слушателей, почтили на лаврах. Гитлер же на следующей неделе снова бьет в набат, снова созывает свою публику в цирк Кроне; он неутомим, потому что знает, что в это горячее время и масса неутомима. Так он постепенно добился цифры в восемь тысяч; со временем число его слушателей превысит двадцать тысяч, на чем успокоились его соперники.

Диапазон растет. Прежний небольшой кружок мясников и бакалейщиков постепенно сошел на нет. Гитлера окружают теперь новые люди различного социального положения; среди них мало мелких мещан. Это - буйные, авантюристические, - есть и темные, - но во всяком случае интересные натуры, как и сам Гитлер. Большинство из них более самоуверены, чем он, но ни один из них не достигает в решительный момент его нервного неистовства. К Дитриху Эккарту, единственному "кавалеру" в старом кружке, присоединяются теперь Розенберг и молодой студент, заграничный немец Рудольф Гесс, лучший друг Гитлера, ставший впоследствии его личным секретарем и неизменным спутником. Таковы люди, которые бескорыстно или с расчетом верят в него.

"ВОЖДЬ"

Снова подтвердилось старое положение, что если три человека с твердой решимостью стремятся к одному и тому же, они достигнут цели, хотя бы поставили себе задачей завоевать весь мир. Герман Эссер первый приветствует Гитлера как "вождя" после сомнительного успеха в цирке Кроне. Возникает некий круг руководителей национал-социализма; его несокрушимой догмой является неограниченная власть Гитлера над рядовыми членами партии как над толпой профанов.

Со стороны в партию приходят уже "важные господа" и обладатели громких имен. В партию вступил капитан-лейтенант Гельмут фон Мюкке, командир Айши и национальный герой. Что еще важнее, он добывает для партии финансовые средства.

Однако в то же время начинаются также раздоры между вожжами. Эссера обуяла бешеная ненависть к Розенбергу. Забываясь, он иногда переносит эту ненависть даже на Гитлера. В эти моменты он пытается натравить "идиота" Дрекслера против более сильного "товарища". Гитлер начинает верить в самого себя. Ему еще долго придется играть скромную роль "барабанщика" перед другими лицами, превосходящими его своим влиянием, образованием, остроумием. Когда он находился наедине с Людендорфом или Пенером, он в эти моменты пожалуй и сам верит в свою скромную роль. Но потом, оставшись без такого визави, когда он сидит один за столом и речь снова льется потоком из под его пера, - ибо писания его та же речь, - он уже мечтает о том, как "в один прекрасный день явится человек с железной волей, быть может в грязных сапогах, но зато с чистой совестью, положит конец разглагольствованию этих выхолощенных джентльменов и преподнесет нации действия".

Человек с железной волей! Можно побиться об заклад, что это не кто иной как Богом одаренный человек, выступивший перед четырьмя тысячами и в своем волнении, вероятно, принявший их за восемь тысяч. На нем как раз "грязные сапоги"... некогда он прогулял свой экзамен и теперь хвастает перед своими товарищами, капитанами и лейтенантами, что он был только "простым" ефрейтором. Несмотря на грязные сапоги, он превосходит всех других своим подвижным умом, способностью быстро схватывать новые ситуации. Он не только понял суть фашизма, появляющегося теперь на сцене а Италии, но схватил стиль коллеги - Муссолини, тоже пришедшего из окопов в грязных сапогах. Гитлер решил "преподнести нации действие".

Впоследствии один итальянский фашист назвал этого подражателя римского стиля "Юлием Цезарем в тирольской шляпе". Однако в Гитлере не раз еще скажется стиль бывшего венского строительного рабочего. Издеваясь над орлом в новом имперском гербе, он пишет: "Народную массу гораздо больше интересуют жареные курочки и уточки; наш народ с его здоровым инстинктом смеется над этой безобразной скотиной". Затем трещотка сменяет фанфары: "В этом новом имперском гербе преобладающее большинство народа видит не эмблему честных и свободных мужей, а каинову печать самой низкой измены". В этой мозаике стилей народный стиль народный тон еще безыскусственен, цезаризм же вымучен. Но Гитлер ставит себе целью стать Цезарем пропаганды, человеком, у которого в

крови нечто императорское, человеком, который лишь снисходит к фамильярному тону разговора с толпой. Несколько лет спустя он без запинки и не краснея восклицал в конце новогодней речи: "Коричневая гвардия приветствует судьбу". Когда же в 1932 году одно время запрещены были штурмовые отряды, Гитлер подражал словам Дуче: "Пока у штурмовиков есть сердце в груди, они будут верны мне и только мне".

ПРИЗЫВ К ВИСЕЛИЦАМ

Во время своих первых крупных успехов Гитлер чуть было не испортил все дело опасной склонностью к иронии. Его язык порою звучит, как еврейский жаргон. Природа мстила здесь за то, что Гитлер старался слишком наглядно представить своим слушателям манеры и образ мышления "избранного народа". Когда Гитлер говорит о "гоготании истерических революционных гусей, начиная со старой жидовской суки Розы (Люксембург) и продолжая этим старым жидовским ублюдком, этим Соломоном, нашим любимым Куртом Эйсером", - эти слова уже бьют мимо цели. Гитлер несколько перешел границы. Гораздо большее впечатление производят следующие слова: "Мы предлагаем повесить Виктора Коппа перед окнами русского, вернее, в настоящее время, жидовского посольства; Зеверинг и Герзинг должны получить не меньше двадцати лет каторжных работ".

Это первые членораздельно выраженные призывы к мести. Впервые здесь произнесена фраза о "головах, которые покатыя с плеч". В программе национал-социалистов фигурирует смертная казнь только для ростовщиков и спекулянтов. Но двадцать восьмого апреля 1920 года Гитлер заявляет уже: "Мы требуем предания суду преступников перед нацией, начиная с Эрцбергера до Зимонса (ставшего впоследствии председателем имперского суда) и включая всю парламентскую сволочь, соучастников их преступлений. Мы решительно настаиваем на том, чтобы эти преступники умерли не от почетной пули, а на виселице. Уже теперь мы позволяем себе обратить внимание будущего национального трибунала на то обстоятельство, что ввиду экономии света многие фонарные столбы у нас свободны".

"Фелькишер Беобахтер" напечатала все это слово в слово. Несмотря на этот слишком уж резкий стиль, газета прекрасно отвечала тогда своему назначению - гораздо лучше, чем когда бы то ни было впоследствии. Это было заслугой ее молодого

редактора Эссера, специалиста по части раскрытия тайн еврейских квартир. Эссер обладал гораздо большим журналистским талантом, чем Гитлер. Гитлер отлично знает вибрирующие, чувствительные струнки своей аудитории и умеет играть на них, но он не знает чувствительных мест читателя. Аудитория собраний принимает слова на веру, отдельный же читатель настроен более критически, к нему надо подойти конкретно, а этого Гитлер не умеет. Здесь более темпераментный, более дерзкий и путанный Эссер превосходит своего товарища. Школой для этой национал-социалистической журналистики послужил "Мисбахер Анцайгер", небольшая местная газета, несколько лет пользовавшаяся чуть ли не мировой известностью благодаря своей борьбе против республики. "Фелькишер Беобахтер" быстро усвоила этот тон, но, кроме того, он имел и некоторое преимущество перед мисбахской газетой: у него была конкретная историческая цель.

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Слава Гитлера растет. Он становится известным уже за пределами Мюнхена. В начале лета 1921 года он живет несколько недель в Берлине. Здесь он связывается с северогерманскими правыми крутами и выступает в Национальном клубе. Он замышляет немалое: распространить движение за пределы Баварии. С этой целью Гитлер ведет переговоры также с консервативными лидерами бывшей прусской Палаты господ: графом Иорком фон Вартенбургом и графом Бером. Но тут за его спиной произошло событие, которое заставило его спешно вернуться в Мюнхен. Молодая слава вдруг оказалась под угрозой. Основатели партии собирались свергнуть слишком высоко поднявшегося Гитлера.

Первым толчком к этому явилось слишком поспешное распространение движения за пределы Мюнхена. В движение было вовлечено много иногородних групп и много новых вождей, но переварить их сразу не удалось.

В Нюрнберге с 1920 года подвизался Юлиус Штрайхер, по профессии учитель, по убеждениям антисемит и ненавистник "чистой публики", милостью божьей - агитатор, могущий помериться с Гитлером своими местными успехами. Правда, по уму он уступает Гитлеру, язык его примитивнее, беднее, путаннее. Штрайхер превосходит мюнхенского коллегу своим гражданским мужеством и отсутствием брезгливости: он собственноруч-

---

но роется в навозе и с небольшими паузами преподносит обывателям Нюрнберга, которые, как все жители больших городов, падки до сенсаций, каждый раз новый скандал. Когда он берет за шиворот противника - большей частью еврея, - разыскав какую-нибудь грязную историю, он, несмотря на все преувеличения и обобщения, оказывается в том или ином пункте действительно прав. Одним словом, подобно Эссеру, он имеет перед Гитлером преимущество большей конкретности и восполняет ею отсутствие политической прозорливости, а также вкуса и такта.

Штрайхер был смертельным врагом Гитлера. До сих пор ему не приходилось подчиняться последнему, но он хотел большего, - он хотел победить Гитлера, отнять у него руководство мюнхенской организацией. Вскоре он нашел союзника в лице доктора Дикеля. Последний стоял в Аугсбурге во главе Рабочего союза, который истари существовал здесь и получил от профсоюзов презрительную кличку "Желтого союза". В Немецкой рабочей партии Штрайхер видел нечто аналогичное. При этом в некоторых пунктах он был радикалом. Так, например, в июле 1921 года он по приглашению мюнхенского партийного руководства выступил с резким докладом, направленным против крупного землевладения: он объявлял последнее столь же опасным, как еврейство. Это был, можно сказать, единственный выпад против крупного землевладения, который когда-либо имел место в национал-социалистической партии, к тому же так близко к ее верхам.

ДРЕКСЛЕР И ШТРАЙХЕР ПРОТИВ ГИТЛЕРА

Появление на сцене Дикеля подало сигнал к перевороту. Какое "партийное руководство" пригласило его? Это был не Гитлер - он в то время находился в Берлине, - это сделал старший партийный комитет, то есть те лица, которые некогда в кафе "Дойчес Райх" ("Германская империя") основали Немецкую рабочую партию в составе тридцати человек. Ныне они видели, как эта партия все более уплывает из их рук в руки Гитлера.

Эти основатели партии отнюдь не были рабочими, как они воображали, они не были также социалистами, как их в этом убеждали, они были лишь бедняками, до известной степени гордящимися своей беднотой. Их невыутюженные брюки являлись в их глазах признаком более высокой морали, отличавшим их от "спекулянтов". В их среде возникла этика буржуазной бедноты, вернейший признак возникновения нового класса. По-

---

мятые брюки стали гордостью пролетаризированных средних слоев, точно так же как в свое время мозолистые руки стали отличительным признаком настоящего пролетария. Этими людьми и выдвинут был первый председатель партии Антон Дрекслер, они же выдвинули руководство партии, одним из членов которой был Гитлер. И тем не менее они потеряли свое влияние.

Член партии номер семь сумел сделать свое ведомство пропаганды чуть ли не единственным органом партии. Председатель комитета, член партии - все они оказались лишь придатками к этому раздутому ведомству. Отдел пропаганды и его заведующий были видны окружающему миру, а номинальному главе партии приходилось отправляться в провинцию и там импровизировать свои серые выступления посредственного оратора. Возможно, что это распределение ролей в старом партийном аппарате тоже содействовало тому, что Гитлер односторонне увлекся только пропагандой. Политический акт, пожинающий плоды пропаганды, всегда имел для него лишь второстепенное значение.

Чем объясняется это перемещение влияния в партии? Несколько рядовых маленьких политиков, долго и упорно высиживавших свои взгляды, столкнулись с человеком, легко поддающимся влиянию, но каждый раз обнаруживающим большой темперамент. Бороться с ним оказалось им не под силу. Этот темперамент привлек в движение новых людей из других, более обеспеченных слоев студентов и офицеров. Они, правда, не занимали должностей в партийном аппарате. но они писали в "Фелькишер Беобахтер", выступали на собраниях, причем прикрывались всегда авторитетом заведующего пропагандой Гитлера и ни в грош не ставили авторитет партийного руководства в целом.

Если в этот партийном руководстве были хоть мало-мальски живые люди, между ними и Гитлером должна была наконец произойти борьба за власть. Случай к этому представился в его отсутствии. В Берлине проявили интерес к партии. Нельзя ли сломить силу Гитлера, перенеся центр в Берлин? Нельзя ли при этом прийти к согласию с "немецкими социалистами" Бруннера и Штрайхера? Диккель раззадорил в этом смысле Дрекслера, а Штрайхер поддержал этот план. Объединение с другими группами на равных началах должно было, по их плану, надолго затормозить растущее влияние Гитлера, тем более, что ему

пришлось бы иметь дело с менее покладистыми людьми, чем мюнхенцы.

Гитлер парировал этот замысел ударом необычайной силы. Он вернулся в Мюнхен и заявил, что выходит из партии. Противники, не ожидавшие такого оборота, стали уговаривать его; в особенности старался Дрекслер. Последнему пришлось слышать в ответ такие комплименты, как "жалкий идиот" и "подлая собака". Кроме того разгневанный Гитлер заявил, что передает дело на суд членов партии и будет сам выступать перед ним. На это, в свою очередь, не могло пойти партийное руководство. Но поставленное перед альтернативой совершенно потерять Гитлера или подчиниться ему, оно предпочло последнее. Какие соображения играли при этом роль? Вспомним, что и материальными средствами партии, а именно газетой "Фелькишер беобахтер", распоряжался Гитлер. Ибо Федер и Эккарт, в руках которых находились деньги, полученные от генерала фон Эппа, были на стороне Гитлера, точно так же, как Розенберг и Гесс, то есть, другими словами, - вся "чистая публика". Кроме того, Гитлера поддерживал также Эссер, самый сильный и влиятельный оратор партии после Гитлера. Партия не могла пойти на потерю своих лучших членов, и вместе с ними своих вернейших денежных ресурсов и газеты.

"НА ЧТО ЖЕ ОН, НА САМОМ ДЕЛЕ, ЖИВЕТ?"

Победа Гитлера казалась уже окончательной, когда он четырнадцатого июля обратился к партийной верхушке с письмом-ультиматумом, в котором требовал для себя диктаторских полномочий. Но тут противная сторона снова стала на дыбы. Она разослала членам партии листовку-циркуляр, в которой на Гитлера возводились тяжелые, отчасти небезосновательные обвинения. Между прочим там говорилось:

"Гордыня власти и личное честолюбие заставили г-на Адольфа Гитлера вернуться на свой пост из Берлина, где он провел шесть недель, причем до сих пор не высказался о целях своей поездки. Он считает момент подходящим для того, чтобы по заданию скрывающихся за ним темных личностей внести раздор в наши ряды и таким образом способствовать интересам еврейства и его приспешников. Теперь все более обнаруживается, что Национал-социалистическая немецкая рабочая партия служила ему только средством для грязных целей, для захвата руководства в свои руки и перевода партии в подходящий мо-

---

мент на другие рельсы. Лучшим доказательством этого является ультиматум, с которым он на днях обратился к партийному руководству. Он требует в ультиматуме, в числе прочего, полной и безраздельной диктатуры для себя, отставки партийного комитета, а также ухода основателя и вождя партии слесаря Антона Дрекслера с поста первого председателя партии. Он требует этого поста для себя; кроме того, он требует, чтобы в течение шести лет не велось никаких переговоров об объединении нашей партии с прочими национал-социалистами и немецкими социалистами. Уже одни эти требования означают не что иное, как попытку держать партию в черном теле и не дать ей возможности расти...

Другим пунктом является вопрос о его профессии и зарботке. Когда отдельные члены партии обращались к нему с вопросом, на какие средства он, собственно, живет и какова была его профессия в прошлом, он каждый раз приходил в раздражение и сердился...

А как он ведет борьбу? Он передергивает факты и представляет дело так, будто Дрекслер - плохой революционер и желает вернуться к системе парламентаризма. В чем дело? Дрекслер еще ни на йоту не отступил от своих взглядов, которые высказывал при основании партии. Правда, наряду с революционной деятельностью Дрекслер желает указать немецкому рабочему путь, по которому он должен идти для достижения своей цели, другими словами, наряду с бичующей критикой нынешних возмутительных условий он желает проводить также положительную экономическую политику.

Гитлер нашел компаньона для своих поисков в лице г-на Эссера. Человек, которого сам Гитлер не раз называл вредным для движения, человек, который неоднократно требовал у Дрекслера снятия Гитлера, вдруг избран последним для проведения его темных планов. И самое замечательное то, что сам Гитлер неоднократно заявлял (это могут подтвердить свидетели): "Я знаю, что Эссер - негодяй, но буду держать его только до тех пор, пока он может мне пригодиться". Национал-социалисты, судите сами о людях с таким характером. Не давайте ввести себя в заблуждение. Гитлер - демагог и выезжает на своем ораторском таланте; с помощью последнего он надеется одурачить немецкий народ и в особенности втереть очки вам. Он преподносит вам вещи, которые весьма далеки от истины. Протестуйте против того, что с честными основателями нашей

партии собираются поступить также, как это прежде делалось в других партиях...”

ГИТЛЕР ЗАВОЕВЫВАЕТ ПАРТИЮ

Эта листовка была большой тактической ошибкой, хотя ее авторы во многом были правы. Гитлер действительно узурпировал власть в партии и отвлек партию от ее первоначальных целей. Куда? - этого он сам, вероятно, в то время еще не знал. Верно и то, что он имел вдохновителей, которым во что бы то ни стало надо было оставаться в тени, - они находились в рядах Рейхсвера.

Но так как у критиков были только подозрения, но не было доказательств и свидетелей, их выпад оказался на руку Гитлеру. Сам Дрекслер, а также второй председатель партии Кернер вынуждены были отмежеваться от этой листовки и заявить об этом в публичном плакате. На двух чрезвычайных собраниях членов партии двадцать шестого и двадцать девятого июля Гитлер пожал плоды своей победы и продиктовал свои условия мира. Устав партии был изменен в том смысле, что первый председатель получал неограниченные полномочия; этим председателем стал с двадцать девятого июля сам Гитлер, а вторым остался Кернер. Дрекслер, который послушно пошел на попятный, был сплавлен на пост почетного председателя; это означало, что он не только побежден, но и связан по рукам и ногам. Те члены комитета, которые имели несколько больше чувства собственного достоинства, вышли из партии; впрочем, часть их через несколько месяцев вернулась в него. Чтобы стало совершенно ясно, кто теперь хозяин в партии, Гитлер сделал своего друга Марка Аманна управляющим делами партии.

Эта была победа “кавалеров” над мещанами в партии. Революционное настроение партии получило отныне другую окраску; полусоциалистическое возмущение было заменено традиционным фрондированием с сильно выраженной тенденцией к оппозиции “вообще”. Преобладающее влияние получает теоретик партии Розенберг, враждебный всякому социализму; расчищается дорога для офицеров, вроде Рема и Геринга. Таким образом деньги, переданные полгода назад Дитриху Эккарту генералом Рейхсвера фон Эппом, уже принесли проценты. Лица, стоящие теперь во главе партии, не все состоятельные люди. Но за ним стоит известная, хотя пока еще скромная денежная сила. Победа Гитлера в 1921 году была победой человека, имевшего за

собой денежные средства. Мы увидим, что впоследствии его примеру последовал ряд других вождей, купивших себе место в партии.

Вместо старых основателей партии, с которыми Гитлер справился без лишних слов, ему приходится иметь дело с людьми другого закала. Он не становится однако игрушкой в их руках, но ему приходится научиться дипломатической игре и во время создавать противовес против тех, которые могли получить слишком большое влияние в движении. До 1926 года - в перипетиях подъема, падения, распада и нового подъема - это ему удавалось; но затем начинается новый, более трудный период, начинается более крупная игра, которая продолжается еще и по настоящий момент.

ВОЖДЬ: ЕГО ПОРТРЕТ

Мы можем теперь несколько ближе присмотреться к человеку, который, по мнению своих приверженцев, уже тождественен со своей партией, а по их горячему желанию должен стать олицетворением судьбы Германии.

Биография Гитлера до войны известна нам почти исключительно с его слов: в рассказе Гитлера имеются пробелы в целые годы, а то немногое, что он сообщает, самым очевидным образом смазано. По его собственным вскользь брошенным намекам можно предполагать, что политическое прошлое Гитлера вело его к нынешней цели далеко не прямо. В лагере противников даже намекали, что Гитлер имел какие-то связи с евреями. Так или иначе, народ имеет право требовать, чтобы политический деятель, требующий от него столь безраздельного и единственного в своем роде доверия, информировал его о прошлом точнее, чем это было сделано до сих пор. Тайна, окружившая движение и его вождя с самого начала, крайне повышала интерес к нему, но вместе с тем иногда вызывала чувство неловкости даже у его горячих приверженцев.

ГИТЛЕР ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ПАРТИЮ

Адольф Гитлер родился двадцатого апреля 1889 года в Австрии в Браунау на Инне, где отец его служил таможенным чиновником.

Родители отца Адольфа, Алоиза Гитлера, вступили в брак друг с другом уже тогда, когда их сыну было уже три года. Поэтому до трехлетнего возраста маленький Алоиз был зарегистрирован под девичьей фамилией своей матери Шикльгрубер. То, что отец Гитлера был рожден вне законного брака, не было чем-то необычным для того времени: католической Австрии было чуждым чрезмерное ханжество. Совместная жизнь супругов вне законного брака была тогда, как и сейчас, вполне приемлемой в глазах общественного мнения. В любом случае, после заключения брака своих родителей маленький Алоиз приобрел свое вполне законное семейное имя, которое по справедливости передал своему сыну Адольфу.

Первые годы детства Гитлер провел в баварском городке Пассау, следующие - в Линце на Дунае. В Линце преподавал

историю учитель, настроенный "нацгермански" и считавшийся в Австрии Франца-Иосифа "революционером", на самом же деле фальсифицировавший всемирную историю под углом зрения "героического германского эпоса". Впоследствии Гитлер никогда не мог преодолеть результатов этого сусального преподавания. Любимым героем австрийца Гитлера стал пруссак Фридрих Великий. В этой школе Гитлеру привиты были наивная вера в школьную же мудрость и склонность видеть все в упрощенных и грубых очертаниях.

Шестнадцать лет Гитлер потерял отца и мать и перенес тяжелую болезнь легких. Как он сам рассказывает, отец считал его неудачным сыном, из которого не выйдет ничего путного; в школе учился он плохо, последние два года жизни матери он провел дома без дела. В своей автобиографии Гитлер говорит об этих мало привлекательных своих чертах осторожно, но все же так, что читатель получает о них достаточное представление. Свои слабые успехи в школе Гитлер оправдывает своим "идеалом" - желанием стать художником. Но для этого у него нет дарования, как сухо заявил об этом ректор Венской художественной академии. Имеются, правда, способности к рисованию, но для поступления в архитектурную школу ему не хватало образования, так как он нерегулярно посещал школу и не сдал экзаменов.

Молодой человек начал свою самостоятельную жизнь как зазнавшийся и бьющий баклуши недоросль, а вовсе не как необузданный гений. Он сам делает себе упреки. По своему материальному положению он, как и тысячи других, легко мог бы получить школьное образование, но оно было ему не по нутру. Следов самообразования у него тоже не замечается, за исключением беспорядочной страсти к чтению и театру; особенно он восторгался Вагнером. Одним словом, Гитлер имел все данные, чтобы превратиться в то, что называют "фруктом".

Но, к счастью для него, дела его пошли плохо. Уроки и стипендии прекратились; пришлось взяться за работу, за какую бы то ни было работу. Однако он не знал никакой работы. Поэтому он становится подручным рабочим на постройке в Вене. Еще недавно студент, художник, гений - он носит теперь кирпичи; а между тем от отца он унаследовал уважение к чиновной иерархии. Только сильная натура может перенести такой прыжок с высоты, не сломав шеи. Молодой Гитлер - не такая

сильная натура. Но он достаточно крепок, чтобы сохранить свое лицо, а это значит для него: не стать "пролетарием".

В теоретическом отношении он склоняется к социал-демократии. Но практически этот юнец должен еще всему учиться. Первый жизненный опыт, с которым он сталкивается, это - солидарность рабочего класса. Товарищи по работе пытаются заставить его вступить в профсоюз. Как, его, художника! Здесь Гитлер, вынужденный на время стать рабочим, проводит резкую грань между своей судьбой и судьбой пролетария: "Моя одежда была еще приличной, выражался я литературно, вел себя сдержано. Я лишь искал работы, чтобы не умереть с голоду и иметь возможность продолжать образование хотя бы урывками. Я вообще, быть может, не обратил бы никакого внимания на окружающую меня среду, если бы..." Да, если бы эта среда сама не обратила на него внимания и не потребовала его вступления в профсоюз, с помощью которого рабочий защищает свои скромные права.

Гитлер наотрез отказался. Он не может и не желает стать товарищем людям, которые "все отвергают": нацию как выдумку класса капиталистов, отечество как орудие буржуазии для эксплуатации рабочего класса, закон как инструмент для угнетения пролетариата, школу как институт для воспитания рабов, мораль как печать глупого овечьего долготерпения.

Ближайшим результатом было то, что товарищи прогнали Гитлера с места его работы. Это зародило в нем "антимарксизм".

Примерно в двадцать лет Гитлер переменял профессию и изучил архитектурное черчение. В политике он оставался наблюдателем; вероятно политические интересы стояли у него в то время не на первом плане. Веру в великую Германию, ненависть к монархии Габсбургов он воспринял еще на школьной скамье в Линце. Это были вера и ненависть, характерные для активных элементов среди австрийских немцев, в особенности с 1897 года, со времени издания графом Бадени благоприятных чехам "распоряжений о языках", со времени возникновения в восьмидесятых годах немецко-национального движения под руководством Шенерера и Вольфа.

В столице государства, населенного немцами, славянами, мадьярами, итальянцами и румынами, расовый вопрос вставал сам собой. Его специфическое проявление - антисемитизм - имел в Вене, в которой живет много евреев из восточных провинций,

чисто национальный характер и был господствующим направлением. Бургомистром Вены был д-р Карл Люэгер, вождь христианско-социальной партии и застрельщик антисемитского движения. Этот выдающийся человек произвел на Гитлера сильное впечатление, во всяком случае, гораздо более сильное, чем существовавшие уже тогда австрийские национал-социалисты. С последними он не имел ничего общего. Но антисемитизм Люэгера имел в виду уничтожение еврейства путем крещения. Из Гитлера же развился зоологический антисемит, для которого все дело в наследственных признаках, а убеждения не играют никакой роли. Однако, согласно изложению Гитлера, все это имелось у него в годы, когда он жил Вене, только в зародыше. Что он оставил Вену уже антисемитом - это возможно. Был ли он тогда уже, как он утверждает, сложившимся "антисемитом", в этом можно усомниться.

По званию своему архитектурный чертежник, на самом же деле рисовальщик, Гитлер переселился в 1912 году в Мюнхен, где почувствовал себя гораздо лучше, чем в Вене. Что отравило ему пребывание в Вене, мы не знаем. Мюнхен стал его второй родиной. В австрийской армии ему не пришлось служить, так как по состоянию здоровья он был признан непригодным к военной службе. В середине августа 1914 года он, как и другие его сверстники, поступил в армию добровольцем, а именно в 16-й баварский резервный полк. Этот полк понес особенно тяжелые потери. Предоставим спор о солдатских подвигах Гитлера любителям такого рода полемики; так или иначе он получил орден Железного креста первого класса. Для ефрейтора - редкое отличие, хотя по свидетельству его позднейшего друга Рема, его легче было получить при штабе, к которому Гитлер был прикомандирован, нежели в окопах. В 1916 году Гитлер отклонил австрийское требование о переходе в австро-венгерскую армию. В конце войны он чуть не ослеп вследствие отравления газами. Второй раз организм Гитлера - во власти тяжелой болезни, и у него появляются черты истерии.

Во время германской революции Гитлер находился в госпитале в Пазевальке. Гитлеру тогда было двадцать девять лет; это был человек со многими талантами и многими недостатками. Он платил очень большую цену за свое продвижение вперед; он был менее зрелым, чем обычный человек такого возраста. В то время как он обладал мышлением и рассудительностью более глубокими, чем многие другие, у него был существенный недо-

---

статок здравого смысла как в понимании других людей, так и в способности сочувствовать их точкам зрения. Его однополчане считали его не вполне нормальным, и у него не было друзей. Это было продвижение к этому уединению. У него не было обыденного здравого смысла, который мог бы научить его относиться к другим с уважением, и он вовсе не заботился об общественном мнении. Его взрывы ребячества стали его силой как пропагандиста. Он мог подавить людскую толпу точно так же, как капризный истеричный ребенок терроризирует свою семью.

Путь Гитлера от рядового солдата к политическому деятелю известен. Он описывался уже не раз. Большинство профессиональных политиков желают сохранить существующую власть и лишь по возможности увеличить свою долю в ней. Гитлер - не таков. Что касается его позиции по отношению к довоенной власти, то она была и осталась консервативной. Ему достаточен был самый факт ее существования; сам же он собирался тогда только красить и строить дома. Он верит в аристократию; для аристократии нужны подданные, и Гитлер с самого начала согласен быть подданным. Он принадлежит к числу тех, в ком только война пробудила интерес к политике. Такие люди, пришедшие к политике не по внутренней склонности, а в результате того или другого переживания, не всегда оказывались самыми крупными политическими талантами; но Гитлер, несомненно, не принадлежит к самым худшим из этих талантов.

Этот поклонник Фридриха Великого и Бисмарка находит в Германской империи Вильгельма Второго только вредные наросты, нуждающиеся в устранении, но, по существу, его консерватизм позволяет ему удовлетворяться прелестями существующего режима и уповать на исцеляющую силу нации. Революция 1918-1919 годов оскорбила сокровенные чувства Гитлера и не могла не толкнуть его на путь протеста. Гитлер обладал в достаточной мере темпераментом, чтобы довести этот протест до контрреволюции; его образу мышления безусловно противоречит все революционное. И вот сторонник авторитарного государства, поклонник "культа вождя" уже четырнадцать лет оказывается революционером поневоле. Первоначально в нем еще говорит возмущение верноподданного, у которого отняли его короля. Лишь окружающая его обстановка, быть может, также пример Муссолини, делают его "вождем", причем первоначально только вождем восстания. Сперва он считается своей задачей только расправу с марксистами. Еще в октябре 1923 года он заявляет,

---

что задача его будет исчерпана, лишь только он приведет народ к восстанию.

Но жизнь коротка, а путь учения долог; с течением времени образ вождя национальной революции мало-помалу превращается в его сознании в образ повелителя. В Гитлере уже рано сказывались черты преувеличенного самомнения; они чередуются теперь с внушающей большую симпатию, хотя и высокопарной, рассудительностью; когда в апреле 1922 года ему предстоит отправиться на месяц в тюрьму за насильственный срыв собрания противника, он заявляет: две тысячи лет назад некто другой тоже был ввергнут в узилище и сделали это представители той же расы, которые тащат в тюрьму его, Гитлера. Но год спустя он признается с глазу на глаз: "Ведь все мы лишь Иоанны Крестители в миниатюре. Я жду пришествия Христа". В этом заключается немалый трагизм; человек ожидает Мессию, тоскует по владыке, но в конце концов сам берет на себя роль повелителя, потому что не нашлось другого господина. Здесь неизбежен надрыв. Поэтому роль повелителя и остается всегда лишь образом и обещанием, никогда не претворяясь в дело.

ТРАГЕДИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

В известной этот политический надрыв сопровождается душевным надрывом. Противники и непочтительные сторонники обозвали Гитлера недоучкой. Но этот упрек, самый дешевый из всех, вряд ли справедлив хотя бы наполовину. Благодаря изумительной памяти Гитлер запомнил массу прочитанного материала, причем вовсе не переваренного. Что он переваривал его, видно из той захватывающей, гипнотизирующей манеры, с которой он умеет передавать свое знание слушателям, как ни причудлива порой его собственная приправа. Неверно также то, что Гитлер не имеет специальных знаний. Быть может, он был неплохим архитектурным чертежником. Его внешнеполитические проекты, ставшие с течением времени более зрелыми, свидетельствуют о серьезной умственной работе.

Выше упоминалось о ребячестве его стиля. Его постоянное преклонение перед великими, неподражаемыми, гениальными натурами, творившими всемирную историю, просто претит; это действительно стиль ученика третьего класса. Наивный стиль мальчугана из Линца, который на торжественном вечере с упоением декламирует одну и ту же высокопарную оду и вдоба-

---

вок плохо справляется с высоким литературным стилем: "Как основываются государства? Они основываются блестящими вождями и народом, который заслуживает лаврового венца на свое чело". От частого повторения эта фраза становится скучной. Горячее воззвание - это еще куда ни шло. Но совсем невозможно становится, когда эти тирады пишутся "железным грифелем", например, для обоснования отрицательного отношения к расширению прав президента республики в связи с плебисцитом 1928 года, произведенным по требованию Стаального шлема. Послушайте Гитлера: "Только боевая решимость человека, борющегося за свою жизнь, ведет к суверенной свободе действий по отношению к жизни других... Защищая мнение, что путем демократических решений в пользу расширения конституционных прав можно дать людям способность по-новому определять судьбы народов, вы этим лишь показываете, в какой мере вы, хотя и совершенно бессознательно, сами заражены уже ядом демократии и, кроме того, из страха перед сильной личностью предпочитаете поднимать значение должности".

Здесь немецкий язык отдан в жертву канцелярскому писарю. Сама идея недурна. Гитлеру попросту хочется сказать: "Зачем вы возносите на престол Гинденбурга, раз вы имеете меня, Гитлера?" Разумеется, плохой немецкий язык Гитлера объясняется не тем, что он не писал в гимназии немецких сочинений. Недостатки стиля - это недостатки характера.

Трагедия его образования - это трагедия его характера. В школе он был неудачником; он проворонил экзамены, бездельничал. Это не беда, а вина его, она вечно будет его мучать. Кто имел с ним дело, тому не могла не броситься в глаза его неуверенность по отношению к людям, обладающим дипломами и титулами, прочным общественным положением и репутацией. Неуверенность эта проявляется либо в смущении, либо в утрированной грубости. Посмотрите только на его поведение в суде. Как бестактно ведет он себя перед председателем: то кричит на него, то буквально лебезит перед ним... Конечно мы имеем в виду не его короткие выступления в последние годы в качестве свидетеля, а его поведение на прежних процессах, когда он был еще простым обвиняемым, а не "великим человеком".

Трудно предположить, чтоб человек с репутацией Гитлера просто пугался общественного положения своего партнера. Вероятно, люди с рангом и титулом представляются ему в некотором роде идеалом, образцом: - ведь они добились в молодости

того, что он прозевал. Даже головокружительная слава Гитлера не может полностью заменить ему сознание исполненного долга. Характернейшей чертой этого одностороннего таланта является неуравновешенность.

ЛЕГЕНДА О "ЧЕЛОВЕКЕ ИНСТИНКТА"

Какие подлинные дарования определили судьбу Гитлера?

Пережитая в молодости болезнь легких, отравление ядовитыми газами на войне, чуть было не подведшее к потере зрения и к галлюцинациям, придали его организму ту легкую уязвимость, которая часто вызывает усиленную работу ума и иногда закаляет характер. С самого начала своей политической карьеры старый солдат Гитлер подчеркивает, что он - штатский человек. В годы инфляции, когда почти каждый молодой немец расхаживал в гетрах или гамашах, он неукоснительно носит брюки на выпуск. Перед штурмовиками и их офицерами он всегда старается выступать в позе народного комиссара. В политике он придает большое значение силе, слишком большое в сравнении с левыми. Но среди правых он с самого начала самый видный антимилитарист, если под милитаризмом понимать передачу политики в руки военных. Он видит в армии главное орудие политики, но только орудие, не более того. На этой почве возникло непримиримое принципиальное разногласие между ним и Ремом, ставшим впоследствии начальником его штурмовых отрядов; это разногласие было преодолено на деле благодаря аполитичности Рема.

У Гитлера нет твердой воли. Многочисленные свидетельства окружающих его людей, его политических партнеров, свидетельствуют о недостатке в нем самообладания, об истерических взрывах даже в частной беседе, которые внезапно сменяются жалким лепетом, как только собеседник переходит в наступление, задает вопросы, переносит спор на почву фактов. Нет ничего стабильного в его бурлящем нраве. В нем есть властность, но нет решающей силы этой властности - самообладания. Мрачная, иногда жестокая непреклонность в ряде случаев заменяет отсутствие этого природного достоинства, которое может прийти только как результат жесткого самоконтроля. Подробный анализ кажущихся больших успехов Гитлера, достигнутых даже и в недавнее время (т.е. в 1932 - 1933 годах - прим. пер.), показывает, насколько нервно он принимал каждое се-

---

рьезное решение. Скорее, не он сам достиг величия, а величие само пришло к нему.

Он был человеком не воли, а ума, но, надо заметить, выдающимся человеком. Разработка кампании по достижению власти является выдающимся интеллектуальным достижением.

Худший из игроков всех типов, Гитлер не в состоянии спокойно встретить поражение и предвосхищает поражение уже в безобидной форме вопроса на неприятную тему. Как одержимый он по самым ничтожным поводам беснуется в своем бюро, мечется из комнаты в комнату; из-за запропастившейся стенограммы своей последней речи - а его последняя речь всегда самое крупное событие - он в состоянии обещать надавать пощечин своим старейшим сотрудникам. Это - слишком впечатлительный человек, которого более холодные товарищи - а кто не будет в таких случаях более холоден? - не раз с позором осаживают. И тем не менее, несмотря на все, он все же проводит свою импульсивную волю. Проводит ее благодаря своим умственным способностям.

Противники, которые его недооценивают, - а таковы почти все его противники, - считают его человеком инстинкта, который благодаря своему проникновению ясновидца в тайны рабочей души всегда умеет найти слова, обеспечивающие успех, совершенно вне зависимости от того, правильны ли они по существу. Это суждение противников в высшей степени легкомысленно по отношению к человеку, характер которого в достаточной мере открыт для общественной критики. Несмотря на все свое искусство, Гитлер вначале нередко проваливался перед своими слушателями; он сам рассказывает об этом в своей книге. Как и всем ораторам, ему пришлось подучиться, чтобы иметь успех; правда, он скоро справился с этим и овладел рутинной, которая требуется от оратора. Но инстинкт - ?

Люди инстинкта - обычно холодные и сдержанные люди, поскольку инстинкт говорит неслышным голосом. Гитлер же, напротив, при малейшем поводе теряет самообладание и орет, ему никогда не удастся быть господином положения, в момент, когда требуется быстрое решение, он часто запаздывает. Не таков человек, следующий внутреннему голосу. Кто изучает его речи не в исковерканной передаче телеграфного агентства, а на месте, на собраниях или же по более или менее дословному изложению их в "Фелькишер беобахтер", тот найдет в них со-

---

вершенно другой отличительный признак, нежели умение пасть в тон массе. Он найдет в них логичность.

НЕДОСТАТОК ВОЛИ, ЗАТО ХОРОШАЯ ГОЛОВА

Сила Гитлера - в его железной логике. Быть может, ни один другой политический деятель современной Германии не обладает в такой мере смелостью делать из данной ситуации неизбежные выводы, возвещать их, не боясь насмешек инакомыслящих, а главное - поступать своеобразно этим выводам. В этой силе логики и заключается секрет убедительности его речей. Когда генерал Рейхсвера фон Лоссов в 1923 году, уступая настояниям баварского правительства, привел седьмую бригаду к присяге в пользу Баварии, а потом пошел на попятную и стал искать компромисса, Гитлер является к нему и отчеканивает: "С военной точки зрения здесь немыслимо прощение и соглашение. Военачальник со столь широкими правами, раз поднявшись против своего начальника, либо должен иметь решимость пойти до крайнего предела, либо является простым бунтовщиком и мятежником и должен пасть".

На словах это очень просто, и ход событий соответствовал этому. Но Лоссов пытался вывернуться, не хотел понять этого и - что важнее - не соглашался действовать соответственно этому. И, действительно, через пять месяцев последовало его падение, хотя он тем временем даже приобрел заслуги в деле подавления гитлеровского путча. Гитлер на пять месяцев раньше других предвидел то, что исторически было само собой разумеющимся; как он тогда выразился: сказав А, надо сказать и Б. Это - основное правило для людей последовательных, для людей логики.

Кто не признает за Гитлером сильной логики, тот, пожалуй, не найдет ничего замечательного и в его книге "Моя борьба". В ней нет системы, она бесконечно повторяется и поэтому в общем скучна. Но в ней есть множество интереснейших деталей. Конечно это - книга интернационального антисемита, и кто взял ее в руки, должен учитывать те предпосылки, из которых она исходит.

ПЛОХОЙ ПРОРОК

Хорошие качества ума этого человека сходят здесь на нет. Настолько метки его умозаключения, настолько же легковесны, поверхностны и надуманы его наблюдения. Трудно превзойти

его в том, как он делает выводы из происходящих событий, но при подборе материала для своих выводов он часто грубейшим образом ошибается, бьет мимо цели, так как оказывается в плену своих прежних умозаключений и не умеет трезво оценивать события. Так, например, в 1921 году он самым категорическим образом предсказывает предстоящее вскоре падение советской власти; осенью 1923 года он негодует: Штреземан - притворщик и отлично знает, что французы никогда не уйдут из Рурской области; находясь в заключении в Ландсбергской крепости, он торжественно возвещает своим товарищам по заключению, что в 1928 году над Берлинским дворцом будет развиваться флаг со свастикой; осенью 1931 года он уверяет товарищей по гарцбургскому блоку, что через три месяца придет к власти.

Конечно, другие политические деятели тоже ошибались. Но ведь Гитлер претендует на непогрешимость. После убийства Ратенау в 1922 году он восклицает: "Я никогда не говорил вам, что то или другое может наступить, я всегда говорил, что оно наступит, потому что должно наступить и иначе быть не может; то, чего мы ожидали, случилось теперь". Речь шла о "пророчестве", что из столкновения между централистской позицией немецкого правительства и взглядами баварского правительства должны будут возникнуть конфликты; чтобы предвидеть это, воистину не нужно было никакого пророческого дара.

Очевидно то, что логика, которая исходит из ложных предпосылок и приводит к ложным заключениям, не имеет большой ценности. Однако нужно заметить то, что Гитлер знает одно наверняка - он знает своих собственных людей. Систематизация ошибок является основой для многих его теорий. Ошибаться свойственно человеку, и это присуще всем политикам; но ошибаться систематически присуще только политикам Германии. И это - основа его политики. Он видит и очень точно предсказывает то, как Германия будет реагировать на определенные политические события. Он был прав там, где была отвергнута мудрость и попораны все европейские договоренности.

"Аподиктическая достоверность" пророчества, которую Гитлер возвел в основной принцип пропаганды, уже не раз мстила за себя и ставила Гитлера в затруднительное положение. В 1925 и 1927 годах дела его были так плохи, что почти были равносильны краху. Нынешняя кривая его успехов, начавшихся в 1929 году, тоже рано или поздно вынуждена будет упасть и

вернуться к своей исходной точке. Тогда видно будет, что останется от исторических перспектив Гитлера. Хуже всего то, что Гитлер, по-видимому, искренне верит в свой пророческий дар. В этом сказывается вся наивность человека - в глубине души неpolitика, считающего удачные политические пророчества не игрой в лото, а результатом политической дальновидности.

Вера в "революционную ситуацию" первого мая 1923 года, ошибочный расчет восьмого ноября того же года, неудавшийся план подчинить себе националистов из других партий в 1925 году, слишком поздно понятое значение союза с Гутенбергом, упорная и тщетная вера в то, что он завоюет рабочий класс, непонимание важности завоевания сельского населения - все это примеры ложных диагнозов по основным вопросам. Однако, как только тот или иной факт установлен, Гитлер умеет лучше кого-либо другого извлечь из него уроки на будущее.

Есть старый каламбур: кто желает делать политические предсказания, тот должен тщательно взвесить все наличные обстоятельства, сделать вывод по правилам строгой логики, а после этого принять за истину прямо противоположное. Из этих трех предпосылок Гитлер выполняет только вторую. Для первой у него не хватает терпения, для третьей - мудрости.

КАК ЖЕ ОН ВЕДЕТ ЗА СОБОЙ СЛУШАТЕЛЕЙ?

Вот тирада, произнесенная в апреле 1922 года, в которой сказался весь Гитлер:

"Евреи выкинули действительно гениальный трюк. Этот капиталистический народ, который первым в мире вообще ввел беззастенчивую эксплуатацию человека человеком, сумел захватить в свои руки руководство четвертым сословием, причем подошел к этому с двух сторон, справа и слева, недаром у него апостолы в обоих лагерях. В правом лагере евреи стараются так резко выразить все имеющиеся недостатки, чтобы как можно больше раздражить человека из народа; они культивируют жажду денег, цинизм, жестокосердие, отвратительный снобизм. Все больше евреев пробралось в лучшие семьи; в результате ведущий слой нации оказался по существу чужд своему собственному народу.

Это создало предпосылку для работы в левом лагере. Здесь евреи развернули свою низкую демагогию. Они выкурили национальную интеллигенцию из руководства рабочим классом: во-первых, интернациональной ориентировкой, во-вторых -

---

марксистской теорией, объявляющей воровством собственность как таковую. Это заставило уйти национально настроенную и хозяйственную интеллигенцию. Таким образом евреям удалось изолировать это движение от всех национальных элементов. Далее им удалось путем гениального использования печати в такой мере подчинить массы своему влиянию, что правые стали видеть в ошибках левых ошибки немецкого рабочего, а ошибки правых представлялись немецкому рабочему, в свою очередь, только как ошибки так называемых буржуа. И оба лагеря не заметили, что ошибки с обеих сторон являются не чем иным, как преднамеренным результатом дьявольского науськивания со стороны чуждых элементов. Таким образом смогло случиться - ирония истории - что евреи-биржевики стали вождями немецкого рабочего движения. В то время, как Мозес Кон, секретарь правления акционерного общества, подбивает последнее на крайнюю неподатливость требованиям рабочих, другими словами - на не-правое дело, брат его, вождь рабочего класса Исаак Кон, действует на фабричном дворе и науськивает массы: "Вот, смотрите, как они угнетают вас! Сбросьте же свои цепи!" А в то же время наверху его же братец помогает ковать эти цепи. Эти господа желают, чтобы народ уничтожил основу своей независимости - хозяйство - и тем вернее попал в рабство этой расе, в золотые цепи вечной кабалы процента".

Это надо читать вслух, представляя себе обстановку: напряженный, хриплый, вибрирующий голос оратора, заполняющий весь зал... Масса, которая, слыша это, не пришла бы в бешенство, должна была бы состоять их бесчувственных пингвинов. Это - блестящая разработка и драматизация "Протоколов сионских мудрецов", гениальная иллюстрация к ним.

ЗАГОВОР РАВВИНОВ

Все это рассуждение построено на целом ряде передержек. Прототип всех еврейских вождей пролетариата - Лассаль - был далек от того, чтобы выкуривать нееврейскую интеллигенцию; напротив, он всячески привлекал ее и даже, более того, предостерегал своих товарищей против еврейского руководства. Можно доказать, что еврей-социалист часто оказывается отщепенцем в семье, врагом, а не компаньоном своего "братца". И, наконец, образ Исаака Кона, подстрекающего массы на фабричном дворе, противоречит обычному утверждению того же источника, что еврей слишком белоручка, чтобы мешаться в ра-

---

бочую массу. И тем не менее из всех этих передержек создается законченная картина чрезвычайной выразительности.

Требуется доказать существование заговора. По старому приему софистики заговор непременно в процессе речи превращается в доказанную предпосылку, из этой предпосылки с необходимостью вытекают потом отдельные мысли и практические выводы, тогда как в сущности сами они являются доказательствами. Заговор существует, потому что социалистическая и революционная деятельность евреев ведет только к разрушению национальной экономики; эта деятельность ведет только к разрушению национальной экономики, потому что вытекает из еврейского заговора, а заговор существует, потому что... Вся цепь доказательств лжива в целом, но именно поэтому она неуязвима в каком-то отдельном пункте. В самом деле, допустим даже, что удалось довести дискуссию до основного вопроса: где доказательство заговора? В таком случае вам ответят примерно следующее: заговор можно узнать только по его результатам; если бы известно было его начало, он тогда же был бы раздавлен. И, наконец, публика всегда предпочитает поверить хотя бы и на 90% недоказанному разоблачению, чем опровержению, хотя бы оно и было обосновано на все 100 %.

Такова была в особенность та публика первых послевоенных лет, которая никак не желала мириться со жребием судьбы, решившим исход войны не в пользу Германии. Для этих людей величие, проявленное Германией в грандиознейшей из всех войн, шло насмарку, если нельзя было объяснить поражение какой-либо магией. Все легенды о добродушном богатыре и коварном карлике, оказывается, были предвидением этой судьбы Германии, этого падения мировой империи в результате чего-то незначительного, презренного, незамеченного, в результате конгресса талмудистов в Базеле. Признаться в честном поражении в великой борьбе не желали; почему-то считали, что почетнее быть сраженными не мечом, а жалким червем. "Виноваты евреи" - так утешала себя эта публика. Отметим: таков был народный антисемитизм первых послевоенных лет. Наряду с ним имелаась и более глубокая трактовка проблемы; ее культивировала позже и берлинская группа национал-социалистов, возглавлявшаяся Отто Штрассером. Но Розенберг стоял за правоверную версию, он верил в чудо "сионских мудрецов" буквально.

МАСТЕР СЛОВА

Приведенная выше цитата проливает яркий свет на психику Гитлера как "человека инстинкта". Трудно представить себе более печальное заблуждение инстинкта. Задача заключалась в том, чтобы открыть глаза обманутым рабочим. Как же это делается? Гитлер рассказывает им о том, что евреи пятьдесят лет водили их за нос. Он рассказывает это, можно сказать, эффективно. Но если бы даже он преподнес это в сто раз эффективнее, это должно было бы еще теснее сплотить рабочих вокруг старых вождей. Человека нельзя заставить отказаться от своей партии, своих убеждений, своих товарищей, заявляя ему, что все покоилось с самого начала на лжи. Такого рода заявления вызовут только возмущенные протесты. Нет, рецепт должен быть другой. Надо было заявить своим слушателям: ваши стремления и ваши взгляды были и остаются правильными, но изменники воспользовались вашей верой и погубили дело. По этому рецепту поступали впоследствии оба брата Штраассеры и имели по крайней мере частичный успех. Гитлер же, "рабочий вождь", которому осталась совершенно чуждой душа рабочего, не понял, что оскорблял своих слушателей, если вообще у него были рабочие слушатели. На самом деле они к нему не явились. Газета "Фелькишер беобахтер" жаловалась однажды на то, что партийная нагайка марксистов с успехом удерживает рабочих от посещений национал-социалистических собраний.

Слова Гитлера к рабочим выражали чаяния и мысли совершенно другого общественного слоя, но об это речь впереди.

Кто захочет открыть секрет ораторского искусства Гитлера, тот найдет в цитированном отрывке уже все элементы этого искусства. Прежде всего фабула: мировой заговор. Уже одна эта тема наполовину обеспечивает успех. Огромнейший интерес вызывает, во-первых, объект заговора - это сами слушатели; во-вторых, утонченность его методов. Авторы заговора - люди, которым всегда более или менее сознательно приписывали такую утонченность, - евреи. Результаты заговора сказываются на самых противоположных концах; тема охватывает "весь мир". Враги оказываются также там, где их меньше всего было ожидать, так сказать, у себя же под носом. Разжевав все это в двух - трех версиях, Гитлер несколькими мастерскими мазками набрасывает яркую картину, являющуюся действительно как нельзя более удачной иллюстрацией к его аргументам насчет обоих братьев - Моисея и Исаака Кон. Конечно, внимательный

читатель, оставшись самим собой, без особого труда может распутать этот узел с помощью логики; но массу это гипнотизирует, она всегда попадает во власть этих приемов, покорно принимает их на веру.

Блестящий финал - это всегда шедевр Гитлера. Так, например, он восклицает: "Что такое интернационализм? Кто должен быть интернационалистом? Конечно, немецкий рабочий. Он должен быть "братом" китайского кули, малайского пароходного кочегара, неграмотного русского сплавщика леса; все эти люди, видите ли, ближе ему, чем его немецкий работодатель. Дорогие друзья, не возражайте, вам действительно десятки раз рассказывали эти басни, и вы верили им. На самом же деле существует только один единственный интернационал, да и то только потому, что он построен именно на национальной основе, - это интернационал еврейских биржевиков и их диктатуры".

БЕРА В АГАСФЕРА

Гитлер проделал известный путь развития. Это был немалый путь. Но был ли это путь к лучшему? Критики в рядах его собственной партии противопоставляли его примитивности "принципы", пытались подвести определенную программу под озлобление буржуазии, выразителем которого явился Гитлер. Было ли это к лучшему? Их антисемитизм направлен уже не против заговора нескольких десятков раввинов, а против пагубного влияния "еврейского духа" на всю нашу культуру и хозяйство. Разумеется, такого рода антисемитизм скорее находит отклик у "чистой публики", быть может, также у противников. Но он удаляется от духа политики, которой нужен конкретный враг, точно так же, как социализм теряет свою силу, если обращается против капитализма вообще, а не против конкретных эксплуататоров-капиталистов. Имеются основания предполагать, что хотя Гитлер, выйдя в люди, прибегает теперь в своих речах к более дипломатичным приемам, но он не отказывается от своей веры в то, что все зло воплощено в "еврействе". Еще в 1925 году он, не моргнув глазом, восклицает: "Франкфуртская газета" то и дело плачется перед миром, что "Протоколы сионских мудрецов" - фальсификация; эти ее фокусы - вернейшее доказательство того, что протоколы подлинны". Раз человек верит в заговор раввинов, эту веру вряд ли истребил в нем процесс превращения в зрелого человека.

Впрочем, как ни далеко это мирозерцание от действительности, оно представляет столь цельную картину, так умело скомпоновано, что оставило далеко позади все предшествующие построения в том же духе. Отдельные краски взяты с чужих палитр, но объединение их в одно целое - дело недюженного ума, который создает таким образом конечно не картину действительности, но весьма своеобразную выдумку. Создатель этой системы торжествует в ней над фактами.

МАСТЕР-НЕВРАСТЕНИК

Вместе с тем Гитлер торжествует также над собственными недостатками. Этот человек с надрывом, этот хрупкий характер, столь слабый перед сильными, в то же время усилением своего интеллекта главенствует над всеми. Человек, который в часы досуга кажется робким и застенчивым, который перед незначительными посетителями даже не пытается становиться в позу Вильгельма, который, не рисуясь, дает полный простор своим настроениям, который запускает свою работу и месяцами откладывает решение по ряду второстепенных вопросов, который из простой халатности выпускает их рук важные участки организации, - этот человек в решительную минуту превосходит всех своих сотрудников также своей силой воли. В таких случаях он целыми днями и неделями обдумывает заранее свое поведение и тактику, рассчитывает один за другим свои выпад, удары и ответные удары; он точно подбирает круг участников, сталкивает одних противников с другими, преисполняется соответствующим настроением - и, прежде чем дело дойдет до борьбы, спор уже решен. В таких случаях он умеет оседлать свой не знающий удержу темперамент для одной нужной цели, умеет использовать, где следует, как свою неврастению, так и свои ложные знания, когда же он беснуется, умные не противоречат.

Это то ему и нужно. Пусть в спокойные моменты более хладнокровные люди болтают всякий вздор и заставляют его действовать по-своему; в конце концов они нуждаются в его санкции, без него они - ничто. Благоговеющие перед ним сотрудники, как, например, молодой Эссер, восхваляют его быстроту в решениях. Но эти люди и не представляют себе, что кто-либо может пролежать всю ночь, не смыкая глаз, а на утро преподнести удивленному совету вождей готовое решение.

Недовольные в свою очередь жалуются на обратное. Они заявляют, что от Гитлера чрезвычайно трудно услышать его

подлинное мнение, что областным руководителям (стало быть, высшим партийным инстанциям) приходится по месяцам добиваться этого. Возможно, что со стороны партийного вождя это в самом деле не идеальное поведение. Но это - добродетель повелителя. Не иначе обращался Тиберий со своими любимцами, Фридрих Великий - со своими помещиками, Наполеон - со своими маршалами. Правда, такая медлительность мало годится для современной государственной машины, которой после Бисмарка нужен не повелитель, а смазчик. Но национал-социалистическое государство - а партия, как мы увидим, уже теперь обнаруживает многие черты его - находится в настоящее время только в своем феодальном периоде, в лучшем случае это султанат с довольно самостоятельными визирями. Как, собственно, представляют себе критики управлять этим волнующимся морем из одного центра по мановению волшебного жезла? Медлительность здесь не личный недостаток, а практически государственная мудрость; она необходима, чтобы справиться со всеми этими махмед-али Национал-социалистической партии, которые в редких случаях желают именно то, что желательно вождю. Это в лучшем случае на одну треть слуги дела, а на две трети честолюбивые сатрапы, думающие только о себе самих.

Сумеет ли, однако, этот хитрый повелитель национал-социалистического государства, повелитель с явно выраженными "балканскими" чертами руководить также современным государством? Достижение его в качестве партийного вождя заставляют сомневаться в этом.

Этот человек, переходящий от настроения к настроению, придерживается своих взглядов с таким упорством, которое не может не наскучить политическим дилетантам - правда, не массе, но ведь она и не является политическим дилетантом. Голова, управляющая этим трепещущим комком нервов, умеет всегда направить нервы на путь, признанным правильным головой. Несмотря на все колебания, этот человек в конце концов возвращается к своему исходному "закону", он остается верен этому закону, как магнитная стрелка, которая дрожит и колеблется, но в конце концов все же показывает всегда на север.

Противники смакуют слова генерала фон Лоссова, которому пришлось близко узнать Гитлера: "Увлекающее и гипнотизирующее красноречие Гитлера произвело в начале и на меня сильное впечатление. Однако чем чаще я слышал Гитлера, тем более притуплялось это первое впечатление. Я заметил, что в

этих длинных речах почти всегда содержится одно и то же". Вот как!.. Какая, на самом деле, досада, что политический деятель постоянно требует одного и того же от власти имущего, который уже твердо решил не выполнять этого требования. Несомненно, генералу фон Лоссову было бы гораздо более по душе, если бы Гитлер хотя бы разочек поговорил с ним о чем либо другом. Но тогда Гитлер был бы не политиком, а рассказчиком анекдотов.

ДИПЛОМАТИЯ СИЛЬНЫХ СЛОВ

У Гитлера имеются дипломатические способности, но они парализуются недостатком самообладания. Чего стоит, например, сцена с Лоссовым, которому Гитлер часами проповедует поход на Берлин. Лоссов позволил Гитлеру и Кару вовлечь себя в "мятеж" против Берлина, но скоро ему стало не по себе. "Генерал фон Лоссов сидел совершенно подавленный", - рассказывает Гитлер на своем процессе по обвинению в государственной измене. "Это возможно, - ухмыляясь, возражает Лоссов, выступающий в качестве свидетеля, - так как я действительно был подавлен речами Гитлера". Кавалер Лоссов хотел своим любезно безучастным поведением дать понять трибуну, что не нуждается в его присутствии. Но когда Гитлер увлечен собственной речью, он ничего не видит и не слышит, и его не выпроводишь тонкими намеками - это могут засвидетельствовать Гугенберг, Брюнинг и Гинденбург.

Впрочем, когда у Гитлера есть время подготовиться, он умеет также использовать дипломатически свои козыри. Так, например, когда он не может увильнуть от ответа на вопрос о своих денежных источниках, он раздражается следующей тирадой: "Партия Барматов и Кутескеров, - кричит он хриплым голосом, и глаза его горят, - партия Парвусов, Склярлов и Якобов Гольдшмидтов, партия еврея-миллионера Розенфельда думает замарать идею, сторонники которой изо дня в день рискуют своей жизнью и этим воочию показывают народу, что составляет нашу силу: эта сила - героическое самоотвержение тысяч и тысяч немецких мужей и юношей, которые бесстрашно проливают свою кровь, они мертвой хваткой держат врага и не выпустят его до тех пор, пока он не будет повержен в прах". Репортер уже может не стенографировать далее; восхищенные слушатели избавляют оратора от необходимости высказаться по вопросу, откуда же, собственно, у него взялись деньги.

Если задеть Гитлера насчет его поведения в вопросе о Южном Тироле - а это щекотливая тема, во всяком случае для слушателей их правого лагеря, - он не полезет за словом в карман. "Не мы предали Южный Тироль, а те, кто в 1918 году нанес германской армии удар в спину". Когда озлобленный бывший соратник фон Грефе задал Гитлеру вопрос, является ли он еще и поныне "скромным барабанщиком", как прежде, или уже цезарем завтрашнего дня, ответ гласил: "Не говорите мне о прежнем барабанщике, господин фон Грефе. Я был и остаюсь барабанщиком национального восстания, но не для Вас и Вам подобных".

Лавирование на всех парусах - немалое искусство. Гитлер умеет так уклониться от ответа, так замолчать или запутать вопрос, что у слушателей создается впечатление пылкой и страстной откровенности. Самые извилистые тонкости, самые рискованные извороты у него - те же удары топором; даже крадучись, он едет в машине с мощным мотором.

ЕГО ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Неказистой стороной этой дипломатии являются ее соглашения и клятвенные обещания. Вы сговорились о чем-либо с ним, а потом Вам приходится выслушивать от него, что сговор означал вовсе не то, что усмотрел в нем партнер. Так было дело, например, с начальником баварской полиции Зейссером, который был уверен, что Гитлер обещал ему не делать путча. Да, Гитлер не сделает его до определенного времени, но потом будет считать себя свободным от всех обязательств и от всех своих уверений в лояльности.

Глупо, конечно, что начальник полиции Зейссер так плохо понял господина Гитлера. Но ведь генерал фон Лоссов утверждает, что и ему Гитлер дал такое же обещание. Значит, генерал тоже плохо понял великого оратора... Так продолжалось из года в год. Гутенбергу и Брюнингу приходится убедиться, что нет возможности правильно понять обещания Гитлера. В 1932 году Гитлер обещает президенту республики Гинденбургу не выступать против министерства Папена; на сей раз очередь за старым фельдмаршалом неправильно понять Гитлера. Когда Гитлер объявил потом, что требует для себя всей полноты государственной власти, президент республики снова "понял его неправильно". В ноябре 1922 года Гитлер заявляет баварскому министру внутренних дел д-ру Швейеру: "Господин министр, я

даю вам честное слово, что никогда в жизни не прибегну к пугу!" Потом министру пришлось узнать, что честное слово Гитлера может потерять свою силу через четверть года, когда от него потребовали выполнения данного обещания. При этом Гитлер сам обижается и возмущается, когда ему напоминают о данном им честном слове. Так как "ложное понимание" его обещаний имеет место столь часто и притом со стороны столь многих и столь различных лиц, мы можем позволить себе следующее заключение: не умеющий владеть собой Гитлер просто не знает, что он обещает, его обещания не могут считаться обещаниями солидного партнера. Он нарушает их, как только это в его интересах, и при этом продолжает еще считать себя честным человеком.

Этого игрока, то находящегося во власти своих расхोившихся нервов, то хладнокровно взвинчивающего свои же нервы, используя их в качестве козырей, его биограф Шотт назвал "человеком души", "человеком, грезящим наяву". Шотт - сам чувствительный проповедник, его рассудок в плену у его душевных порывов; как и другие разгадчики величайшего народного оратора наших дней, он не понял, что политический оратор должен уметь преподносить трезво обдуманые мысли в неистовых речах. В своей книге Гитлер обижается и протестует против оценки его как оратора-демагога или как блаженного; но противники, а также восторженные приверженцы предпочитают эту общепринятую версию. Ближе подошел к истине один из самых ранних поклонников его, можно сказать, первый член Национал-социалистической партии с мировой известностью, Г. Чемберлен; в 1923 году он пишет Гитлеру: "Вы вовсе не фанатик, каким мне Вас описывали; я назвал бы вас даже прямой противоположностью фанатика. Фанатик стремится воздействовать на других силой слова, а Вы желаете их убедить".

ПОЧЕМУ ОН ВЫГЛЯДИТ ТАК, КАК ОН ДЕЛАЕТ

Он экстравагантно тщеславен.

Наполеон, Гете, Бисмарк тоже были тщеславны на более или менее утонченный манер. Фридрих Великий, Шарнгорст, Ленин не были тщеславны. Само по себе тщеславие не является ни украшением, ни позором; все дело в том, в какую сторону оно направлено. "Мои слова и действия принадлежат истории", эта фраза Гитлера первых времен его политической деятель-

---

ности находится на грани между самосознанием творческой личности и глупостью.

Вначале тщеславие его проявляется, так сказать, наивно: он не разрешает распространять своих портретов. Он поступает так, возможно, по соображениям чисто внешнего характера; он сбрил свои солдатские усы, которые носил в первые годы после войны, должно пройти некоторое время, чтобы он сам и его окружающие привыкли к его новой физиономии. Так или иначе, может быть даже просто по счастливой случайности, лицо его оставалось неизвестным, а это заинтриговало публику. Вопрос: "Как, собственно, выглядит этот Гитлер?" - также занимал мюнхенцев, как несколько лет спустя другой вопрос: "Кто этот Гитлер, которому правительство то и дело запрещает выступать на собраниях?" Но ореол тайны вокруг личности Гитлера - не только пропагандистский прием. В характере Гитлера есть некоторая скрытность; нельзя сказать, чтобы жизнь его была как на ладони перед товарищами. Он обижается, когда ему задают вопрос об источниках его существования. Сколько ни уверяет друг его Гесс якобы на основании вернейших сведений: "Я знаю, что и эта сторона чиста", - ему не верят. Возможно, что вообще не было оснований скрывать что-либо. По всем признакам Гитлер принадлежит к тем натурам, которым претит быть нараспашку. Кто доверяет ему, должен верить и не допытываться истины. Это - старый рецепт всех пророков. Таким образом, таинственность придает особую силу отношениям между ним и его приверженцами.

Он одевается в обыкновенное штатское платье и поныне нарочито не шьет своих костюмов у модных портных. В первые года это, можно сказать, выделяло его из среды тогдашних правых лидеров, щеголявших в фантастических мундирах защитного цвета. Впоследствии он часто носит форму штурмовика, для того чтобы его солдаты не забывали своего верховного главнокомандующего. Но его "настоящий" костюм выглядит иначе; посмотрите на Гитлера после двухчасовой горячей речи: воротничок образует мокрый жгут вокруг шеи, волосы прилипли к вискам, манжеты съехали в сторону, пуговицы оторваны...

Для публичных выступлений в роли государственного мужа он придумал себе позу, явно напоминающую скрещенные руки Наполеона. Он складывает руки параллельно на животе под прямым углом к плечу, один локоть упирается в кисть руки. Это производит впечатление большого самообладания.

Лицо его - предмет смущения для приверженцев и злорадства для противников. Никакими прикрасами не скрыть, что это - ничего не говорящее лицо без всякого выражения. Мюнхенский ученый фон Грубер, специалист по вопросам расовой гигиены, объявляет лицо Гитлера признаком плохой расы и приводит в подтверждение подробные доказательства. Гладкие пряди темно-русых волос и подрезанные усики - что может быть прозаичнее. И только порой в глазах вспыхивают огоньки. Кажется, что видишь перед собой одного из безымянной серой массы, "неизвестного солдата", который во внезапном экстазе изрекает мысли миллионов безымянных, мысли, за которые три года назад безымянные товарищи в окопах осмеивали "помешанного" Гитлера. Быть может, здесь кроется разгадка всей его личности: заурядный тип в самом высшем своем проявлении.

А впрочем, разве замечательные люди всегда выглядят "замечательно"? Все мы относимся с недоверием к людям, причисляющимся под Гете или под Наполеона, и известно, что великие люди в общем выглядели вовсе не так, как их изображают на стереотипных портретах. Разные эпохи, и в особенности девятнадцатое столетие, старательно затушевывали ненормальное, одностороннее, болезненное в физиономиях великих людей и наделяли их вместо этого чертами Юпитера, а между тем именно в этой ненормальности выражения лица часто скрывается громадное внутреннее напряжение. Сравните хотя бы голову Муссолини, тоже ставшего жертвой этого стиля, с его стилизованными портретами под Наполеона: как вульгарно и буржуазно выглядит этот толстяк-диктатор. Если Гитлер не выглядит так, как великие люди на медалях, это ничуть не говорит против него: но беда в том, что он говорит ни дать ни взять, как эти великие люди говорят в хрестоматиях для школьников.

За последние годы лицо его неоднократно менялось. Раньше всего в нем проявилось выражение, словно судьба только что вылепила человека из необделанного еще материала. Последнее время у него появились признаки ранней старости и выражение недоумения.

В какой мере Гитлер является паталогической проблемой - это пока еще остается тайной его врачей. От людей, часто видевших его, не могли скрыться паталогические черты в нем.

Подобными симптомами в его поведении являются припадки мизантропии, бегства от людей, порой невменяемые речи.

ВНЕШНОСТЬ

Имеется замечательное описание, принадлежащее одному из близких посвященных:

“У него живой, быстрый, находчивый ум; написанные им прокламации обнаруживают, несмотря на некоторую грубость, мощностъ и силу стиля; наконец, что самое главное, у него большой прирожденный, бросающийся в глаза ораторский талант.

Однажды на одном совещании произошло следующее. Социал-демократы выпустили листовку, в которой о нем говорилось в грубом тоне как о зазнавшемся демагоге. Кто-то принес с собой эту листовку на совещание. Он прочитал листовку и сразу преобразился. Он как бы рос, глаза его горели. Он с силой ударил кулаком по столу и начал говорить. Слова его не только были незначительными, в них вообще было мало смысла. Он грозил, “что сотрет социал-демократов с лица земли” после того как “покажет их лицемерие и нахальство всем рабочим”; он произнес еще несколько фраз, не более убедительных. Однако впечатление произвел не смысл его речи. Я не раз слышал Бабеля и Жореса. Никогда никто не производил на моих глазах такого захватывающего впечатления на своих слушателей, не держал их так в своей власти, как он во время этого выступления, к тому же не на митинге, где гораздо легче говорить, а в небольшой комнате на совещании нескольких лиц, причем речь его состояла почти исключительно из одних угроз. У него был настоящий талант оратора, и, когда я услышал его дышащие гневом и негодованием слова, я понял, почему этот человек завоевал и подчинил себе массы. Присмотревшись к нему ближе, я не заметил в нем большой и горячей любви к революции”.

Эта характеристика относится к русскому священнику Гапону, предводителю знаменитого шествия к Зимнему дворцу девятого января 1905 года. Автор описания - террорист Борис Савинков. Каждая черточка этого портрета словно списана с Гитлера. Даже политические речи Гапона и Гитлера сходны. Гапон тоже не был действительным революционером, он был кем-то вроде “всеподданнейшего бунтовщика его величества”. Поэтому ему суждено было сначала прослыть за шпиона, хотя он и не

был им вначале, а стал только впоследствии. Возмущенные товарищи “казнили” его на уединенной даче.

Для роли шпиона обстановка вокруг Гитлера слишком серьезна. Однако по мере своего возвышения Гитлер входит во вкус и злоупотребляет настроением своих приверженцев; он скоро оправдал то недоверие, которое с самого начала питали к нему пролетаризированные основатели партии. Гапон, согласно Савинкову, обладал способностью, имеющейся у Гитлера: при желании он умен приноровиться к каждому и вел себя с ним так, что тот принимал его за своего. Как и у Гитлера, происхождение и прошлое Гапона покрыто мраком неизвестности; Гапон тоже обособляется от товарищей, скрывает от них свою частную жизнь.

ЕГО СТИЛЬ

Среди умственных интересов на первом месте у него история, на втором - искусство. Это обычный уровень немецкого гимназиста довоенного времени, об этом заботилась школа. У Гитлера сохранились обе эти банальные наклонности. Символы, зрелища, парады и здания его партии проектировались большей частью первоначально им самим. Это не просто наклонность к мишуре в духе Вильгельма Второго. Когда Гитлер тратит несколько дней на то, чтобы набросать проект подходящего знамени для штурмовых отрядов или значка для партийного съезда, это объясняется пропагандистской ролью этих символов: масса привлекалась знаменами, а не переговорами, поэтому вождь может со спокойной совестью посвятить часть своего времени знаменам. Что касается художественной стороны, это большей частью кричащие плакаты. Прототип их можно искать то ли в военных символах наполеоновских войск, то ли в Монреале. Готику Гитлер недолюбливает. Его теория искусства представляет собой смесь из ученического культа красоты и расовой социологии. Согласно этой теории, все произведения искусства носят “северный” и “красивый” характер. Всякий экспрессионизм Гитлер с негодованием отвергает как еврейско-большевистский; при этом он вообще не видит сродства экспрессионистских произведений военных и послевоенных годов - это не свидетельствует о глубине его художественного чувства и его чувства расы.

Но главное - это великий оратор. Первое условие для хорошего оратора - не спотыкаться, потеряв нить, не держаться

рабски синтаксиса, не бояться тяжелых периодов, если только они бьют обухом по голове. Следующая стадия: оратор должен быть не только выше синтаксиса, но также выше содержания своей речи. Оратор запутывается в лабиринте мыслей гораздо чаще, чем об этом догадываются слушатели. Главное - не обнаруживать этого перед слушателями и поскорее найти тихую пристань плавных мыслей. Но самое главное - не довольствоваться холодным преодолением всегда неизбежных запинок, а дать на глазах у слушателя зрелище борьбы и победы. Иные ораторы с дефектом речи приходят из-за него в такое состояние исступления, что слушатели видят не этот дефект, а торжествующего победителя над дефектом и... рукоплещут.

Из всех ораторов, подвизающихся в настоящее время перед массами в Германии, Гитлер - самый испуганный боец. Час-два вы видите на трибуне благообразного проповедника, лишь кое-где проливающего каплю уксуса в свой елей. Он высказывает мысли, которые не вызывают противоречия, а скорее могут навести на вас сон. Но вдруг, словно какая-то муха укусила его, он начинает метаться по эстраде, руки его поднимаются и опускаются, выделявая всяческие жесты; эти жесты не образны, не иллюстрируют содержания речи, но зато они отлично выражают душевное состояние оратора и передают его слушателям. Когда в пафосе обвинительной речи указательный палец оратора, как хищная птица, устремляется на слушателей, каждый чувствует себя ответственным за грехи немецкого народа.

Здесь человек на трибуне уже не разбирает вопрос, а дает сражение. Масса не видит подлинного врага; она не знает, что он находится в самом ораторе. Он борется против разложения нации, против политической инертности массы, против преступных упущений прежних и нынешних правителей, но при этом он в действительности борется против своего же бывшего марксизма, против своего плохого поведения в школе, против медлительности, из-за которой он упустил счастливый случай в 1922 году, понес дважды поражение в 1923 году, не захватил власти в 1930 году и упустил ее в 1932 году. Он борется со своим собственным страхом, он борется против дьявола в себе, как старый отшельник. Это уже не агитация и даже не упражнение в красноречии, это - настоящие заклинания. Поэтому, чтобы он ни говорил, утверждай он даже, что луна - это голландский сыр, слушатели будут ему аплодировать. Там, где падают бомбы, никто не смотрит, в какой цвет они окрашены.

В 1923 году, сам внутренне убежденный в невозможности войны за реванш, восклицает: "Если бы шестьдесят миллионов обладали бы только волей к национальному фанатизму, оружие явилось бы из-под земли, из вашего сжатого кулака!"

В 1932 году, чувствуя безнадежность своей кандидатуры на пост президента республики, мечет в берлинском Дворце спорта громы и молнии по адресу противников: "Вы можете сто раз заявлять: мы остаемся на месте во чтобы то ни стало, а мы отвечаем вам: мы сметем вас непременно и безусловно".

И трясутся стены от аплодисментов сильнейших батальонов, и трясутся миллионы, читающие об этом на другой день в газетах, и трясется само государство.

КРИТИЦИЗМ

Является ли Гитлер, как говорит его последователь, ученик, а в одно время и соперник, д-р Геббельс, "человеком исключительного масштаба"?

Как главарь толпы Гитлер, действительно, не имеет ныне себе равных и почти не имеет равных в истории. Сравнение с Клеоном, Уотом Тайлером или Риенци было бы неверным. Если сравнивать по числу людей, которых он приводит в движение своими речами, то он превосходит апостола Петра и Магомета. В современной Европе нет никого, подобного ему.

Энтузиасты уподобляют его Лютеру. В нем, конечно, видно отражение великой мудрости Лютера. Но в случаях, когда он кажется еще мудрее, ему не хватает величественности для того, чтобы сделать свой энтузиазм производящим такое же впечатление. Те части его речей или письменных работ, которые кажутся глубоко обдуманними, логичными и верными, являются весьма посредственными по своему содержанию. Более того, они - неоригинальны, списаны с других. Политики имеют право быть банальными. Вряд ли тот, кто осознает банальность гитлеровских высказываний, не оценит мудрость того, как Гитлер комбинирует идеи других людей для политических целей.

Историческое "величие" обязано не таланту или характеру, а дару судьбы. В этом даре часто отказывается незаурядным личностям, а наделяются им посредственностями. История не всегда делается человеком; часто История ставит человека в центр событий и предоставляет ему возможность принимать великие решения. Те, кому приходится производить великие изменения редко приносят счастье своим товарищам, которые

представляют для него просто сырье. Вероятно, потомки, чувствующие себя их творениями, оценят их.

Гитлер, действительно, - великий агитатор. Является от также великим созидательным гением? Структура национал-социалистического движения является только отчасти его творением. Его собственным достижением является поразительно мудрое политическое лидерство. Наиболее частной характеристикой этого лидерства является то, что он сознательно избрал наиболее длинный и наиболее тяжелый путь к власти. Однако этот путь был наиболее ясным, не таящем ничего неожиданного, и на котором все можно было подготовить заранее.

Это был путь Национал-социалистической партии через Германию. Может ли подобный же путь, на котором изгибы и препятствия могут быть ясно увидены заранее, пролечь между Германией и остальными народами?

ТРУДЫ ВОЖДЯ

Завоевав неограниченную власть в Национал-социалистической партии, Гитлер принялся превращать последнюю в действительную политическую силу. До сих пор он получал от партии только подпись на своих плакатах. Теперь из многих прежних приверженцев и из вновь вступающих в партию он создал подлинное орудие своего господства над партией - штурмовые отряды.

ОСНОВАНИЕ ШТУРМОВЫХ ОТРЯДОВ

Так называемые отряды "орднеров" существовали в партии уже с 1920 года; с начала 1921 года они делились на "сотни". Фактически это был клуб скандалистов и хулиганов, расправлявшихся с нежелательными элементами на собраниях. У других партий не было ничего подобного; до появления на сцену национал-социалистов в этом и не было необходимости. Дружины обороны ("Оберланд", "Оргеш" и др.) принципиально не вмешивались в партийную политику, они ставили себе целью сыграть роль только в момент решительных событий, о которых руководители дружин имели лишь смутное представление. В результате эти союзы неизбежно становились орудием в руках отдельных честолюбивых политиков, умевших воспользоваться ими. Точно так же в те времена склад оружия принадлежал тому, кто знал, где он находится.

Гитлер дал теперь своим молодым буянам новую организацию и внес, таким образом, нечто принципиально новое в политику; третьего августа 1921 года были основаны штурмовые отряды. В воззвании, написанном по этому случаю, говорилось:

"Национал-социалистическая немецкая рабочая партия создала в рамках своей организации отдел физкультуры (спорта и гимнастики). Он особенно тесно должен сплотить молодых членов нашей партии, спаять их в железную организацию, которая будет служить всему движению в качестве тарана. В этом отделе должна воплотиться идея обороны свободного народа. Он должен защищать своей силой идейно-просветительскую работу вождей. Но прежде всего он должен воспитывать в сердцах нашей молодежи неукротимую волю к действию, вдальбивать и внушать ей, что не история делает людей, а люди историю, и

что человек, который без сопротивления носит цепи своего рабства, заслуживает своего ярма. Кроме того отдел должен воспитывать взаимную верность и культивировать радостное повиновение своему вождю... Партийное руководство ожидает, что вы понадобитесь в будущем". Воззвание подписано: "Партийное руководство. Председатель физкультурного комитета член партии Клинциш".

Как видно из этого воззвания, название организации не вскрывало ее характера. "Отдел гимнастики и спорта" был лишь маскировкой, это было ясно. Вскоре в связи с целью, преследуемой организацией, и ее практикой появилось оставшееся за ней и впоследствии другое имя.

В воззвании указываются следующие цели новой организации: служить штурмовым отрядом, культивировать идею обороны, защищать вождей и воспитывать своих членов для дела, которое однако не называлось по имени. Мы можем перевести этот эзопов язык таким образом: расправляться с противниками, заниматься военными упражнениями, выкидывать инакомыслящих с собраний за восклицания враждебного характера и готовиться к путчу. Так это и поняли штурмовики. Через два месяца их руководитель Иоганн Ульрих Клинциш превратил благонамеренный отдел гимнастики и спорта в штурмовые отряды. Отныне в "Фелькишер беобахтер" появилась рубрика: "Известия штурмовых отрядов"; вскоре затем принято было также сокращение SA (вместо Sturmabteilung). Это сокращение нигде не расшифровывается как Sicherheitsabteilung (служба безопасности). Вместо этого шутники из рядов этих новых войск придумали название Singabteilung (певческие отряды).

В первом приказе по своей новой армии Гитлер так формулировал ее главную цель: "Штурмовые отряды должны быть не только орудием защиты движения, но и в первую очередь школой для грядущей борьбы за свободу внутри страны". В более позднем циркуляре от семнадцатого сентября 1922 года говорится: штурмовые отряды "не только охраняют собрания от всякого насилия со стороны противников, но кроме того дают ей возможность в любой момент перейти в наступление".

Действительно, со времени кровавых дней 1919 года, со времени путча Каппа тринадцатого марта 1920 года эти люди живут лишь мыслью о наступлении. Штурмовые отряды были ничем иным, как продолжением бригады Эргардта в мюнхенской ссылке.

Возникновение штурмовых отрядов имеет свою историю.

БАВАРСКИЕ ВОЕННЫЕ В 1920 ГОДУ

После завоевания красного Мюнхена Рейхсвером и добровольцами, в том числе бригадой Эргардта, Бавария находилась в руках военщины - в руках регулярных и нерегулярных войск. Год еще держалось буржуазное правительство, представленное социал-демократией и католической Баварской народной партией; оно держалось благодаря разногласиям среди военных вождей и отсутствию у них ясных политических целей.

Политическим вдохновителем стрелковой бригады Эппа, а затем вышедшего из нее командования военного округа был капитан Эрнст Рем. От него исходила инициатива образования мощной "баварской дружины гражданской обороны". Впоследствии лесовод Эшерих из Изена превратил ее в своего рода национальную милицию. Эта гражданская гвардия с ружьем, запрятанным в платяной шкаф, в лучшем случае могла выстроиться сотысячными шпалерами при решительных выступлениях. По поручению Эппа Рем усердно снабжал "дружину обороны" оружием и амуницией; с тем же мастерством бывший полковник Герман Крибель, старый офицер генерального штаба, организовал военный аппарат Эшериха. Однако эта "дружина самообороны" была с самого начала слишком громоздкой. Она ни разу не могла решиться на действительно революционное выступление. Свержение правительства Гофмана четырнадцатого марта 1920 года было делом нескольких лейтенантов, подосланных начальником Рейхсвера генералом фон Мелем, сухим военным чиновником, и Эшерихом. Как говорилось в официальном отчете о событиях, Эшерих с разрешения начальника округа Верхней Баварии и мюнхенского полицейского управления составил делегацию, которая свергла растерявшееся правительство Гофмана. Депутация состояла из начальника округа фон Кара, полицей-президента Пенера, Крибеля и студента Гофмана.

Достоинным завершением этой "революции с разрешения г-на президента" было назначение Кара премьером. Оно означало, что рука военщины отведена рукой парламента. Ведь Кар, будучи протестантом и сыном либерального чиновника, все же был членом Баварской народной партии; он был чрезвычайно тяжел на подъем и попал в политику, очевидно, за то, что прогневил господ Бога. По внешности это был низкорослый, коренастый, черноволосый немец - расовый тип, нередко встре-

---

чающийся в Баварии; политически Кар был лишь фрондирующим обывателем на кресле министра-президента. Он понимал народную душу и был привязан к своему королю. Для этого королевского чиновника республика, так сказать, не существовала, так как противоречила его служебной присяге. Управлять в этом смысле - вот в чем заключалась для него политическая борьба. Поэтому он не мог решиться нанести смертельный удар тому, что "не существует".

Лидером партии был в то время д-р Гейм. Он считал Кара подходящим человеком, так как этот чиновник пользовался популярностью у союзов обороны за свою непримиримость по отношению к революции. Кроме его монархизма в его пользу говорила та твердость, с которой он неизменно прикрывал непокорного полицей-президента Пенера от социал-демократических министров.

Под протекторатом Кара в дружины обороны были стянуты силы буржуазии и крестьянства. Наряду с этими дружинами существовали временные добровольческие союзы и добровольческие отряды, вербовавшиеся в значительной части из студентов; они тоже пользовались поддержкой Рейхсвера. Под предводительством Эппа добровольческие отряды участвовали в карательной экспедиции против рурских рабочих, помогших свергнуть Каппа. Рем, участвовавший в этом "походе", сухо описывает, как войска встретили на своем пути возвращавшиеся из Штудгарта в Берлин имперское правительство во главе с президентом республики Эбертом: "Весьма недвусмысленные возгласы, раздававшиеся из рядов солдат по адресу "отца родины" и его свиты, не могли оставить у путников сомнения относительно настроения баюварских бойцов, идущих на Рур" (баювары - латинское название германского племени баварцев).

В истории ничего не сказано о том, как имперское правительство задерживало проявивших себя таким образом баюваров и отправляло их обратно в Мюнхен. Буржуазные правители - по обе стороны политического барьера - чувствовали себя тогда слабее, чем пустившаяся в политику военщина. Правильно ли было это - об этом можно было судить по исходу капповской авантюры в Берлине. Во всяком случае баварцы сделали свои выводы из слабости Эберта. Эпп и Рем замыслили не более и не менее как повторение в Рурской области путча Каппа, только что провалившегося в Берлине. Они обратились с этой целью к начальнику местного Рейхсвера генералу фон Ват-

---

теру, но последний не решился на это дело, и баварцам пришлось удовольствоваться кровавой мстью по отношению к победителям Каппа.

Член Немецкой рабочей партии капитан Рейхсвера Рем сделал отсюда свои выводы. В последующие годы он работает над задачей организации в Мюнхене активного центра подготовки грядущего военного переворота. Но душой этого центра должен стать не генерал, а политический деятель из штатских. Кто именно? Через несколько лет Рем уже знал это. Это был Адольф Гитлер.

КОНЕЦ ДРУЖИНЫ ОБОРОНЫ

Это произошло, однако, не сразу. Вначале Дружина обороны пышно расцвела под предводительством Эшериха, Крибеля и землемера Канцлера; двадцать шестого сентября 1920 года на Площади короля в Мюнхене состоялся большой парад. Он показал популярность и мощь дружины, показал мощь Баварии, показал, что за дружиной стоит Рейхсвер. Но это оказалось роковым для Дружины.

Гражданская власть в Германии была в то время развалена. Она до сих пор не оправилась от развала. Отдельные провинции, а именно Бавария, возражали против провозглашения в конституции формы имперского единства, и республика должна была терпеть это противоречие. Рейхсвер представлял собой независимую силу и остался ей поныне. Из него выросли многочисленные организации, называющие себя союзами обороны, что в переводе на итальянский язык звучало следующим образом: "Fasci di combattimento".

В некоторых частях страны закон и государственная власть были бессильны. Произошли первые случаи убийств по приговору тайных судилищ - тогда это было ново и действовало разрушительнее, чем теперь.

В Баварии, где республика существовала только формально и фактически не имела влияния, боролись два направления. В одном представлены были все местные, более или менее сепаратистские элементы, большей частью из католического лагеря. В значительной степени в них ожила старая ненависть у пруссакам; этому способствовал антисемитизм, в особенности после падения советской республики в Мюнхене. Конкретную политическую цель эти настроения нашли в защите самостоятельности Баварии: казалось, что сильная Бавария - цель безусловно до-

---

стижимая, даже почти достигнутая; что же касается сильной общегерманской империи с новым трехцветным флагом, то она представлялась желательной целью, но откладывалась на будущее и, во всяком случае, считалась неосуществимой без сильной Баварии. К этому направлению примыкала Баварская народная партия с ее лидерами Геймом и Гельдом. К нему же принадлежали Кар, Эшерих и прочие монархисты. Принц Рупрехт не занял открытой позиции, сумев уклониться от этого; впрочем, для наследника баварского престола это было столь же излишне, как и для мюнхенского кардинала фон Фаульгабера.

В противоположном лагере находились люди, которые при всем своем баварском патриотизме, выраженном у одних сильнее, у других слабее, имели в виду в первую очередь империю. Для них целое предшествовало своим частям. В последствии Пенер выразился о них, что им было "начхать на Баварию"; впрочем, эти слова были превратно истолкованы. Действительно ли это было так, или же они считали, что германской республике без правой федералистской Баварии не выжить, во всяком случае, они играли наруку бело-голубому (баварскому) лагерю. Со временем их представителем стал Людендорф, а их самым выдающимся поборником, после некоторых колебаний - Гитлер.

И кому же было стать им, как не ему? Большинство других, нимало не смущаясь, стояли обеими ногами в обоих лагерях, не замечали противоречия или считали, что вопрос о нем можно отложить на будущее. Этой беспечностью особенно отличалось высшее руководство Рейхсвера, которое впоследствии и поплатилось за нее.

Рейхсвер мог мыслить только по-военному. Даже для таких монархистов, как Эпп и Рем, Дружина обороны была не столько оплотом самостоятельной баварской государственности, сколько ширмой, за которой можно было создавать новую германскую армию. Именно поэтому Антанта, напуганная смотром на Площади короля, потребовала роспуска Дружины. Имперское правительство Вирта передало это требование в Мюнхен. В Баварии оно вызвало бурю негодования. Гитлер заявил по адресу имперского правительства: "Будьте осторожны с посылкой к нам ваших комиссаров; иначе возможно, что у вас не хватит врачей и хирургов из числа ваших Соломонов и Аронов, чтобы вытащить из проломленных голов ваших комиссаров наши пивные кружки".

Военщина считала момент подходящим для оказания сопротивления, хотя она хорошо знала, как мало стоила Дружина обороны в военном отношении. Штатские деятели были умнее. Они не хотели поставить на карту государственную мощь Баварии в безнадежной борьбе из-за какого-то стрелкового общества. Кроме того они непрочь были воспользоваться случаем и покончить с зарождающимся государством в государстве. Эшерих был лоялен; недаром он был государственным чиновником. Когда нынешний министр-президент д-р Гельд от лица Баварской народной партии прямо потребовал роспуска Дружины по соображениям государственной необходимости, Эшерих - это было в конце мая 1921 года - выступил в руководящем совете Дружины за самоликвидацию. Пришлось подчиниться требованию Антанты, причем произошло это следующим образом: двадцать девятого июня имперское правительство издало постановление о роспуске "дружины", а баварское правительство Кара напечатало этот декрет в своем официальном "Вестнике распоряжений"; таким образом правительство Кара попыталось сохранить свое лицо, ограничившись, так сказать, ролью почтальона. Смехотворная попытка! С этого момента положение фон Кара на посту министра-президента стало невозможным; ему пришлось также на продолжительное время отказаться от роли политического лидера. Фактически он отступил перед более сильными факторами, но вместе с тем он позорно изменил всему тому, что он провозглашал в своих громких речах. Песенка Эшериха тоже была спета.

ОРГАНИЗАЦИЯ "КОНСУЛ" ВЛИВАЕТСЯ В ШТУРМОВЫЕ ОТРЯДЫ

С тех пор возрастает значение более мелких военных организаций. В эти союзы входили люди молодые, несемейные, которым легче было рисковать. Нередко это были одновременно ландскнехты и идеалисты. Впрочем в нужный момент и они оказались не на высоте. Во многих случаях это были студенты либо молодые люди, недавно окончившие университеты. Организация "Оберланд" проявила мужество и снискала себе славу в Силезии. Распущенная в Северной Германии бригада Эргардта продолжала существовать в Мюнхене под фирмой организации "Консул"; к ней присоединились остатки отряда Россбаха. В организации "Оберланд", пожалуй, в наиболее чистом виде был представлен стоящий над партиями идеализм по-

---

слевоенной молодежи с ее благородными стремлениями; этот отряд сохранил свою самостоятельность. Напротив, добровольцы Эргардта большей частью перешли к Гитлеру. Так возникли штурмовые отряды.

В SA вошли многие бывшие члены Добровольческого корпуса и в особенности те люди, которые служили в бригаде Эргардта. Притоку новых сил Гитлер обязан главным образом убийству Эрцбергера. В дело были замешаны члены организации "Консул", в том числе капитан фон Киллингер. Благодаря преследованиям прокуратуры организация не могла больше держаться. Старые солдаты со "свастикой на стальном шлеме" должны были искать новую организацию. Ходатай всех мюнхенских военных союзов Рем протаскивал их в новообразованные штурмовые отряды. Сам Эргардт в переговорах с Гитлером сделал хорошую мину в плохой игре и предоставил ему своих офицеров-инструкторов, которые явились для Гитлера ценным подспорьем. Первый руководитель штурмовых отрядов - Иоганн Ульрих Клинциш - был лейтенантом в бригаде Эргардта. Его тогдашние сподвижники - капитан фон Киллингер и капитан Гофманн - и поныне видные фигуры в Национал-социалистической партии. Все они были преданы Эргардту, обожали его с оттенком какого-то идеализма и долго еще считали себя связанными с ним; на деле бригада Эргардта тогда окончательно распалась под влиянием притягательной силы национал-социалистической партии, только небольшая группа продолжала существовать под именем "Союза викинга". Впрочем, вскоре после основания штурмовых отрядов Клинциш был арестован по обвинению в пособничестве убийству Эрцбергера и просидел несколько месяцев в предварительном заключении; это побудило Гитлера демонстративно подчеркнуть свою солидарность с ним.

Слияние организации "Консул" и штурмовых отрядов осуществляло заветную цель Рема - военизацию его партии. Основание штурмовых отрядов совпало по времени с роспуском "дружины обороны" Эшериха. После этого роспуска фрондирующий мюнхенский Рейхсвер стал относиться к гражданскому правительству Баварии враждебно и недоверчиво. Это определяло также политическую линию штурмовых отрядов и их партии. Однако в тот же момент, когда Рем достиг своей цели, ему пришлось снова повести борьбу за нее - и не с кем иным, как с Гитлером. Последний хотел иметь войско для политиче-

---

ских целей; руководители штурмовых отрядов с пеной у рта называли войско "колоннами расклейщиков афиш". Это войско должно было завоевать улицу и держать ее в покорности Гитлеру; оно должно было образовать хребет армии, делать для нее рекламу своими парадами. Рем же хотел организации тайного войска, замены запрещенной воинской повинности, поскольку это возможно было в данных условиях. "Это невозможно, - восклицает Гитлер, - я старый солдат и понимаю толк в этом: для сколько-нибудь действительного военного обучения требуются два года серьезной службы, и, кроме того, войско без права дисциплинарных наказаний - бессмыслица; штурмовик не будет хорошим солдатом, если начальник не имеет права посадить его за решетку".

Старый солдат Рем проявил во всех этих вопросах больше гибкости, чем Гитлер, и готов был сообразоваться с обстоятельствами. Между обоими этими людьми, которые были близкими друзьями и говорили друг другу "ты", возник конфликт; вежливый по форме этот конфликт проходит через всю историю партии, принимая порой трагически острый характер; он не ликвидирован и по настоящее время. Здесь сказывается старое противоречие между военщиной и политиками.

ЭЛИТА

Для Гитлера важнее, чем рост влияния штурмовых отрядов во вне, был - по крайней мере вначале - рост их внутреннего значения, то есть завоевание самой партии с помощью этого нового войска. Штурмовые отряды должны были заменить старую демократическую партийную организацию, став машиной, которой можно было бы распоряжаться, нажав кнопку.

Сообразно с этой новой задачей был подобран контингент штурмовых отрядов. Это были молодые, стало быть, склонные к повиновению люди; отчасти - бывшие офицеры, с которыми легко было иметь дело человеку с очень сильной волей, хотя бы и штатскому, а главным образом люди, окончившие или не окончившие университет и прекрасно понимающие, что такое иерархическая лестница; они сами могли претендовать на руководящие роли, но вместе с тем охотно подчинялись подчинения ради. В жизни германской буржуазии началась новая полоса; возрос интерес к "камерад" и рабочей блузе, поскольку этот "камерад" подчинялся буржуазному строю. Антинародные доведенные взгляды подвергнуты были пересмотру; выражением та-

---

кого пересмотра было движение Гитлера. Шорника Эберта встречали плевками, но он все же проложил дорогу ефрейтору Гитлеру. Правые чувствовали, что народным мотивам в левом лагере необходимо противопоставить народные мотивы в правом лагере.

К этой публике Гитлер и явился со своим откровением, что еврейский марксизм украл-де душу рабочего. Именно эту буржуазную и студенческую публику, а никак не рабочих он потряс своим разоблачением роли Мозеса и Исаака Кона. На рабочих действовала скорее та часть его проповеди, которая якобы обращалась к буржуазии: призыв к социальным чувствам. Принципиально рабочий мог согласиться с этим лозунгом, на деле же сохранял свое недоверие.

Одетые в военную форму студенты, кандидаты на судебные должности и бывшие лейтенанты, ныне члены штурмовых отрядов, в нормальных условиях стали бы солдатами или офицерами запаса. Но теперь, когда их нормальная карьера была погублена, они стали ландскнехтами. Это было обреченное поколение без будущего и без средств - отцовское наследство быстро растаяло. Эти люди ненавидели человека из народа и вместе с тем были охвачены стремлением обратить его в свою веру. Они направляли свой корабль с пиратским флагом на мачте и с миссионерской библией "Двадцать пятью пунктами" в каюте к непонятому ими пролетариату.

В своем новогоднем воззвании в 1921 г. Гитлер приветствовал эту универсальную молодежь как будущее ядро своей армии. Он обращался к "группам национального студенчества, в которой по сию пору воплощена национальная энергия; при правильном использовании они могут стать незаменимым орудием в борьбе против еврейства". Теперь штурмовые отряды стали этим незаменимым орудием, которое "правильно использовали" студенческую энергию против самой же Национал-социалистической партии в ее старом виде. Превращение бесклассовой Немецкой рабочей партии в классовую партию было в полном разгаре.

Можно отнести к этому превращению положительно или отрицательно, но во всяком случае необходима была какая-либо перемена, чтобы партия не погибла вследствие своей безыдейности. Эту безыдейность сознавали и сами национал-социалисты. В 1921 году, когда Гитлер был уже знаменитым человеком, "Беобахтер" наивно подтвердил ему, "что он за год проделал

большое внутреннее развитие и что его учение, всегда опирающееся на историческую основу, постепенно приобретает осязательную форму”.

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ

Партия слишком поспешно назвала себя “социалистической”. Гитлер хотел назвать ее только “социально-революционной”; это означало у Гитлера, что существующая форма экономики - при некоторых частичных изменениях - по существу должна была быть проникнута новой социальной этикой не гуманитарного, а, скорее, военного характера. Однако, так или иначе, партия приняла название “национал-социалистической”; Гитлер должен был, следовательно, вложить новое содержание в слово “социализм”, под которым до сих пор при самых различных толкованиях все же понимали обобществление средств производства.

Итак: “Социалист - это тот, кто готов стоять за свой народ всеми фибрами своей души, кто не знает более высокого идеала, чем благо своего народа, кто, кроме того, понял наш великий гимн “Германия, Германия - превыше всего” так, что для него нет на свете ничего выше Германии, народа и страны, страны и народа” (речь от двадцать восьмого июня 1922 года). Здесь уже исчезло старое понятие социализма. Вскоре за понятием последовали и слова. Национальный и социальный - два тождественных понятия. Быть социальным означает так построить государство и жизнь народа, чтобы каждый действовал в интересах народа и был настолько убежден в его благостности и безусловной правоте, чтобы быть в состоянии умереть за него”. “Социальный социализм” этой доктрины стоит на той же высоте, что и ее “безусловная правота”. Важно, что Гитлер при объяснении названия своей партии замалчивает слово “социалистический” и заменяет его словом “социальный”. В начале 1923 года этот “социализм” обнаруживает полностью свое лицо. В приветствии национал-социалистическому партийному съезду Гитлер двадцать седьмого января 1923 года заявляет: “Марксизм выставил три возмутительные и нелепые теории: во-первых, он отрицает значение личности, во-вторых, он отрицает частную собственность как таковую, и, в-третьих, он означает ввиду этого уничтожение всей человеческой культуры и развал всякого хозяйства, стоящего на более высокой ступени (ибо предпосылкой последнего всегда является частная собствен-

---

ность)". Хорош социалист, который находит отрицание частной собственности возмутительным и нелепым! В 1930 году социалистическая группа Отто Штрассера сделала открытие, что Гитлер отпал от социализма. Нельзя не сказать этим честным социалистам, что за все это время они палец о палец не ударили, чтобы познакомиться со взглядами своего вождя.

Замечательно, что дольше всего социалистические взгляды сохранились в области земельного вопроса. В апреле 1921 года Эссер заявляет, что необходимо "в первую очередь отдать землю во владение действительной нации, т.е. всех честно работающих немцев, точнее, не отдать, а вернуть". Это мыслилось в виде кооперативов мелкого люда. Что опорный пункт 17 программы относится только к спекулятивному землевладению, является теперь партийной догмой. Однако еще в начале января 1923 года Розенберг в своей книге "Сущность, принципы и цели национал-социализма", в составлении которой принимал участие и Гитлер, заявляет: "Для государства может возникнуть необходимость отчуждения земельных участков для общепользовательных целей (под дороги, железные дороги, каналы). Необходимо издание закона о том, что такие участки в случае надобности могут отчуждаться также безвозмездно. В подобных случаях это лишь справедливо, так как у проведение железной дороги облегчает сельскому хозяину, владельцу отчуждаемого участка, подвоз удобрений, перевозку его продуктов". Здесь еще принципиально приемлется "аграрный большевизм". В то время партия вообще не интересовалась еще крестьянством и не думала, что со временем оно составит ядро партии.

Тем временем судьба и тактика привели к тому, что из программы партии была выброшена и эта частица "социализма". В последнем издании книги Розенберга нет ни малейшего намека на это место; ничего не говорится об этом также в аграрной программе от марта 1930 года, цель которой - обезвредить пункт 17.

КЛАССОВОЕ ГОСУДАРСТВО ГИТЛЕРА

Вместе с отношением к социализму изменилось также отношение к той части населения, для которой предназначалось социалистическое название партии. Для Дрекслера рабочий был гражданином, а гражданин - рабочим. Гитлер первоначально собирался выбрасывать из партии буржуа, сознающих себя как сословие, и рабочих, сознающих себя как класс. Но в апреле

1922 года он говорит уже другое: “Да, конечно, мы тоже признаем, что всегда должны быть и будут сословия, хотя бы сословия часовых дел мастеров и рабочих тяжелого физического труда или техников, инженеров, чиновников и прочих. Да, сословия возможны. Но какова бы ни была борьба этих сословий между собой за выравнивание экономических условия, недопустимо, чтобы она принимала чрезвычайные размеры и создавала пропасть, разрывающую между ними расовые узы”. Образование классов, по словам Гитлера, возможно только между различными расами, различия между человеком творческого труда и тунеядцем сводится по существу к различию между арийцем, который видит в труде “основу сохранения народного единства”, и евреем, который видит в нем только “средство эксплуатации других народов”.

Здесь Гитлер спешит набросить антисемитский покров на классовую борьбу, существование которой он признает несколькими строками выше. В самом деле, безразлично, говорит ли он вместо борьбы классов о борьбе сословий, ведь эти сословия в его толковании являются классами, между которыми происходит борьба интересов на почве частной собственности. В государстве Гитлера “может прийти к власти только избранная верхушка из самых лучших и самых дельных; это тоже самое, что происходит в природе”. Итак - отбор самых лучших и самых дельных а хозяйстве, покоящемся на принципе частной собственности и распадающимся на “сословия”; если все это не есть классовое государство, то тогда слова вообще не имеют никакого смысла. В качестве образца такого отбора самых лучших и самых дельных Гитлер приводит наиболее застывшее в классовом отношении современное государство, государство, в котором деление на классы отчасти освящается еще национальной традицией. В самом деле, послушаем его дальше: “Мы видим это на примере сильных народов нашего времени. Возьмите Британскую империю: она создана не изменниками Отечеству”.

Разумеется, “самые лучшие и самые дельные”, так же как и “часовых дел мастера”, имеют право образовать сословие. Итак, сословие генеральных директоров акционерных обществ будет вести борьбу с рабочими тяжелого физического труда за “выравнивание экономических условий”. Государство заботится лишь о том, чтобы не разрывались расовые узы; но в обществе, свободном от евреев, это и без того вряд ли возможно. Нигде мы не находим намека на то, что с высот социальной этики на-

---

ционал-социализма награда лучших и дельных будет заключаться в счастливом сознании исполненного долга или в гордом чувстве человека, стоящего на командном посту. Нет, благороднейшие, это те, "которые возлюбили Отечество превыше всего; поэтому и Отечество должно любить их больше, чем других".

В реальной обстановке борьбы в 1923 году от Отечество требовалось то, чтобы оно проявило эту любовь, отдав улицу в руки "благороднейших". Что же потребуется от него в национал-социалистическом государстве? Через несколько лет это открыто выскажет Розенберг, неподражаемый мастер всех национал-социалистических теорий, в своей книге "Гьюстон Стьюарт Чемберлен как провозвестник и основатель немецкого будущего". "Итак, - говорит Розенберг, - если Германия останется республикой, то ясно, что это должна быть республика с сильной руководящей верхушкой и с аристократией заслуг. Но это означает, что эта республика должна будет признать естественный монархический принцип единственным устоем государства и неравенство сословий - необходимой иерархией социальных ценностей. Каждый мельник знает, что колесо его мельницы движется только благодаря разнице в уровнях воды". Итак, и здесь остается целью создать в Германии английские условия.

Может быть, также русские условия? В июле 1922 года Гитлер наряду с императорской Германией выставляет также в качестве политического образца также Россию. В Англии, которую он недавно превозносил до небес, видите ли, уже воцарилось господство евреев, а тем более во Франции. В чем разница между этой Западной Европой, с одной стороны, и Восточной и Средней Европой с другой? "Евреи поняли, что в этих последних странах не исключена возможность нового просвещенного деспотизма. В самом деле, глава государства располагал здесь тремя мощными факторами. Это - армия с его громадным, изумительно подобранным офицерским составом, чиновничество с его мощным аппаратом безусловно верных своему долгу чиновников и широкие народные слои, не зараженные еще внутренним ядом". Гитлер не особенно высоко ценит русских как расу; но, конечно, царскую Россию как антисемитское, расовое государство он ставит выше республики; просвещенный деспотизм он представляет как орудие против еврейства.

ЭЛИТА ПРОТИВ МАССЫ

По мере роста аристократических настроений у Гитлера усиливается его недружелюбное отношение к рабочим; если прежде он свысока, в покровительственном тоне говорил еще о "привлечении рабочих к национальной идее", то теперь он говорит о рабочих с открытой ненавистью. "Марксизм должен автоматически стать движением людей, которые, работая только физически, либо не в состоянии логически мыслить, либо отвернулись от всякой умственной работы вообще. Это - гигантская организация рабочей скотины, оставшейся без руководства" (Гитлер в "Фелькишер беобахтер" от двадцать седьмого января 1923 года).

Две недели спустя "Фелькишер беобахтер" высказывает это в стихотворении Богислава фон Зельхова следующим образом:

"Ich hasse die Masse,
die kleine, gemeine,
den Nacken gebeugt,
die isst, und schlaeft und
Kinder zeugt.

Ich hasse die Masse,
die lahme, die zahme,
die heut' am mich glaubt,
und die mir morgen mein
Herzblut raubt".

("Я ненавижу толпу, эту мелкую, безликую, гнущую спину, которая ест, спит и производит на свет детей. Я ненавижу толпу, эту бессильную, покорную, которая сегодня верит в меня, а завтра меня растерзает".)

"Которая сегодня верит в меня...". Предполагают ли нынешние слушатели Гитлера, посетители его массовых собраний, подобные мысли у своего излюбленного вожда?

Гитлер, сам того не замечая, противоречит себе. С одной стороны, он старается доказать, что только евреи "низвели" широкую массу на положение класса, только они заразили ее ядом классовой ненависти, сделали из не людей второго сорта. С другой стороны, он сам верит в естественное неравенство между людьми, в биологическую аристократию, которая известным образом связана с аристократией социальной. С одной стороны, низкий уровень массы - только вина Исаака и Моисея Кона, вина чужаков, которые "портят расу, все более углубляют пропасть, возвеличивают братоубийцу, организуют гражданскую войну и таким образом увековечивают состояние нашей внутренней революции", вина чужаков, для которых "еврейская демократия большинства всегда служит только средством уничтожить фактическое руководство арийцев"; вина чужаков, о которых Гитлеру достоверно известно, что "еврей не знает любви,

он знает только плоть, он стремится растлить, стремится испортить нашу германскую расу, поэтому в Рейнской области он бросает немецкую женщину в объятия негра”.

Все это, как полагается последовательному антисемиту, вытекает, так сказать, из сострадания к обманутой части нации. В этом духе Гитлер доходит даже до возмущенного восклицания: “Почему в Пруссии не дали народу всеобщего избирательного права?” (из речи, произнесенной в 1921 году в день юбилея Германской империи. Но тут же в противоречии с этим заявлением масса германской нации как таковая объявляется им чем-то низкопробным. “Свергнута идея авторитета, связана свобода и творческие возможности личности, на гениальность вождей наложены цепи, мешающие им развернуться, - все это заменил демократический принцип большинства, который всегда и везде означает лишь победу более низкого, плохого, слабого и прежде всего трусливого, безответственного. Масса убивает личность”. Какая масса: арийская или неарийская? В январе 1923 года это уже не имеет значения для Гитлера.

Притворное сетование по поводу отказа массам в избирательном праве и тут же хула на демократию как на победу низости! Это лишь небольшой ляпсус в сравнении с той смесью славословия и ругани, которые не случайно достаются на долю массы. Славословия и ругань - это на деле лишь два этапных пункта движения.

Масса попала на ложный путь только благодаря евреям - таково политическое мировоззрение старой Немецкой рабочей партии Дрекслера, Гаррера, Кернера. Эта масса не “низка” сама по себе, ее можно “привлечь” проповедями с амвона, и это - дело партии.

Но теперь партия уже не проповедует с амвона. Мечтатели и просветители либо ушли раздосадованные, либо отстранены. Их место заняла когорта воинов со стиснутыми зубами. Идея партии воплотилась в штурмовых отрядах. “Нам нужны не миллионы равнодушных людей, а сотня тысяч действительных борцов, идущих напролом, - заявляет Гитлер своим приверженцам, - энергия, как и все великое, таится только в меньшинстве. Мировую историю всегда делало меньшинство”. Здесь масса снова - только чернозем, свита, стадо для избранной верхушки людей. “Нашу борьбу будет вести не большинство, составленное из парламентских фракций, а большинство силы и воли, независимо от мертвых цифр”. Поэтому Гитлер предостерегает:

“Одного должно избегать наше новое движение - оно не должно видеть свою задачу в том, чтобы посылать возможно больше депутатов в Рейхстаг и ландтаги и увеличивать таким образом число охотников до депутатского жалования. Нет, необходимо другое, необходимо “нести просвещение в национальном духе” в самые широкие слои нашего народа, сделать из этих слоев орудие борьбы против попыток разрушить наше культурное и национальное объединение, от которого зависит наша судьба”.

Итак, народ фигурирует здесь в виде орудия. В начале января 1923 года здесь снова сказался старый распространенный взгляд на партию как на орудие.

Это были два аспекта одного и того же метода; один возвышал SA до роли десницы нации, другой низводил массу до роли орудия нации. Психологическим шедевром в этой агитации было умение воодушевить массы на такую бессловесную роль. для этого масса искусно расщеплялась на единицы. Гитлер говорил об избранной верхушке нации, и каждый мог вообразить, что он имеет в виду его, а не других. Каждая частица массы. увлекаемая этой агитацией, считала, что она выделяется из массы, индивидуализируется и возвышается. Впоследствии это было превращено в систему в самой политической организации партии и в еще большей степени в штурмовых отрядах с их многочисленными рангами. Эта замечательная система - любопытный антипод профсоюзов с их воздействием на психику рабочих. Профсоюзы до сих пор остаются для политически активных рабочих чуть ли не единственной возможностью сделать карьеру. Национал-социализм вначале не мог обеспечить материальной карьеры; зато он давал моральное удовлетворение, выдавая каждому из своих приверженцев диплом, что он уже не принадлежит к массе.

Двадцать четвертого февраля 1922 года Гитлер выразил скрытый основной принцип, руководящий его движением: “Мы не пойдем в парламент; кто отправляется в болото, тот в нем завязнет”. В секретном циркуляре от августа того же года Гитлер прямо заявляет: “Наше движение обладает всего каким-либо десятком первоклассных ораторов. Мы не можем допустить того, чтобы они тратили впустую свои ценные дарования в парламенте”.

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ - ЧАСТНОЕ ДЕЛО

Лишь на первый взгляд это презрение к массе и демократии сочетается в национал-социализме с противоречащим ему равнодушием к монархии. В поучение профанам "Фелькишер беобахтер" объявляет в ноябре 1922 года: "Вопрос монархия или республика для нас вообще не существует, он, выражаясь ходячим термином, является частным делом". Когда эта газета величает бывшего германского кронпринца "еврейским кронпринцем", потому что он в своих "Воспоминаниях" призывает к национальному сотрудничеству также еврейских граждан, это отнюдь не есть принципиальный антимонархизм. То же самое приходится сказать, когда газета Гитлера по адресу этого будущего гитлеровского избирателя заявляет: "Как же, однако, растеряли вы свое бывшее величие, Гогенцоллерны!"

В самом деле, где написано, что будущий монарх должен быть Гогенцоллерном, Вительсбахом, вообще княжеской крови? Имеющий уши, чтобы слышать, не может не понять Гитлера, когда тот в апреле 1922 года заявляет: "Форма правления вытекает из народного характера, из моментов, столь элементарных и мощных, что со временем, когда Германия будет едина и свободна, их поймет каждый без спора". Но может ли такой человек, как Гитлер, считать республику элементарной формой правления, соответствующей немецкому характеру? На своем процессе он утверждает: "В конце концов я - тоже республиканец". А кто же не знает, что "в конце концов" означает: "но это неправда". Впоследствии Розенберг в произведении, вышедшем не под маркой партии, объявил себя сторонником монархии. Но уже тогда, в 1922 году, "Фелькишер беобахтер" утверждает по вопросу о монархии: "Нам нужна национальная сплоченность вовне и изнутри, а главой будет тот, кто сумеет совершить это дело".

Что, если это совершит Гитлер? Тогда он в силу элементарной "сущности" немецкого народа станет его избранным, пожизненным повелителем, и, надо полагать, он будет иметь также право назначить себе преемника. Или, как он сам называет это, он будет "просвещенным деспотом" немецкого народа.

ПРИЧИНА УСПЕХА - В ПЕРЕОЦЕНКЕ СИЛ ПРОТИВНИКА

Государственная доктрина национал-социалистической партии проделала за три года ее существования удивительный

круговорот. Вначале партия считала себя партией массы, имея считанных тридцать человек. Тогда она полагала, что масса находится в руках еврейского меньшинства, чуждого немецкому духу и немецкому народу.. Отсюда она заключала, что марксизм является результатом только искусного, но пагубного руководства. Более глубокие причины, а также стихийные общественные движения тоже совсем не скидывались со счетов и при случае не отрицались, но на первом плане оставалось все же засилье властной враждебной расы, замысел покоряющего меньшинства, происки сионских раввинов. Созревает двоякое решение: отнять массы у этого враждебного меньшинства, а с этой целью необходимо самим подражать его методам и превзойти их.

На основе исторического анализа национал-социалистические вожди убедились в том, что своей силой "марксизм" обязан бесконечно утонченному искусству еврейских совратителей, их дьявольскому знанию человеческой души, пошедшему на пользу их пропаганде. Эта оценка противника весьма пригодилась национал-социалистическому движению. Последнее "подражало" методам и средствам, которых вовсе не было у врага, придумывало хитрости, чтобы восторжествовать над несуществующими вражескими хитростями, и благодаря этому создало такую пропаганду, какой Германия еще не знала. Таким образом, национал-социалистический инструмент оказался еще более искусственным, еще более насилующим природу, чем возраставший десятилетиями марксизм. Но этот механизм получил ток от источника политических страстей, который прежде оставался в Германии неиспользованным.

Если масса слепо следовала за прямым врагом, то почему бы ей было не пойти за национал-социалистическим вождем? Руководство необходимо; масса, подпавшая под еврейское влияние, не только испорчена этим влиянием, но и сама по себе становится неустойчивой. Ницше, Гобино, Лагард, Гьюстон Стюарт Чемберлен, Медисон Грант проповедовали теорию расы-повелительницы, теорию властной расы господ, и тысячи людей еще задолго до Гитлера разделяли это учение. Большой оратор, который так быстро доставил известность небольшой "Немецкой рабочей партии", был вместе с тем прилежным учеником. Дитрих Эккарт и Розенберг указывали ему источники. В течение ближайших лет он был рупором почти исключительно

этих двух людей. Розенберг дал ему прежде всего теорию, Эккарт - стиль.

ЗАТРУДНЕНИЯ

Став единым хозяином в национал-социалистической партии, Гитлер вначале имел ряд неприятностей.

Хотя Дитрих Эккарт и ценил его как партийного вождя, он все же дружески, но решительно отобрал у Гитлера "Фелькишер беобахтер". Он выставил из газеты приятеля Гитлера Эссера, бывшего несколько месяцев ее главным редактором. Молодой Эссер выступал неосторожно во внутрипартийной борьбе; кроме того, виновато было его слишком хлесткое перо - в конце концов даже Пенер и Фрикк не могли вечно смотреть сквозь пальцы на его художества. Возникли пререкания с Пенером. Дитрих Эккарт сам взял на себя обязанности главного редактора; ведь, в конце концов, в газету были вложены его деньги и кредит. Гитлеру тоже пришлось теперь держать при себе свои ежедневные политические излияния или же сбывать публике приходящие ему в голову мысли только с ораторской трибуны.

Во внешнем положении партии тоже кое-что изменилось к худшему. Поражение Кара по вопросу о "дружине обороны" Эшериха поколебало его положение; двадцать первого сентября 1921 года он ушел с поста министра-президента. Ушел также Пенер, и, хотя полиция продолжала быть милостивой к национал-социалистам, все же старого покровителя уже не было. Фрикк был переведен из полиции в другое ведомство. Когда министром-президентом был назначен граф Лерхенфельд, отношение между партией и главой правительства заметно охладели и при Каре, правда, тоже не было личной близости, но было согласие по существу.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ ШТУРМОВЫХ ОТРЯДОВ

Новая "идея вождя" испытывается на новом оружии Гитлера. Штурмовые отряды - это то меньшинство, которое должно стать "большинством воли и самопожертвования". В штурмовых отрядах Гитлер находит также в готовом виде идею вождя. До сих пор ее лелеяло только ближайшее окружение Гитлера, которое берегло ее как ценную тайну. Впервые преподносит ее широкой публике Гесс во время июльского кризиса 1921 года. "Неужели, - пишет он в "Фелькишер беобахтер", - вы слепы и

не видите, что этот человек - прирожденный Вождь, который один лишь в состоянии провести эту борьбу?" Но только в штурмовых отрядах "прирожденный Вождь" мог оседлать своего коня.

Дело в том, что старый отряд Эргардта был единственным в своем роде. Когда Эргардту не оставалось ничего другого как приказать своим людям перейти к Гитлеру, они повиновались, но они еще долгое время считали себя как бы делегатами Эргардта в национал-социалистической партии. Своего старого капитана они почти никогда не называли по фамилии, он просто назывался у них "шефом". Иностранное слово заменяется теперь немецким - "Вождь"; точно также старая песня эргардцев о свастике на стальном шлеме становится теперь песней гитлеровцев, только слова "бригада Эргардта" заменяется теперь словами "штурмовые отряды Гитлера":

"Hakenkreuz am Stahlhelm,
schwarzweissrotes Band,

Sturmabteilung Hitler
werden wir genannt".

(Свастика на стальном шлеме, черно-бело-красная лента, мы называемся штурмовыми отрядами Гитлера.)

Благодаря денежным пожертвованиям состоятельных членов партии штурмовые отряды получили возможность снять в начале ноября 1921 года свое первое более или менее импонирующее помещение. В это же время произошло другое событие: первое боевое крещение штурмовиков. Им пришлось выдержать битву с неприятелем, превосходившим их численностью.

Четвертого ноября Гитлер должен был выступать в залах пивной "Гофброй". В помещение пришли большие группы социал-демократов с намерением отплатить национал-социалистам за неоднократные срывы их собраний и не дать говорить Гитлеру. По ошибке на данное собрание явилось только около сорока гитлеровских штурмовиков. Чувствуя себя в меньшинстве, они были во взвинченном настроении, которое усугубилось после зажигательных слов Гитлера у входа в зал. Он сказал им о том, что надо сокрушить врага, что борьба будет не на жизнь, а на смерть, что у трусов он лично отнимет повязки и значки. Его инструкция гласила, что при малейшей попытке собрать собрание они должны немедленно вступить в бой; они должны помнить, что "лучшая защита есть нападение". Его тирады были

подражанием обращения Фридриха Великого к своему войску перед Лейтенской битвой.

Обработанные таким образом штурмовики приготовились к драке. Гитлер утверждает, что во время его речи противники все время собирали под столом пивные кружки, чтобы употребить их потом в качестве метательных снарядов. Таково было его подозрение, а вот то, как все происходило в действительности по его же собственному описанию. "Из толпы раздалось несколько возгласов, и вдруг кто-то вскакивает на стул и орет на весь зал: "Свобода!" По данному сигналу борцы за свободу начали действовать". В несколько секунд весь зал был заполнен дико ревушей толпой, над головами которой летали, словно снаряды и гаубицы, бесчисленные пивные кружки; слышно было, как ломаются стулья, разбиваются кружки, люди визжали, орали, вскрикивали. Это была безумная свалка.

Я остался на своем месте и мог наблюдать, как мои ребята полностью выполнили свой долг. Да, хотел бы я видеть буржуазное собрание в таких же условиях!

Свистопляска еще не началась, как мои штурмовики - с этого дня они так назывались - напали на противника. Как волки бросились они на него стаями в восемь или десять человек и начали шаг за шагом вытеснять его из зала".

Последуем за этим описанием. Итак, противники первые закричали "Свобода!" Они, якобы, имели также намерение бомбардировать национал-социалистов пивными кружками. Может быть, они исполнили бы свое намерение, может быть - нет, истории это осталось неизвестным. Но она знает, что штурмовики, не дожидаясь этого, напали на противника, как категорически приказывал им это Гитлер. "Свистопляска,- говорит он сам, - еще не началась, как штурмовики напали на противника". Кто-то из противников нарушил порядок и спровоцировал штурмовиков - его вины нельзя отрицать. Но национал-социалисты даже не сделали попытки задержать его; вместо этого штурмовики обрушились на всех подозрительных посетителей собрания. Первыми начали драку штурмовики - это засвидетельствовано самим Гитлером; при этом они не ограничились рукопашной - в зале раздалось также два выстрела. "Сердце снова запрыгало от радости - вспомнились старые военные переживания," - пишет Гитлер.

Наш добросовестный историк заявляет, что нельзя было установить в суматохе, кто стрелял. Нет, это установлено са-

---

мым положительным образом: стрельбу открыл небольшой отряд штурмовиков, теснимый противником.

С точки зрения пропаганды этот бой, данный штурмовиками и выигранный ими, обозначал большой успех.

“Битва в Гофброй” была использована Гитлером как следует. Но вряд ли она может служить доказательством любви марксистов к террору, а национал-социалистов - к законности.

МЮНХЕН ОСТАЕТСЯ ЦЕНТРОМ ДВИЖЕНИЯ

Положение Гитлера в партии было в то время нелегким; но слава его как самого крупного оратора-националиста, если не правых вообще, тогда установилась уже в Южной Германии и начала распространяться в Северной Германии. Конференция вождей националистов в Магдебурге показала, что в годы революции из всех националистических и немецко-социалистических кандидатов только Гитлер проделал известное развитие. Рудольф Юнг, все еще своего рода идейный патрон национал-социализма, произвел торжественное посвящение Гитлера в вожди всех германских национал-социалистов. Юнг писал националистическим группам: “На севере нет сколько-нибудь значительной национал-социалистической партии, Мюнхен фактически остается центром движения в Германии. Я ожидаю от благоразумия наших партийных товарищей в Берлине, Лейпциге и других местах, что для развертывания движения во всей Германии они подчинятся Гитлеру”. Да, так выразился бы Гитлер. Но немецкий депутат из Богемии еще не усвоил “теории вожда”; конечно, и он желал фактического руководства Гитлером, но он мыслил его в обычных мягких формах современных ферейнов. Поэтому он пишет: “Ожидая, что они будут помогать Гитлеру в развертывании движения во всей Германии”. Затем он дает мюнхенцам советы о том, как им объединить все родственные направления под одной вывеской. Под “родственными направлениями” он понимает даже “Пангерманский союз” известного политического интригана Класа, и, что еще хуже, “Объединение немецких профсоюзов”, и в первую очередь “Союз немецко-национальных торговых служащих”.

Немецко-национальные торговые служащие Мюнхена были одной из первых ячеек движения “фелькише” еще до Гитлера. Впоследствии они оказались полезными Движению также и в финансовом отношении. Но предложение Юнга об объединении родственных направлений слишком отдавало парламентским

клубом с его мандатом, обеспеченным по общему кандидатскому списку; эта мысль родилась в мозгу, безнадежно застрявшем в рутине парламентских проектов. Возмущенный Гитлер воспротивился этому. Он не только считал, что другие должны подчиниться ему, но и открыто объявил это. Вместе с тем он заявил: возможно, что представители северной Германии придут к нему, но он никогда не пойдет к ним. Со времени бунта партии в июле 1921 года он не хотел и слышать об опасных попытках объединения, а тем более о продвижении на север.

Он закрепил эту провинциальную линию партии на первом партийном съезде в конце января 1922 года. Тогда оказалось, что по всей Германии уже существуют различные небольшие местные группы, частью преданные центру, частью требующие равноправия. В Ганновере, Штутгарте, Мангейме, Рейнском Пфальце, Галле и даже Верхней Силезии работали национал-социалисты, не говоря уже о верных соратниках Розенгейме и Ландсгуте. Из некоторых других мест по меньшей мере посылались телеграммы. По большей части национал-социалистами были студенты, которые некоторое время учились в Мюнхене. Их было немного, и Гитлер противопоставил им всю массу мюнхенцев, образующих "общее собрание" членов партии.

Речь идет теперь о том, чтобы окончательно упрочить руководство Гитлера и сделать его незыблемым. В своей прокламации к партийному съезду Гитлер заявляет, что необходимо отказать от "горсти трусливых и дрянненьких буржуа, которые легко кричат ура, а на самом деле дрожат перед каждым уличным крикуном". Необходимо также провести чистку в собственных рядах, так как движение стало "очагом благонамеренных, но тем более опасных болванов, которые умеют только смотреть в зеркало прошлого и желают отодвинуть наш народ на тысячу лет назад. В своем ослеплении они не замечают, что речь может идти не о возрождении отживших форм, а только создании нового немецкого права, самым непосредственным образом приспособленного к экономическим условиям нашего времени". А так как никто не проник в эти новые условия так глубоко, как Гитлер и те, кто находится под его руководством, то движение должно быть централизовано в Мюнхене. "Мюнхен должен стать образцом, школой, но также гранитной скалой; не должно быть сомнения, что у движения должно быть руководство, и все должны знать, где оно находится".

Впоследствии эту централизацию партии в Мюнхене прославляли как непревзойденный маневр руководства, но в основе ее лежала конкретная причина: для того, чтобы перенести партийное руководство из Мюнхена, надо было бы перевести также мюнхенский Рейхсвер, так как он был ядром и основой партии. Господа из Рейхсвера могли и не приказывать Гитлеру не допускать такого перенесения. Он уже полгода назад сам ответил отказом на заманчивое предложение из Берлина, так как знал, что все его дело зиждится только на Рейхсвере.

Несмотря на то, что партийный съезд в первую очередь был сколочен из мюнхенцев, последним не удалось провести тезисы своего вождя с таким единодушием, которое выглядело бы как всеобщий энтузиазм. Партийный съезд закончился 31-го января довольно бледным *"non liquet"* (дело еще не выяснено), без резолюций и без шумных оваций. Австрийцы и немцы из Богемии и Моравии вообще не явились. Однако за кем остается владение, за тем остается и право; так как положение Гитлера не подверглось нападкам, оно фактически укрепилось.

Число членов партии возросло по сравнению с 1921 годом вдвое: с трех тысяч до шести тысяч. Для всякой другой партии это было бы громадным шагом вперед; но для национал-социалистов это означало замедление темпов их роста. Год кризиса задержал рост партии, внутри партии еще не привел к единой ориентации и к полной консолидации партийной линии.

1922 год был переходным годом, годом строительства. Необходимо было организовать бюро партии, добыть больше денег. Меньше размаха, больше прилежания - таков был лозунг.

МЮНХЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

ПУТЧ ПП

В начале января 1922 года государственная власть впервые применила к Гитлеру серьезную репрессию. Вместе со своим товарищем Эссером он был приговорен к трехмесячному заключению за срыв митинга. Баварский министр внутренних дел д-р Швейер собирался выслать Гитлера из пределов Баварии, новое правительство Лерхенфельда относилось к Гитлеру холодно. Однако Швейер не в состоянии был провести эту высылку; сила была здесь на стороне старого фронтовика Гитлера. Солдатские союзы протестовали, и из плана высылки Гитлера в марте 1922 года ничего не вышло. После этого удара Гитлер снова стал избегать людей, долго не давал о себе знать и в конце концов объявился в Берлине. Там он снова выступал в национальном клубе, где между прочим познакомился со своим будущим соратником фон Грефе и с фабрикантом фон Борзигом, лидером германских работодателей.

В конце июля 1922 года Гитлер снова в Мюнхене и отбывает свое наказание. Это наказание было сокращено ему до одного месяца. Что же касается остальных двух месяцев, то он добился, чтобы наказание было признано условным. Он приступил к отсидке своего наказания как раз вовремя. Случись это на месяц позже, Гитлер оказался бы в тюрьме во время политического шторма, чуть не бросившего Баварию в объятия революции.

Шторм этот был вызван убийством германского министра иностранных дел еврея Вальтера Ратенау и последующим вслед за этим изданием закона о защите республики. Правые союзы Баварии ответили на это тем, что "довели народную душу до белого каления". Присяжные баварские патриоты не могли мириться с расширением прерогатив общеперских властей в этих законах; но и все правые одинаково восстали против энергии, с которой республика после проявленной ею в прошлом дряблости поставила существующую форму правления и демократию под защиту закона. Надо сказать, что возмущение правых не лишено было основания, так как припадок мужества и энергии у имперского правительства был деланным, и энергия эта скоро уле-

тучилась. Этот припадок нарушал обычное право, установившееся в последние годы в государственной политике, согласно которому в Германии правили левые, а правые делали все, что им угодно.

Из столкновения между авторитетом империи, государственной самостоятельностью Баварии и возмущением правых правительство Лерхенфельда пыталось выйти с помощью компромисса: оно согласилось на новый закон, но для проведения его в действие выговорило себе право учредить южногерманский сенат при верховном государственном трибунале и добилося от президента республики Эберта заявления о том, что политика централизации на этом остановится и не пойдет дальше.

Однако руководящие политические круги в Баварии увидели в этом компромиссе только поражение. Если прежде бурные, но лояльные демонстрации имели целью только усилить позиции правительства Баварии, то теперь происходило опасное брожение, направленное против самого правительства. Вол время большой демонстрации на Площади короля Гитлер - это было еще до его тюремного заключения - впервые получил возможность выступить перед десятками тысяч людей вместе с лидерами других организаций. Характерно его выступление против бело-голубых (цвета баварского герба) и против травли пруссаков: "Прошу вас, - сказал он, - не ругайте пруссаков и не пресмыкайтесь в то же время перед евреями, а проявите твердость перед нынешними хозяевами в Берлине, тогда за вас будут стоять миллионы немцев во всей Германии, называются ли они пруссакми или баденцами, вюртембергцами или австрийцами".

Впрочем, в то же время даже самые пламенные речи Гитлера не представляли еще опасности для правительства. Зато за кулисами произошли события, которые могли привести к катастрофе. В баварском Рейхсвере подготавливалось военное восстание.

Начало восстания было положено в стане генерала фон Эппа, начальника пехотных частей седьмой дивизии, постоянного защитника и покровителя всех правых союзов. Рем и несколько других офицеров задумали свергнуть имперское правительство вооруженной силой. Расчет их заключался в следующем: когда сойдутся генералы Рейхсвера и вынесут составленное в вежливых выражениях решение о том, что внутреннее положение стало невозможным, Эберт окажет не больше сопротивления, чем в свое время Гофман. Рему удалось склонить в пользу этого

начинания Эппа, тот склонил на свою сторону начальника баварской дивизии фон Меля. Баварская дивизия находилась в состоянии полной боевой готовности, она была собрана для маневров на военном плацу Графенвер в северной Баварии.

На этот раз план расстроился вследствие преждевременного вмешательства буржуазных политиков.

Дело в том, что нечто подобное замышлял также самый влиятельный из баварских военных союзов - союз "Бавария и империя". Во главе его стоял советник Питтингер из Нюрнберга, поставленный Эшерихом в качестве своего преемника. Это был прирожденный закулисный деятель со всеми данными стать злым гением движения баварских военных союзов. Он отличался пронырливостью, рассудительностью, честолюбием, а также отсутствием сдерживающих центров, не обладал он лишь одним - доверием своих сотрудников и союзников. И вот Питтингер пришел к выводу, что для него теперь настало время действовать.

Не имея представления о приготовлениях генералов Рейхсвера, находившихся далеко, в Графенвере, он созвал двадцать четвертого августа 1922 года своих помощников в мюнхенской пивной "Киндлькеллер", вызвал с курорта Пенера и приступил к подготовке военного переворота, который должен был свергнуть правительство Лерхенфельда.

Однако, когда он через своего посланца конфиденциально уведомил офицеров в Графенвере о своем самовольном начинании, Рем пришел в бешенство и отказался поддержать путч ПП (названный так впоследствии по начальным буквам фамилии обоих духовных отцов - Питтингера и Пенера). Тогда у Питтингера душа ушла в пятки, и он, не поднимая шума, отослал своих сообщников домой, а сам отправился на курорт. После этого злосчастного преждевременного выпада потерпело неудачу также предприятие Рейхсвера, и все участники предстали перед глазами друг друга далеко не в виде героев или великих государственных мужей.

Меньше всего пристало это Гитлеру, который уже видел себя в виде политического лидера в путче Рейхсвера. По мысли Рема, штурмовые отряды Гитлера были в числе других участвовать в перевороте; в конце концов для этого Гитлер и создал их. Гитлер считал, что настал час для действий в большом масштабе. В эти лихорадочные недели надежды снова обманули его, его иступленные речи снова оказались произнесенными впу-

---

стую. "Если мы, - кричит он своим слушателям хриплым от волнения голосом, - не используем этого момента. он никогда более не повторится". Это было незадолго перед тем, как он отправился в тюрьму.

Действительно, уже много лет обстоятельства не складывались столь счастливо. Гитлер имел шанс выехать на Рейхсвере, будучи, так сказать, его политическим экспертом. В обозе Рейхсвера ему открылась возможность добиться если не власти, то политической славы, после которой ему нечего было бы беспокоиться за свое дальнейшее возвышение. Но эти возможности растаяли, и он не мог помешать этому.

Из-за неудавшейся затеи в сентябре 1922 года Гитлер сделал вывод, что как бы государственная власть ни желала перелома, она всегда нуждается в таких случаях в небольшом толчке извне. В ноябре 1923 года он дает ей этот толчок.

РАЗРЫВ РЕМА С ЭППОМ

После проигранного боя или неудачной спекуляции компании обыкновенно устраивают между собой потасовку. Так было и здесь. В ноябре министерство Рейхсвера решилось на геройский шаг и перевело Рема из штаба генерала Эппа в штаб генерала фон Меля при 7-й дивизии, то есть разъединило обоих заговорщиков - Эппа и Рема. Приказ сопровождался вежливым письмом, в котором министерство писало, что это делается, собственно, в интересах самих участников: Рем, который переводится по приказу министра, может видеть в своем переводе в дивизию только повышение по службе.

Речь шла о том самом Реме, который два месяца назад замыслил сбросить правительство с оружием в руках.

Тем не менее Рем чувствовал себя обиженным.

Вместе с Эппом он смотрел на местное командование Рейхсвера, на командование дивизий как на "враждебное начальство, перед которым мы, т.е. генерал Эпп и я, не желали бы обнаружить своих сокровенных планов". Он считал изменой то, что Эпп выдал его врагу; Эпп, в свою очередь, считал Рема изменником, потому что тот покорно перешел к врагу. Между ними произошла размолвка. Рем вспомнил, что в последние годы генерал пользовался славой, которая в действительности была заслугой его, Рема. Благодаря своей импульсивной мечтательной натуре он не обращал на это внимание в то время, пока он находился в дружественных отношениях с Эппом, но теперь

это его задевало. Впоследствии между Эппом и Ремом произошло примирение, но горечь осталась, и это нашло свое отражение в истории национал-социалистической партии.

Генерал фон Мель вскоре переведен был в Кассель в качестве командира группы, и начальником Рема стал генерал фон Лоссов. На первых порах Рему в его новом положении пришлось нелегко. Ему был брошен ряд серьезных упреков, в том числе также оскорбительного личного характера, и однажды Рему даже пришлось потребовать дисциплинарного суда над собой. Согласно его рассказу, он был реабилитирован, и поэтому нам нет надобности возвращаться к содержанию этих упреков. Пока не будет доказано противного, в пользу Рема говорит то, что он пользовался личным доверием таких людей, как Лоссов и Людендорф. Его солдатские доблести вскоре приобрели ему расположение фон Лоссова, однако его политические интриги много повредили ему потом у командира, который был не более как военным.

НА СЦЕНУ ВЫХОДЯТ МАССЫ

После несчастного случая в 1922 году теперь наступил весьма счастливый случай - поход Муссолини на Рим. Он произошёл спустя два месяца после того, как баварский Рейхсвер чуть было не предпринял поход на Берлин. Благодаря походу Муссолини было обращено внимание на вождя баварских штурмовиков. Эссер, который беззаветно верил в судьбу Гитлера и связал с ним свою судьбу, заявляет в ноябре 1922 года на собрании: "Нам не надо подражать итальянскому Муссолини, у нас уже есть свой; это - Адольф Гитлер".

В значительной мере впечатление, произведенное в Германии походом на Рим, обязано было спокойному и бесперебойному развитию итальянских событий. Не произошло ни одного уличного сражения, ни одной забастовки, корона не получила ни одной зазубрины, ни у кого не вскочило на лбу шишки. Именно такая революция была по душе немецкому обывателю. Гитлер обещал поступить с парламентом таким же образом, как Муссолини. Совершенно в стиле Муссолини он заявил, что "политическая свобода всегда является только вопросом силы". Правда, за этим следовало добавление, говорящее о мучительной внутренней борьбе и сомнениях: "А сила является только результатом воли". Но эта психика неврастеника была слишком утонченной для того, чтобы масса могла обратить на нее внима-

---

ние. Во всяком случае государственный переворот Муссолини способствовал вере в "безболезненность грядущей фашистской революции". Подражатель Муссолини Гитлер стал популярным революционером.

ИНФЛЯЦИЯ

Таким образом, в ноябре 1922 года произошло внезапное усиление партии. До сих пор ей долгое время приходилось на собственном опыте чувствовать, что слава редко дает осязательные результаты. Но многие из тех, кто после безумного гипноза советской республики в Мюнхене впал в состояние усталости, теперь были выведены событиями из этого состояния и созрели для Гитлера. Начался период инфляции.

Валюта Германии подверглась серьезному испытанию уже в годы Мировой войны, чему способствовала политика правительства, избегавшего замораживания цен на продукцию хозяйств крупных землевладельцев. После революции государственные финансы быстро пришли в расстройство. Когда в январе 1923 года Франция полностью оккупировала Рур, и правительство "правого крыла", возглавлявшееся Куно, объявило о начала политики так называемого "пассивного сопротивления", немецкая марка полетела в бездонную пропасть. Для того чтобы финансировать сопротивление, было выпущено огромное количество бумажных денег, что сильно подстегнуло их обесценение. В ноябре 1923 года за одну золотую рейхсмарку давали один миллиард (!) бумажных марок: соотношение, которое просто не укладывается в человеческом сознании. Бесчисленное число людей, чьи капиталы были вложены в государственные ценные бумаги или хранились в сберегательных кассах, остались без копеек. Тяжелый удар получили и те, чьи капиталы были вложены в товары или земельные владения.

Учение Гитлера производило тем большее впечатление на разоренных мелких вкладчиков, что в программе Немецкой рабочей партии фигурировала смертная казнь для ростовщиков и спекулянтов. Это значило: для мародеров хозяйства, которые из жажды наживы взвинчивают цены. Гитлер заявлял, что сокрушительная инфляция порождена происками представителями враждебной еврейской расы - банкиров и биржевиков, - которые используют свое влияние на правительство для личного обогащения. Собственно говоря, инфляция вдохновлялась в большей степени промышленными магнатами вроде Гуго Штин-

---

неса, который ее посредством получал возможность резко увеличить свой экспорт, погасить свои долги и в придачу к получать государственное финансирование в качестве "борцов Рура". Многим землевладельцам инфляция также помогла выкупить свою земельную собственность из залога.

О работе печатного станка, о пагубных результатах несбалансированного государственного бюджета, о влиянии крупных промышленников на обесценивание денег - обо всем этом руководители партии в то время еще не имели не малейшего представления. До 1922 года в народном сознании жило только представление о бессовестном ростовщическом товаровладельце и, пожалуй, о слабом государстве, не решающемся повесить их.

Постепенно товаровладельцы получили отпущение грехов, и распространилось страшное подозрение-догадка, что государство путем какого-то алхимического процесса уничтожает частное состояние - конечно, сознательно, с помощью злостного обмана. Поскольку, чем менее организованы массы, тем отчетливей они представляют себе организованные силы государства и хозяйства, тем меньше верят они в анархический ход событий. Внезапно многим показалось правдоподобным то, над чем они еще недавно смеялись; люди поверили в то, что государство, хищнически манипулирующее валютой, действительно находится в руках евреев.

В то время спекулировал каждый, у кого было хоть несколько пфеннигов за душой: никогда еще биржевой отдел газет не имел так много читателей. По движению курсов своих бумаг мелкий спекулянт чувствовал, что его держат мертвой хваткой анонимные, темные силы биржи - те самые, против которых вот уже несколько лет Гитлер произносит по две большие речи в неделю. Мелкие вкладчики начали прислушиваться к Гитлеру; в ноябре 1922 года он выступил в один вечер на десяти собраниях в самых больших помещениях Мюнхена. Все эти собрания были переполнены. Мелкие вкладчики усваивали слова Гитлера на лету, когда он говорил о том, что "жидовское биржевое жулье" лишило их всего, чем они обладали.

МЕЧТА ОБ ОБЕСПЕЧЕННОЙ ЖИЗНИ

Личные переживания Гитлера в этот момент весьма сложны. "Когда, - говорил он близким друзьям, - проходишь через десять зал, и тебе отовсюду несутся навстречу крики энтузиазма и восторга, это действительно возвышенное чувство". В то время

его риторика была на высоте, он выступал с большой уверенностью. Ныне у Гитлера выработалась поза "под Цезаря", но в то время он позировал в роли добродушного народного оратора, делал слушателям знаки пивной кружкой, останавливал восторженно ревушую толпу комическим "тсс" на манер директора цирка.

Но затем настроение упало. "Беобахтер" медленно, но верно завоевывал свой круг читателей; в 1922 году их уже было двадцать тысяч; мало-помалу создавались предпосылки для превращения его в ежедневную газету. Итак, у Гитлера, у бывшего скромного художника, будет своя газета с большим тиражом, и он сам будет ее лучшим агитатором. Перед Гитлером открывалась заманчивая перспектива буржуазного благополучия. "Ведь я немногого требую от жизни, - говорит он тогда друзьям, стоящим на несколько другой политической платформе, - я хотел бы только, чтобы движение приостановилось, и чтобы я мог прилично существовать как редактор "Фелькишер беобахтер".

Прилично существовать! Не прошло еще и года с тех пор, как ему приходилось жить на средства своих товарищей по партии. Да и теперь еще самый крупный оратор Мюнхена занимает только небольшой домик; в чужом автомобиле он едет с собрания на собрание и старается, чтобы партия не тратилась на него.

Гитлер - человек богемы, которому хочется стать буржуа и иметь возможность существовать прилично. Вполне последовательного, что он начинает выступать в пользу солидной, натерпевшейся страхов буржуазии. В интересах этой буржуазии он клянется защищать частную собственность, а в виде награды требует от нее признания себя вождем.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ СРЕДНЕГО СОСЛОВИЯ

Эту буржуазию Розенберг (в своих комментариях к партийной программе, вышедших в 1923 году) возвел тогда в герои и мученики национал-социалистической борьбы: "Единственное сословие, оказывавшее еще сознательное сопротивление (к сожалению, только в теории) этому всемирному обману, было среднее сословие". Он говорит о том, что в тисках процентного рабства и марксизма "грозит погибнуть идейная Германия, и не только одна Германия".

"Гибнет не одна лишь Германия!" - восклицает пекущийся о мире балтиец. Заметьте: национализм патриотичен, он подчер-

кивает свой немецкий характер, но антисемитизм интернационален. "Идея национализма, - пишет Розенберг в "Беобахтер", - под тем или другим названием распространяется во всем мире". Затем следует пророчество: "Придет время, когда у нас будет французская национал-социалистическая рабочая партия, английская, русская и итальянская". Это уже не учение Рудольфа Юнга, согласно которому социализм - типично немецкая форма государства, и был ею даже при Вильгельме Втором; еще меньше это подходит к прусскому социализму Шпенглера, уж скорее - к тезису Ван дер Брукка: "Каждый народ имеет свой собственный социализм". Мюнхенские националисты начинают хмурить брови и констатируют, что национал-социалисты не менее национальны, чем марксисты.

Растет русско-немецкий сектор партии. Розенберга почти затмил новый метеор. Это был русский немец по происхождению, авантюрист по призванию - Макс Эрвин фон Шейбнер-Рихтер. У него было бурное прошлое: между прочим, он был политическим агентом в Турции, и генерал фон Лоссов, раскусивший его там, весьма недвусмысленно называет его темным авантюристом. Шейбнер еще энергичнее формулирует суть нового интернационализма. "Народы, - пишет он, начинают понимать, где их враг; они видят, что под лозунгом извращенного, ложно понятого национализма они уничтожили друг друга в угоду этому общему врагу". Это уже нечто новое. До сих пор мы слышали лишь то, что враг, то есть еврей, извращает лозунг интернационализма; отныне для всех этих сверхнационалистических юдофобов уже сам национализм стал опасным признаком. "Если удастся развить в великую освободительную идею то, что теперь во многих случаях лишь смутно живет в сознании и еще ищет оформления, если удастся превратить ее в систему, причем не только для немцев, но также для других народов, то жертвы мировой войны были не напрасны".

Летом 1923 года Шейбнер-Рихтер одно время задавал тон у национал-социалистов. Иные видели в нем будущего национал-социалистического министра иностранных дел. Этот русский антисемит умышленно старался вывести национал-социализм из внешнеполитического тупика. С тех пор за канонадой громких слов у национал-социалистов скрывается своя внешняя политика, отличающаяся большой гибкостью и порой также поразительной уступчивостью.

Наиболее резкие формулировки антисемитского интернационализма нашел сам Гитлер. "В удивительном сотрудничестве, - поучает он своих слушателей по части истории, - демократия и марксизм сумели разжечь между немцами и русскими совершенно безрассудную, непонятную вражду; первоначально же оба народа относились друг к другу благожелательно. Кто мог быть заинтересован в таком подстрекательстве и науськивании? Евреи". При этом Гитлер не брезговал следующей передержкой: "Да, Бебель, который не соглашался дать проклятому милитаризму ни единого солдата, ни единого гроша для защиты против Франции, этот Бебель заявил: когда дело дойдет до войны с Россией, я сам вскину на плечо ружье".

Между тем в этой цитате, говоря о России, Бебель имел в виду вообще всех возможных противников Германии.

Цитируем Гитлера дальше: "Во Франции (у нее, правда, были коренные расхождения с Германией, но для Германии они были после 1871 года ликвидированы) всеми возможными средствами культивировалась непримиримая ненависть к Германии. Здесь тоже вполне ясно, что евреи стараются создать конфликт, чтобы использовать его". Итак, слушайте и поражайтесь: даже борьба с "наследственным врагом" оказывается проделкой евреев. Англию тоже науськивает на борьбу против Германии еврейская пресса. "Кто возглавляет всю еврейскую прессу мировых лавочников? Еврей Нортклифф". Нужды нет, что в настоящее время брат Нортклиффа, лорд Ротермир, является рупором Гитлера в Англии. "Надо было разрушить Германию, последнее социальное государство в мире; с этой целью на нее натравили двадцать шесть государств. Это было делом прессы, находящейся в исключительном владении одного и того же вездесущего народа, одной и той же расы, которая фактически является врагом всех национальных государств. В мировой войне победил Иуда".

ШОВИНИЗМ, ОБРАЩЕННЫЙ ПРОТИВ ВНУТРЕННЕГО ВРАГА

Это не значит, что Гитлер жертвовал шаблонным патриотизмом своих слушателей в угоду интернациональному антисемитизму и антибольшевизму, что он объявил французов дружественным народом, находящимся лишь под игом евреев. Но Гитлер был на пути к этому, и на практике его агитация, во всяком случае, действовала в этом смысле.

Когда в начале рурской войны в январе 1923 года правительство Куно старалось создать единый фронт, и в Рурской области действительно возникло нечто вроде такого фронта, антимарксисту Гитлеру, разумеется, трудно было включиться в него. Ему удалось вскоре вывернуться из затруднительного положения благодаря возникшему спору о том, следует ли прибегать к активному или пассивному сопротивлению - спору о методах. Это послужило основанием для издевательств Гитлера над наивными людьми, надеющимися "выкурить врага из Рура своей ленью и ничегонеделанием". Но вначале ему не оставалось ничего, кроме ядовитых и весьма непопулярных насмешек над "болтовней об едином фронте". Старая тенденция - изображать национальные противоречия в качестве интернациональных манипуляций евреев - привела Гитлера на необычный путь: двенадцатого января он заявляет на собрании в пивной Бюргерброй: "Долой не Францию, а изменников Отечеству, долой ноябрьских преступников - вот что должно быть нашим лозунгом!" В то время национал-социалисты еще мало помышляли об активном сопротивлении, которое впоследствии они проповедовали с таким пафосом. Это полностью признал Дитрих Эккарт; восьмого февраля он пишет в "Фелькишер беобахтер": "Евреям, конечно, хотелось бы втянуть нас в безумную войну с Францией, безумную потому, что мы проиграли бы ее с молниеносной быстротой, как это заранее известно".

Таким образом интернационализму своих суфлеров из балтийских немцев Гитлер придал более удобную форму "внутреннего" национализма, который, в отличие от старого национализма, направлял свое острие не против внешнего врага, а против части германского же народа.

“БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПРИМАНКИ”

Впрочем, на несколько месяцев рурская война лишила почвы национал-социалистическую идею антибольшевистского континентального блока. У "мелкого люда" в партии, у ее неимущих основателей снова выступила на первый план старая стихийная ненависть к капиталистам. Устраненный недавно второй председатель партии Кернер выступил в дискуссии на одном коммунистическом собрании и доказывал, что национал-социалисты желают лишь объединения всех немцев, настроенных против капитализма, что национал-социалисты согласны с коммунистами даже в принципиальной области, а именно насчет необходимос-

---

ти положить конец хищничеству матерых волков биржи. Как ни старался Розенберг высмеять горячую речь Радека о Шлагетере как "еврейскую удочку", как ни заклинал он заблудших овец и как ни призывал их к вечной ненависти, твердя им, "у нас только одна конечная цель, сокрушение большевизма, и ничто не может отвлечь нас от этого", все было тщетно. Штуттартские национал-социалисты, всегда отличавшиеся в партии особым упрямством, даже пригласили коммунистического депутата Реммеле выступить у них на дискуссии.

ОТКАЗ ОТ ЮЖНОГО ТИРОЛЯ

Итак, ближайшей целью Гитлера было разделаться с немецким марксизмом, а конечной целью Розенберга являлось разбить восточный большевизм. Куда же, спрашивается, девалось сведение счетов с Францией? Что касается Англии, то национал-социалисты все еще колебались. Порабощена ли она евреями или является англосаксонской расой господ? Тем решительнее был поворот национал-социалистов в сторону Италии.

Спустя несколько месяцев после победы фашизма в Италии Гитлер обронил на небольшом собрании несколько еретических слов о Южном Тироле. Итальянцы вступили тогда в Меран, притесняли и запугивали его немецкое население. Гитлер отозвался по этому поводу в начале 1923 года в том смысле, что не следует относиться к этому слишком трагически.

Восемнадцатого июня 1923 года Розенберг установил линию, которой с тех пор придерживается национал-социалистическая партия: "Вопрос об освобождении Южного Тироля встанет на практике лишь тогда, когда у нас вообще будет немецкое государство", то есть "когда Рур и Рейн, Познань и Данциг, в котором бьется пульс немецкого народа, будут снова принадлежать нам". Поэтому долой не угнетателей Тироля, а долой ноябрьских преступников. "Для итальянцев найдется немало пунктов, представляющих для них большую ценность, чем Южный Тироль. В грядущей международной ситуации быть может окажется достаточно одного слова усилившейся снова Германии и легкого давления с ее стороны, чтобы помочь итальянцам добиться предмета их желаний, а Южному Тиролю вернуть его свободу". Другими словами, грядущая Германия должна выкупить у итальянцев Южный Тироль за политические компенсации, за поддержку итальянских требований. Принятая во время рурской войны политика партии в юж-

---

нотирольком вопросе - один из устоев будущей внешней политики национал-социализма: союз с Италией против Франции, по возможности с привлечением Англии. Наряду с этим имеется и противоречащий этому союзу план антибольшевистского блока; поскольку этот план мобилизует весь мир на крестовый поход против России, он логически должен был бы вести к соглашению с Францией. Со временем, правда, лишь после тяжелой внутрипартийной борьбы руководители партии поняли всю несолидность такой политики с вечно меняющимися установками. После этого они долгое время склонялись к тому, чтобы предоставить Россию самой себе, но после победы на выборах 1930 года снова вытаскивается из платяного шкафа и публично демонстрируется старая жандармская шашка, которая должна спасти культуру и покончить с Советским Союзом.

Впрочем, внешняя политика - вообще неблагоприятное прище для доктринеров. С тех пор внешняя политика национал-социалистической партии - надо признать это - отчасти утратила свой доктринерский характер.

БОРЬБА С ЦЕРКОВЬЮ

Уход национал-социалистов из "единого фронта" мог быть понятен для социалистов, но не для националистов обычного толка. Но в том то и дело, что национал-социалисты были не обычными националистами, их национализм был направлен против "внутреннего врага", они защищали материальные основы существования буржуазии, но нападали на ее взгляды. Они уже тогда не были даже добрыми христианами в обычном смысле слова.

"Разорвем в клочья ветхий завет, библию похоти и дьявола!" - восклицает Дитрих Эккарт одиннадцатого августа 1921 года в "Фелькишер беобахтер". А Гитлер, который добрую часть своего лексикона перенял у Эккарта, послушно повторяет за ним: "Перевод библии Лютером, - говорит он в беседе со своим учителем, - быть может принес пользу немецкому языку, но нанес страшный вред силе мышления немцев. Боже правый, какой ореол окружает теперь эту библию сатаны! Поэзия Лютера сияет так ослепительно, что даже кровосмешение дочери Лота получает религиозный отблеск". Впоследствии эти слова опровергались, но еще в 1927 году "Фелькишер беобахтер" рекомендовал книгу Эккарта, в которой приведена эта цитата.

Так уж суждено антиклерикальным партиям, что их стрелы против вражьего замка попадают также в церковные окна.

С самого начала трудную проблему для национал-социалистов представлял мюнхенский кардинал-епископ фон Фаульгабер. Истинный князь церкви по своим взглядам и осанке, быть может несколько уступавший по уму Пачелли, бывшему тогда в Мюнхене нунцием, мастер политических сентенций, великолепно умевший выбирать для них место, время и нужное слово, Фаульгабер был монархистом и врагом революции. Но вместе с тем он как католик был врагом национализма, а как баварский кардинал придавал своему ультрамонтанству заодно характер не от мира сего и местный, партикуляристский оттенок. Национал-социалисты вскоре открыли эти черты Фаульгабера. Кардиналу принадлежит крылатое слово, что революция была клятвoprеступлением и государственной изменой; с течением времени это выражение почти не утратило своей зажигательной силы. На мюнхенском католическом съезде в августе 1922 года он выступил также против "басен еврейской прессы". Правые союзы с их баварским патриотизмом находили в этих изречениях благодарнейший материал для своих лозунгов, но национал-социалистам изречения кардинала были не совсем по душе. Так например этот человек, проповедующий "римский мир", протестовал против военных праздников, осуждал политические убийства и приравнивал к этим убийствам также травлю, которую вела пресса крайне правого лагеря. Это было, можно сказать, не в бровь, а в глаз.

Поэтому национал-социалистам не нравились также лозунг о клятвoprеступлении и государственной измене, тем более, что он отдавал монархизмом и слишком мало говорил о долге по отношению к своему народу, долге естественном, не нуждающемся в присяге. "В речах мюнхенского кардинала имеется "хорошее и вредное", - констатировал Розенберг, выступая против подозрительного князя церкви как бы в роли провозвестника новой религии. - Из всех классов и вероисповеданий с непреодолимой силой вырастает новое, юное и жизнерадостное миросозерцание. Со временем оно явится куполом, под которым будут собраны и будут бороться друг за друга не все расы, но все немецкие племена. Это - идея народности".

Эта розенберговская теория "купола" была впоследствии развита в настоящую догму. Это - учение о новом миросозерцании; во многом оно остается умышленно неопределенным,

---

предоставляя каждому спастись на свой лад. Бедные программными положениями, неопределенное в этическом отношении, оно зато универсально в своих притязаниях на господство; в этом отношении распростертый над добром и злом "купол" всеоправдывающего национал-социализма является явным конкурентом единоспасающей церкви.

Гитлер и здесь придал идее форму, приспособленную для масс: "Мы не желаем другого бога, кроме Германии. Что нам нужно, так это фанатизм в вере, надежде и любви к Германии".

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД

Уход из единого фронта с треском разбил то зеркало, в которое для года самодовольно смотрелись скудные умом патриоты из военных союзов. Для Гитлера это оказалось опаснее, чем уличные драки и срывы собраний. Ему грозило нечто худшее, чем высылка.

Прежде всего он своей позицией поставил в затруднительное положение Рейхсвер, который дарил ему материнскую ласку и защиту всем военным союзам и по праву считал их своим детищем. Гитлер по-прежнему не намеревался выступать как самостоятельная сила, по-прежнему считал своей задачей победить с помощью богом данных авторитетов. Но он полагался не на гражданскую власть, а на политическую сознательность Рейхсвера и вместе с Ремом из всех сил старался пробудить эту сознательность. Высшая инстанция, генерал фон Лоссов, не имела определенной политической ориентации. Лоссов ценил все "национальные" тенденции и проводил различие между ними разве лишь в зависимости от степени их покладистости. В этом отношении Гитлер, который любил пролезать вперед, не всегда мог получить высший балл.

На двадцать седьмое января 1923 года Гитлер созвал новый партийный съезд, который в противоположность неудачному прошлогоднему съезду должен стать грандиозным смотром его военных сил. Он стянул своих штурмовиков со всей Баварии и обмундировал их по-новому; в общем собралось около пяти тысяч человек. Они должны были в военном строю на так называемом Марсовом поле. Не менее чем в двенадцати залах должны были одновременно состояться массовые митинги. За последние годы Мюнхен видел гораздо более грандиозные манифестации, но то были мирные собрания, в которых царил дух гармонии и благодати под покровительством отцов города. Это

же была мобилизация масс, направленная против внутреннего врага, и если по своим размерам она и уступала майской демонстрации социал-демократов, то она была все же опаснее благодаря своему военному характеру.

Съезд должен был состояться двадцать седьмого и двадцать восьмого января. Многие опасались путча, так как знали, что в сентябре 1922 года Гитлер готов был плестись в хвосте путчистской армии. Поэтому уже в ноябре его пригласил к себе министр внутренних дел Швейер и сделал ему серьезное внушение, предложив “не делать глупостей”. Гитлер вскочил, ударил себя в грудь и поклялся: “Г-н министр, даю вам честное слово, что никогда в жизни не прибегну к путчу”. Министр ответил, что высоко ценит честное слово Гитлера, но движение перерастет Гитлера, если он будет держать свое слово, и поэтому в решительный момент он, Гитлер, всё же поплывет по течению.

Когда Гитлер стянул пять тысяч человек на празднество освящения своих знамен, министр вспомнил свой старый принцип, что государству лучше защищаться против революции с помощью полицейских карабинов, а не честных слов революционеров. Тогда еще не привыкли к характеру массовых представлений Гитлера и не могли себе представить, что пять тысяч человек явятся в Мюнхен только для того, чтобы выслушать речь. Поэтому власти без всяких церемоний запретили освящение знамен под открытым небом, а также половину из предполагавшихся двенадцати собраний.

Гитлер бросился к полицей-президенту Нортцу и разыграл там неописуемую сцену. Сначала он пытался сыграть на слабой струнке Нортца. Опять-таки вспомним, как вел себя Гапон. Он приноровлялся к каждому и держал себя так, как мог пожелать его партнер. Аккуратный чиновник Нортц желал видеть в людях корректных граждан, и Гитлер выступил в позе лояльного гражданина, являющегося столь же рассудительным патриотом, как и сам полицей-президент; он подчеркивал лишь, что с массами надо говорить их языком, сам же он отлично понимает язык полицей-президента. Гитлер доказывал, что запрещение партийного съезда будет иметь роковое значение не только для него, Гитлера, оно будет также ударом для национального движения и в этом смысле нанесет рану Отечеству. Гитлер расчувствовался. Темно-русый молодой воин закликает седовласого чиновника, горячо говорит об Отечестве. Это чуть ли не маркиз

Поза перед Филиппом Вторым. С удивлением седой чиновник видит, как его актерствующий гость преклоняет колено. Правда, лишь на одно мгновение. Гость и в самом деле мог бы воскликнуть: "Ваше величество, дайте свободу собраний!" В действительности сцена разыгралась несколько иначе. И полицейский президент не ответил дрожащим голосом как Филипп Второй, а вместо этого сухо заговорил об авторитете государства, о полицейских карабинах, которым должны повиноваться и патриоты. Тогда Гитлер меняет тон и кричит: "Будь что будет, а я соберу своих людей и пойду во главе их, пусть полиция стреляет в меня".

Правительство сохранило, однако, спокойствие. В интересах безопасности оно объявило осадное положение и запретило все двенадцать собраний.

ПОМОГ РЕЙХСВЕР

Гитлер был в отчаянном положении. Он знал, что пойти во главе своих людей и быть расстрелянным не имеет смысла. Но он знал также, что отступление перед правительством навсегда подорвет его авторитет у старых эргардтовских ландскнехтов, которые теперь находились под его началом.

Но здесь впервые вмешалась в его пользу та сила, которая с тех пор спасала его. Это был Рейхсвер - доблестный Рем, до-стопочтенный Эпп. Они пустили в те дни свое влияние как лиц, в чьих руках находилась значительная часть Рейхсвера, и спасли Гитлера от поражения, от которого ему, пожалуй, никогда бы не удалось потом оправиться. Они знали, что делали. Ведь это была их партия, их политическое войско, созданное ими на их же деньги и из их же людей.

Генерал фон Лоссов, командир седьмой дивизии, чувствовал, что в воздухе пахнет путчем, и созвал своих офицеров на совещание. Вероятно этот трезвый человек хотел услышать от них, что они держат солдат в руках и будут повиноваться любому его приказу. Вместо этого Эпп разразился следующей речью: невыносимо видеть, как поступает правительство по отношению к национальному движению, а именно к национал-социалистам; Рейхсвер ни в коем случае не должен терпеть такого третирования национальной идеи. Выступление Эппа придало храбрости младшим офицерам. Новый сотрудник Лоссова Рем открыто обвинил правительство в измене национальному делу. "Как можете вы совместить такие взгляды с вашей прися-

---

гой?» - спрашивает его один из офицеров. Многие, в том числе и командир дивизии, пришли в замешательство. Собрание разошлось в нерешительном настроении.

Тогда Рем, решив пойти ва-банк, собирает несколько единомышленников и еще раз обрабатывает Эппа. Он доказывает ему, что надо во что бы то ни стало повлиять на Лоссова, скрутить его. Эпп имеет разговор с глазу на глаз со своим начальником. Рем в лихорадочном ожидании стоит в другой комнате. И вот - растворяются двери и выходит Лоссов: "Можете ли вы привести сюда Гитлера?"

"Само собой разумеется". И сияющий от счастья Рем полетел за Гитлером.

Генерал фон Лоссов еще не был знаком с г-ном Адольфом Гитлером. Он узнал его теперь с лучшей стороны. Гитлер, не умеющий владеть собой в неожиданных ситуациях, в состоянии после тщательной подготовки произвести впечатление добродушного и прямого человека, проникнутого самыми благими намерениями. На генерала личность Гитлера и его дело произвело впечатление, пожалуй, чего-то маловажного. Во всяком случае он приходит к выводу, что не стоит из-за этого пришедшего в экстаз мещанина расстраивать господ офицеров и огорчать блестящие военные союзы.

"Не могли ли вы, по крайней мере обещать министру Швейеру, что вы не устроите путча?" - спрашивает он осторожно ради.

Здесь чаша терпения Гитлера переполнилась; его подготовленное самообладание не выдержало. Ведь он уже раз дал честное слово министру два месяца тому назад. Разве тот уже забыл это?

"Министру Швейеру я вообще не даю больше честного слова,- кричит он, - но я уверяю ваше высокопревосходительство своим словом, что двадцать шестого января не устрою путча; двадцать восьмого января я снова явлюсь к вашему высокопревосходительству". Лицо его налилось кровью.

"Какой, однако, сердитый господин, - думает генерал. - Ну и революционер же! "Честное слово, не устрою путча". Тэк-с. Впрочем, дело не в честном слове. Этот субъект, несомненно, не устроит путча, ему бы только заниматься освящением знамен".

Верный Рем слушал и молчал. Ему дается теперь поручение отправиться в министерство и сообщить там, что генерал фон

Лоссов считает Гитлера и партийный съезд неопасными, и в интересах национальной обороны он сожалел бы, если бы национальные союзы подверглись зажиму; он предлагает поэтому правительству пересмотреть свое решение. Рем не только выполнил это поручение, он также показал министру Швейеру, что национально настроенный капитан Рейхсвера не ставит его ни во что. Рем отправился не к Швейеру, а к старому патрону и покровителю всех националистов фон Кару. Последний в качестве начальника округа Верхней Баварии был подчиненным Швейера, но как политическая величина он был сильнее последнего. Ему Рем и Гитлер передали пожелания генерала фон Лоссова, причем, чтобы равенство было полным, Кару пришлось тоже выслушать излияния Гитлера. В конце концов правительство уступило. Нортц на втором свидании с Гитлером просил лишь уменьшить вдвое число собраний и произвести освящение знамен в помещении цирка Кроне, расположенном на Марсовом поле. Гитлер знал, что эти условия должны были лишь замаскировать поражение полиции. "Пожалуй, - ответил он, - посмотрим, что можно будет сделать". Побитый полицейский-президент должен был проглотить эту пилюлю. На самом деле состоялись все двенадцать митингов, и знамена были освящены под открытым небом.

ОБМОРОК ДРЕКСЛЕРА

Это было позорным поражением государственной власти на глазах у всего населения. Посвященные знали, что это было скорее отступлением гражданской власти перед военщиной, но ни широкая общественность, ни штурмовики Гитлера не принадлежали к этим посвященным. Общественность видела теперь в Гитлере сильного человека, не испугавшегося полицейских карабинов и благодаря своей твердости одержавшего верх над слабым полицейским-президентом и злонамеренный министром. Положение Гитлера в партии еще более укрепилось на этом партийном съезде; старый противник Кернер был удален со своего поста второго председателя партии, его место занял Якоб Вероятно, при этом не обошлось без бурных сцен; Дрекслер упал в обморок посредине приветственной речи к многотысячному собранию.

Приток членов в партию все усиливался. Пришлось закрыть на время центральное бюро партии, так как оно не в состоянии было справиться с заявлениями о вступлении в партию. В апре-

ле Гитлер мог позволить себе роскошь устроить в течение четырех недель восемь массовых митингов в цирке Кроне; мюнхенцы наперебой устремлялись на собрания, чтобы послушать Гитлера.

ПОБЕДЫ И ДОГОВОРЫ

Чем больше росла слава Гитлера, тем легче ему было добывать деньги на руки, минуя посредников и соглядатаев вроде Эккарта. Денежная поддержка восторженных друзей позволила ему отнять "Фелькишер беобахтер" у Дитриха Эккарта.

Это было сделано в несколько приемов. Восьмого февраля газета первый раз вышла ежедневным изданием; десятого февраля Розенберг, ментор Гитлера, стал ее главным редактором. Дитрих Эккарт еще несколько месяцев подписывался как издатель. Когда двадцать девятого августа "Беобахтер" вышел на его нынешний громадный формат, Эккарт перестал значиться и как официальный издатель. В финансовом отношении газета трещала по всем швам. Но если она и была ненадежна в этом смысле, если она по уши задолжала своим меценатам, то все же она была теперь бесспорным политическим орудием в руках Гитлера. Эккарт остался верен партии и пользовался в ней почетом, он остался также другом Гитлера. Но пока что он выбыл из строя, так как ему пришлось скрываться от имперской прокуратуры за нарушение закона о защите республики. Потом он избрал несколько более созерцательный образ жизни как художник и любитель удовольствий, для которого существовали кроме политики и другие интересы.

Была одержана еще одна победа: в северной Баварии Гитлер привел к подчинению своего старого соперника Штрайхера. Впрочем, вначале он приобрел в сущности только формальный патронат над нюрнбержским учителем, и ничего более. Против Штрайхера, как в свое время против Гитлера, имелась фронда в собственном лагере в лице Бюргера и Келлербауера, но Штрайхер не справился с ней так удачно, как Гитлер с Дрекслером и Кернером; он даже выпустил из рук нюрнбержскую националистическую газету. Он основал свою газету "Штюмер", которая достигла гигантского тиража благодаря своему граничащему с порнографией смакованию еврейских скандалов - еще почище, чем это делал Эссер. Но пока Штрайхер должен был быть рад тому, что в склоке со своими соперниками он нашел моральную поддержку в лице Гитлера.

Последний выступил в январе 1923 года в Нюрнберге перед собранием в несколько тысяч человек, на котором Штрайхер превозносил его как образец немецкого вождя. Несмотря на внешнее единение, отношения между ними оставались натянутыми, и до ноября 1923 года Штрайхер не отказывался от надежды иметь с Гитлером дело на положении равного с равным. Некоторые мюнхенцы считали Штрайхера ненормальным, не совсем чистым на руку и учредили за ним слежку с помощью нескольких эмиссаров, в том числе руководителя штурмовых отрядов Буха; кроме того, они основали в Нюрнберге собственную ячейку, преданную Гитлеру. В вихре событий осенью 1923 года, когда Гитлер стал чуть ли не мировой знаменитостью, вопрос борьбы за овладение организацией отступил на задний план перед проблемой боевой готовности. Лишь в 1925 году были окончательно урегулированы отношения между мюнхенским партийным руководством и Нюрнбергом, а также прочей Германией.

Третьим большим успехом Гитлера был заключенный в марте 1923 года договор с недавно основанной Партией немецкой национальной свободы. Новая партия образовалась в результате отхода депутатов фон Грефе, Вулле и Геннинга от Немецкой национальной партии "банковского дельца" Карла Гельфериха, которая была для них недостаточно антисемитской; к ней принадлежал также писатель пангерманского направления граф Ревентлов. По договору национал-социалистической партии возбранялась агитация в северной Германии, которая досталась Грефе; южная Германия осталась за Гитлером.

РЕМ ОСНОВЫВАЕТ СВОЕ ЧАСТНОЕ ВОЙСКО

Между тем, именно в этот период успехов Гитлеру пришлось убедиться в том, как мало он владел своей партией и самим собой.

Это было во время рурской "войны". То, какая игра велась тогда, отчасти вскрывают слова Рема: "Теперь уже не тайна, что Рейхсвер принял в то время меры для защиты Отечества, которому угрожала опасность". Меры эти заключались в числе прочего в усиленном обучении и снаряжении военных союзов. В глазах последних этим преследовалась цель "понести немецкие знамена по ту сторону Рейна". Тогда началась военизация этих союзов, предназначавшихся первоначально для внутрисполитических целей; именно этой военизации Гитлер обязан был тем,

---

что Лоссов помог ему перед правительством при попытке за-
прещения его партийного съезда.

С тех пор как силы нации были объединены для предстоя-
щей борьбы в один военный кулак, лозунг "Долой ноябрьских
преступников!" должен был потерять свою притягательную силу.
Руководящие круги Рейхсвера, которые, уж конечно, не были
противниками внутренних переворотов, потеряли всякий интерес
к этому лозунгу. В конце концов правительство Куно не было
марксистским, а президент республики - это не было тайной -
вряд ли еще оставался марксистом. В феврале 1923 года импер-
ский канцлер Куно приехал в Мюнхен и привлек фон Лоссова
на свою сторону; впрочем, попытки некоторых лиц из окруже-
ния канцлера воздействовать на Гитлера остались безрезультат-
ными. Разговор между имперским чиновником и вождем нацио-
нал-социалистов состоялся при посредничестве Рема в служеб-
ном бюро последнего. Гитлер и Рем убеждали гостя из Берлина
в том, что первый выстрел должен быть сделан по внутреннему
врагу, и что марксисты - худшие враги, чем французы. Гостю
это показалось чуть ли не государственной изменой. Разговор
принял резкий характер, и с тех пор Гитлер стал заклятым
врагом Куно.

Самый крупный авторитет для военных и штатский, генерал
Людендорф, - "целый армейский корпус на двух ногах" - объ-
явил себя противником Гитлера и его взглядов. В конце февра-
ля в Берлине состоялась конференция патриотических союзов
всей Германии. На этой конференции Рему и капитану Гейсу,
руководителю нюрнбержского "Имперского флага", союзнику
Гитлера, пришлось убедиться в том, что Людендорф - солдат,
мало смыслящий в политике. В самом деле, Людендорф заявил,
что теперь необходимо поддерживать Куно и Зекта, что фронт
должен быть обращен против внешнего врага. Все националь-
ный союзы должны объединиться. В основе этой политики ле-
жала мысль: выступая за Отечество, мы добьемся также власти
внутри страны.

Что мог сделать Рем в этой ситуации? Он продолжал ско-
лачивать из баварских военных союзов военную организацию, в
которой политическим лидерам доставалась роль чуть ли не
швейцаров. Он связал национал-социалистическую партию с не-
которыми другими группами, из которых самой значительной
был "Имперский флаг", в "Объединение политических союзов
борьбы". Гитлер тщательно пытался дать этому объединению

определенную программу; она не была принята. В этой программе он, между прочим, требовал, чтобы только военные союзы имели право заниматься политикой, и отстаивал необходимость создать национальное государство, "которое даст немцу все права, а тому, кто не желает быть немцем, оставит разве только смерть". Эта программа кровавой тирании по существу является конкретным дополнением к лозунгу "Долой ноябрьских преступников!", предназначавшегося для внешнего употребления.

В ПЛЕНУ У РЕЙХСВЕРА

Гитлер оказался перед угрозой потери своего контроля над партией. Военщина отняла у него штурмовые отряды, созданные им как орудие своего личного господства в партии. Более того, человеком, ответственным за это, был никто иной, как его лучший друг Рем. Последний сначала даже не заметил того, какой удар он этим наносил своему партийному вождю. Он заставил Гитлера превратить партию в собрание ландскнехтов, с которыми офицеры Рейхсвера смогут в одно прекрасное утро сделать все, что им заблагорассудится.

Штурмовые отряды росли, но именно поэтому Гитлер не мог сохранить власть над ними. В марте 1923 года штурмовики уже образовали в Баварии три отряда, из которых каждый насчитывал от трех до пяти тысяч человек; по настоянию Рема отряды стали потом называться полками. Рейхсвер проводил с ними, как и с другими дружинами и союзами, большие ночные маневры и смотры, а Гитлер выступал в этих военных играх исключительно как оратор. В штурмовых отрядах жил дух активного сопротивления французам; из этих отрядов, вернее, из среды бывших мюнхенских солдат Россбаха, который никогда не был особенно верен Гитлеру, вышел, например, Шлагетер, которого французы расстреляли в Рурской области.

Таким образом, и политической активности Гитлера мешала сеть полевых уставов и соглашений с другими группами. Но тут ему посчастливилось получить в руководители штурмовых отрядов человека, который за отсутствием войны на внешнем фронте знал толк в гражданской войне. Это был бывший летчик, капитан Геринг, во время мировой войны он был начальником воздушной эскадрильи Рихтгофена и получил орден "За заслугу". Он на четыре года моложе Гитлера, провел несколько лет в Дании и Швеции в качестве летчика и директора авиационных

компаний, учился после этого в Мюнхене. Это был человек со средствами, а такие люди всегда были нужны Гитлеру; он не раз помогал и лично Гитлеру, который все еще жил в скромных условиях. Геринг жертвовал не только собой для партии, но приносил ей в жертву также свои средства, - один из примеров, когда за деньги покупались руководящие посты в партии. Он умел увлечь за собой SA, но для обычного обучения новобранцев был слишком нервным. Рем всегда относился к нему скептически. Более стойким, зато менее блестящим сотрудником был его начальник штаба капитан Гофман, который ранее служил в бригаде Эргардта. Он был настроен по отношению к политической деятельности Гитлера еще даже более скептически, чем сам Геринг, и активно поддерживал милитаристские идеи Рема.

В продолжении года войско все увеличивалось и настолько отбилось от рук, что Гитлеру пришлось создать специальные отряды для внутрипартийных целей. В августе один из старых членов партии, принадлежавший еще к ее основателям, лейтенант в отставке Берхтольдт сформировал своего рода штаб телохранителей, так называемый "Ударный отряд Гитлера". Этот отряд был той ячейкой, из которой выросли нынешние "Охранные отряды".

ПУТЧ ПЕРВОГО МАЯ 1923 ГОДА

Три месяца Гитлер влачил цепи, которые наложила на него военщина. Затем он попытался порвать их, но ему при этом не поздоровилось.

Первого мая 1923 года мюнхенские социал-демократы и коммунисты устроили свои обычные маевки на Терезиенвизе за чертой города. Кто знает то, какое настроение господствует на социал-демократических маевках, тому известно, что участники их меньше всего думают о революции.

Однако мощная организация, которая считает себя всесильной, видит уже в самом появлении противника провокацию. Поэтому Гитлер и связанные с ним боевые союзы объявили маевку провокацией и решили воспрепятствовать ей силой. Баварскому правительству предъявлен был ультиматум; гитлеровцы не заявляли: "Запретите маевку, иначе мы выступим", а поставили вопрос так: "Запретите маевку и дайте нам выступить". Боевые союзы хотели, чтобы правительство поручило им в ка-

---

честве "чрезвычайной полиции" подавить майскую демонстрацию.

Чтобы некоторым образом пойти навстречу боевым союзам, правительство запретило шествие социал-демократов через город; но устройству праздников за городом оно не стало чинить препятствий. Гитлеру и его друзьям дано было знать, что против "эксцессов" с их стороны правительство выступит с вооруженной силой.

Боевые союзы тоже имели оружие, но оно находилось на складах Рейхсвера. Вожакам союзов было обещано, что оружие будет выдано им по первому требованию. Гитлер надеялся и на этот раз использовать Рейхсвер против гражданской власти; вместе с Ремом и некоторыми руководителями союзов он отправился к Лоссову и потребовал от него выдачи того, что, как он полагал, принадлежало ему по праву. Но, к безграничному удивлению Гитлера, Лоссов холодно ответил, что оружия нет. Гитлер вскипел и напомнил генералу про обещание выдать оружие.

"Можете, если хотите, называть меня нарушителем слова, - сказал Лоссов, - но оружия я не выдам, я знаю, как я обязан поступать в интересах государственной безопасности". Генерал не ссыался на то, что его прежние обещания были превратно поняты; он просто сказал "нет" - и все. Ему, как военному, ландскнехты были не по душе, контрреволюцию он считал делом генералов, а не командиров добровольческих отрядов и народных ораторов.

Полуобезумевший от гнева Гитлер решил захватить Рейхсвер врасплох; он пошел на риск. Вопреки запрету Лоссова он посылает за оружием в казармы; выдрессированные Ремом нижние чины не оказывают противодействия. К складам оружия подъезжают большие грузовики, посланцы Гитлера вызывают из цейхгаузов солдат Рейхсвера и приказывают им грузить ружья на грузовики. Руководитель нижнебаварских штурмовых отрядов Грегор Штрассер был задержан в Ландсхуте офицерами как раз во время такого налета. Видя, что ему не вывернуться, он дает им честное слово, что отвезет оружие на своем грузовике обратно в казарму. Офицеры отпускают его. Но Штрассер не поворачивает в ворота казармы, а дает полный ход машине и уезжает по шоссе в Мюнхен. "Это была военная хитрость," - весело заявил он, когда впоследствии ему напомнили в баварском ландтаге про эту историю с его честным словом.

Своим вооруженным выступлением Гитлер хотел заставить колеблющегося генерала фон Лоссова перейти Рубикон. День, начавшийся мятежом, должен был закончиться государственным переворотом, произведенным Рейхсвером. Но замысел Гитлера полностью провалился. Началось с того, что часть организаций, которые должны были выступить вместе с Гитлером, испугалась и дезертировала. Сама по себе эта потеря даже не была значительной, но Гитлер потерял присутствие духа и бежал. Вместо того, чтобы занять со своей хорошо вооруженной армией к утру первого мая центральные пункты города, он отвел ее за городскую черту на военный плац - Обервизенфельд. Как осторожный стратег Гитлер позаботился о том, чтобы между ним и противником оказался весь город Мюнхен. Противник на другом конце города, на Терезиенвизе, спокойно слушал своих майских ораторов.

На Обервизенфельд, где происходили военные упражнения, боевые союзы братались с Рейхсвером, тогда как руководители союзов в замешательстве обсуждали, что же теперь делать. Тем временем фон Лоссов узнал о похищении оружия. Вzbешенный генерал разнес в пух и прах Рема и отдал приказ немедленно разоружить националистических бунтовщиков. Последним не оставалось ничего другого, как по возможности дружелюбно договориться относительно условий разоружения. В последний момент Гитлеру удалось избежать позорной выдачи оружия на поле сражения. Союзам было разрешено самим отвезти оружие в казармы. Так Гитлер "разделался" с марксистами.

Это было самое тяжелое поражение, понесенное до сих пор Гитлером, - хотя бы потому, что оно показало то, что в груди у Гитлера не билось неустрашимого сердца бойца. Когда пять месяцев спустя Гитлер снова захотел переправить Лоссова через Рубикон, он опять опростоволосился.

Союзники тоже оказались ненадежными. Двойная система подчинения Рейхсверу и соглашений с другими организациями доказала свою несостоятельность. У Гитлера была армия, но в решительный момент противник мог лишить ее свободы действия; у него была политическая программа, но в решительный момент она крошилась, лишалась важных частей. Но он уже не мог повернуть назад. Путь к успеху вел только через Рейхсвер, который обучал войска Гитлера, командовал ими, вооружал их, а в случае надобности, и оплачивал их. Поэтому Гитлер должен был стремиться любой ценой - хотя бы ценой своих принципов

- уговорить Рейхсвер, не уступивший ему в этот момент, и подчинить себе ненадежные военные союзы. В вечер первого мая эта задача еще не представлялась ему в столь ясном виде, но события сами привели его на этот путь.

РАЗРЫВ С РЕЙХСВЕРОМ

После провала в день первого мая национал-социалистическая партия переживает политический кризис, а Гитлер - личный кризис. Отношения между партией и Лоссовым были сорваны, сам Рем окончательно впал в немилость у своего командира. Он отомстил колкой жалобой, поданной им подчиненному Лоссова - коменданту города Мюнхена генералу фон Даннеру, - разительный пример нарушения дисциплины, объясняющийся только настроениями того времени, когда многие офицеры Рейхсвера, хотя они по службе были генералами, майорами, капитанами, в своем кругу видели друг в друге своих товарищей-революционеров. "Камерада" Рем обвинял "камерада" Лоссова в том, что тот скомпрометировал его перед боевыми союзами.

"Я не желаю, - пишет этот офицер своему начальству, - быть изменником по отношению к людям, которые мне доверяли. Их борьбу за свои права (подразумевается оружие Рейхсвера для целей гражданской войны) я должен сделать своей и должен повести эту борьбу за них, если не хочу изменить самому себе".

Последняя фраза допускала различные толкования. Лоссов должен был опасаться, что Рем, пожалуй, вынесет сор из избы.

Поэтому он заключил перемирие, которое позволило Рему остаться и продолжать получать свое жалование. По существу, произошел разрыв между Рейхсвером и боевыми союзами. Лоссов заставил дружинников подписать обязательство, в котором говорилось: "За то, что Рейхсвер берется обучить меня военному делу, я обязуюсь без вызова не принимать участия ни в каких враждебных или насильственных действиях против баварского Рейхсвера или баварской полиции". Боевые союзы должны были со скрежетом зубным покориться, но - как было сказано в приказе по штурмовым отрядам от девятого мая 1923 года, - они дополнили свое обучение у Рейхсвера "теоретическим курсом о поведении во время уличных боев".

Кризис в отношениях между партией и Рейхсвером был кризисом могущества партии; в сравнении с этим организацион-

---

ные успехи партии в то время были лишь чем-то второстепенным. Партия впервые позволила себе роскошь иметь отдельного подчиненного Гитлеру председателя партии в одном из союзных германских государств, а именно в Вюртемберге. Но за этим блистательным внешним успехом скрывался тот факт, что вюртембергцы не желали терпеть вмешательства Мюнхена.

ГИТЛЕР ШОКИРУЕТ

В частной жизни Гитлера появилась в это время трещина. Ему открыт был доступ и дружеский прием в одном из лучших мюнхенских семейств, которое в настоящее время играет заметную роль в национал-социалистическом движении. Он получал здесь деньги, возможность развлечься, привычку жить в культурном кругу. Это шокировало вечно недовольных ветеранов партии, злые языки издевались над "рабочим вождем, проводящим время за шампанским в обществе красивых женщин". Один из старых основателей партии - Кернер, второй председатель партии Якоб и несколько других лиц составили своего рода союз для спасения рабочей души Гитлера. Во главе союза стоял Готфрид Федер и один высший железнодорожный служащий, связанный с Гитлером приятельскими отношениями. Федер доказывал, что к вождю, как к человеку с художественными запросами, не следует подходить с мелким масштабом; но вместе с тем он подчеркивал то, что о партии судят по поведению Гитлера. Короче, Гитлера призвали к порядку. Впрочем - безрезультатно.

Это, конечно, свидетельствует лишь о том, что ханжи не переводятся нигде. Однако Гитлер заслужил это обвинение не своим поведением в частной жизни, а своими прежними нападениями на левых политиков, провинившихся не больше, чем он сам. Впрочем, описания возмущенных партийных товарищей Гитлера показывают, что в своих похождениях последний не отличался особой опрятностью. Правда, для того чтобы возмущаться распушенностью гитлеровского стиля, нет надобности следовать за Гитлером в его личную жизнь.

Вождь - на летних квартирах в Капуе. Его партия, оставшись почти без руководства, переживала полосу молчания и затишья. "Гитлер перестал занимать народное воображение", - констатирует корреспондент "Нью-Йоркер штатсдайтунг". Инфляция бешеным темпом приближалась к своему апогею, склока между патриотическими союзами завела их в тупик, народ уже

не верит в них, и только то и делает, что изо дня в день бегает с получкой в бакалейные лавки, чтобы успеть купить консервы до очередного повышения цен.

ПОБЕДА НАД ПРАВОСУДИЕМ

Тем временем в тиши ведомственных канцелярий разыгралась трагикомедия, которая отчасти вознаградила Гитлера за пощечину, полученную им первого мая. Баварское правосудие наконец собралось "наказать" Гитлера за нарушение общественного спокойствия в день Первого мая.

Прокуратура при окружном суде в Мюнхене открывала следствие. Можно было ожидать, что Гитлер будет признан виновным. Тогда ему пришлось бы отсидеть и те два месяца условного наказания, которые оставались за ним еще за срыв собрания. Наконец-то министр внутренних дел получал возможность осуществить свой старый план и выслать Гитлера из пределов Баварии. Все, что таило в себе будущее, - теперь мы знаем, что именно: ноябрьский путч 1923 года, сентябрьские выборы 1930 года, кровавый 1932 год, - всего этого не случилось бы. По всей вероятности Гитлер жил бы в Австрии на положении малоизвестного агитатора.

Но Гитлер ответил дерзким и сильным встречным ходом. Он подал прокурору заявление, в котором, в частности, писал: "Так как меня в продолжение ряда недель самым невероятным образом поносят в парламенте и прессе, причем соображения должного уважения к Отечеству лишают меня возможности публично защищаться, я благодарен судьбе, позволившей мне теперь выступить с этой защитой в зале суда и, следовательно, не считаться с упомянутыми соображениями".

На высокопарном дипломатическом языке Гитлера это было недвусмысленным предостережением. И прокурор Дрессе понял угрозу. В страхе он докладывал министру:

"Существует опасность, что руководители боевых союзов не остановятся перед такого рода защитой, которая произведет крайне опасное антигосударственное впечатление. Гитлер дошел даже до угрозы опубликовать свое заявление в печати".

Министр читает доклад прокурора и связывает его с другими обстоятельствами, тоже вызывающими тревогу. Гитлеру и его друзьям было известно, в каких плохих отношениях находились между собой министр-президент фон Книллинг и министр внутренних дел д-р Швейер; оба они ядовито огрызались в

присутствии делегатов боевых союзов. Министр юстиции боялся, что может создаться крайне неудобное положение, если Гитлер вынесет сор из избы и расскажет на суде об этом внутреннем конфликте в лоне правительства. Кроме того, министр - это был тот самый д-р Франц Гиртнер, который впоследствии стал германским министром юстиции в кабинете Папена, - как немецкий националист считал, что национал-социалисты "плоть от плоти нашей" (он так однажды выразился). В душе он был убежден, что скоро "все равно должен наступить поворот" и что Гитлер либо полностью выиграет, либо полностью проиграет. По мнению министра, только тогда для государства наступит время творить суд и расправу, а не теперь, в нынешнем переходном состоянии слабости.

Он дал прокурору директиву в том смысле, что "в настоящий момент обвинение должно быть отложено до более спокойного времени". Швейер остался в полном неведении о положении вещей. Он несколько раз спрашивался в министерстве юстиции. Ему отвечали уклончиво, что дело недостаточно "созрело" (южногерманский официальный стиль), - на самом деле оно было положено под сукно. После путча Гитлера дело было совсем прекращено на основе происшедших к тому времени изменений в уголовном судопроизводстве. Попытка путча, совершенная Гитлером первого мая тысяча девятьсот двадцать третьего года, осталась и поныне безнаказанной.

Путем угрозы он добился от государственной власти безнаказанности. Кто в состоянии задержать ход правосудия, тот имеет власть. А если хоть какая-то власть находится в руках отдельных граждан, это ослабляет власть государства. Гитлер был силой благодаря Рейхсверу: последний держал его в своих руках, но давал ему возможность в свою очередь наложить руку на гражданскую власть, по крайней мере в той степени, в какой это было жизненно необходимо для движения Гитлера.

ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Летом 1923 года юстиции-советник Клас, стоявший во главе пангерманского союза в Берлине, задумал план. Клас видел, как рурская война сходит на нет, как правительство Куно колеблется между забастовкой против французов и активным сопротивлением, между единым фронтом и уничтожением марксизма. Между начальником Рейхсвера генералом фон Зектом и прусским министром внутренних дел социал-демократом Зеве-

---

рингом существовали неплохие отношения. Клас задумал свергнуть правительство Куно-Геслера-Розенберга-Хамма. Дерзкий замысел для частного лица, но у Класа была пылкая фантазия в области политики. Он хотел независимо от парламента установить с помощью Рейхсвера национальное правительство, директорию, как его стали называть в тесном кругу. Военной опорой нового правительства должен был стать генерал фон Зект, а его вдохновителем - Клас.

Нити заговора тянулись также в Баварию, а именно к Пенеру и Кару; последний был покровителем всех монархистов и стоял во главе окружной администрации Верхней Баварии. Правой рукой Кара был Питтингер, так сказать баварский двойник Класа. План берлинского советника Питтингер перекроил по мудрому партикуляристскому рецепту и таким образом сделал его приемлемым для Баварии: директория должна была стать придатком к баварскому правительству и возглавляться Каром. В директорию должны были войти кроме того и Пенер, и Гитлер.

Это было великим искушением для Гитлера. Этот столь тягостный год имел для него и кое-какие светлые стороны. Так например двадцатого апреля, в день рождения Гитлера (ему исполнилось тридцать четыре года), Рот, бывший всамделишный министр юстиции, торжественно приветствовал Гитлера как народного вождя. Далее, у Гитлера была беседа с Людендорфом и Лоссовым о судьбе Германии. Но все это перекрывалось предложением Питтингера. Самый влиятельный закулисный деятель в Баварии хотел сделать его соправителем страны. Можно предположить то, что Питтингер хотел таким образом подловить Гитлера и обезвредить его ("Ему не следует произносить столько цирковых речей", - выразился как-то о Гитлере Питтингер.). Если даже допустить это, то все же такое предложение показывало, как высоко уже котировался Гитлер.

Как Гитлер ответил бы лично от себя на это искушение, мы не знаем. Несомненно, что в своих многозначительных речах он оставил все лазейки для разрешения баварской проблемы на свой лад, проблемы, которая теперь подступала к нему в образе сатаны. "В разные времена, - сказал он в июле 1922 года, - спасение для Германии являлось из разных мест. В настоящее время на долю Баварии впервые за все время ее существования выпадает общегерманская миссия. Возможно, Бавария воспрепятствует тому, чтобы пожар большевизма распространился с во-

---

стока на Европу". Эта тирада была кокардой, которая годилась ко всякому мундиру. На основе ее можно было принять предложение Питтингер или отклонить его, можно было воздвигнуть на Майне плотину или построить мост. Но речи Гитлера, которые содержали решительно все и ни к чему определенному не обязывали, уже давно не являлись директивами самого Гитлера; он должен был просто повиноваться силе, во власть которой он попал. Пленник Рейхсвера, он даже при желании не мог проводить политику баварского партикуляризма, о которой не желали и слышать националистическая молодежь, офицеры и небаварские покровители партии.

Снова выступили друг против друга оба баварских фронта, черно-бело-красный (сторонники имперского единства) и бело-голубой (баварские партикуляристы). Первый лагерь возглавлялся Людендорфом, за ним шли военные союзы "Имперский флаг" во главе с Гейсом, союз "Оберланд" со своим новым главой ветеринарным врачом д-ром Вебером, штурмовые отряды, предводительствуемые Герингом, и наконец, радикальные офицеры Рейхсвера во главе с Ремом. В другом лагере в качестве идейного вождя находился Питтингер с его союзом "Бавария и империя" и Каром как почетным председателем союза, затем принц Рупрехт и на некотором расстоянии кардинал фон Фаульгабер и часть баварских министров. Иные все еще находились между обоими лагерями и либо не сознавали противоречия между ними, либо не хотели его устранить. Сюда принадлежали те баварские деятели, которые не желали обособления Баварии, и которые, напротив, скорее всего предпочли бы поднять бело-голубой флаг над Бранденбургскими воротами: Пенер, Рот и профессор Бауер, руководитель патриотических союзов, существовавших больше в воображении, чем в действительности. А Лоссов колебался на другой лад: он предпочел бы остаться в стороне от всякой политики. Для тех, кто яснее всего видел противоречия, труднее всего было решиться примкнуть к той или иной стороне; Гитлер принадлежал к их числу.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ЛЮДЕНДОРФА

Военные союзы, стоящие за Людендорфом, устроили второго сентября в Нюрнберге так называемый "немецкий день". Это была грандиозная демонстрация; явилось около ста тысяч человек, для тогдашнего времени неслыханная цифра. Сто тысяч человек маршировали в стальных шлемах, в спортивных ша-

---

почках, в обмотках; отовсюду неслись крики, песни, слышались неистовые речи - все это создавало картину бурного политического сражения. Цель этого выступления была выражена в резкой и заносчивой речи Людендорфа в прусском стиле:

“Единение и сила, так блестяще проявившие себя на полях сражения, были делом государей”. Гитлер никогда не мог бы сказать что-либо подобное; но еще менее возможным было то, что последовало за этими словами: “В первую очередь это было делом династии Гогенцоллернов, которую теперь так сильно поносят потому, что боятся ее и больше всего ненавидят. Но народ, лишенный чувства своей национальной и расовой солидарности, поверг в прах мощь государства”.

Это был тот же офицерский стиль, то же презрение к народу, которое сказалось в словах Рема: “Я заявляю, что не принадлежу более к этому народу”. У слушателей “сперло дыхание”, они смущенно потупили головы. Национал-социалисты вообще не пожелали слушать речь Людендорфа, что с их стороны было красноречивым жестом.

Но этот жест не помог им. Людендорф обладал в то время поистине сверхчеловеческим престижем во всем правом лагере; несмотря на все свои бестактности, он был героем дня. Через свое доверенное лицо Шейбнера-Рихтера он заставил и Гитлера подчиниться обстоятельствам. На большом смотре боевых союзов стояли рядом Людендорф и Гитлер. Публика видела в этом единение вождя и народа.

В то время Гитлеру не везло. Боевые союзы, в том числе и его штурмовые отряды, еще раз были склеены в Нюрнберге в одно целое, причем о господстве Гитлера не было и речи. Новая организация называлась “Немецкий боевой союз” и состояла из “Имперского флага” капитана Гейса, из союза “Оберланд” под руководством д-ра Вебера и из штурмовых отрядов Национал-социалистической партии. Тяжеловесная прокламация в стихах и прозе отвергала Веймарскую конституцию, нападала на “жалкое преклонение перед большинством”, на марксизм, еврейство и пацифизм; она выступала за союзное государство в духе Бисмарка и за частную собственность и требовала смертной казни за измену Отечеству.

Эта прокламация была творчеством Людендорфа. Составил ее помощник генерала по части публицистики, капитан в отставке Вейс; Готфрид Федер внес в нее некоторые национал-социалистические штрихи. Гитлер вел себя апатично. Не будь

Людендорф таким мало разбирающимся в земных делах полубогом, он мог бы тогда отнять у Гитлера политическое руководство его штурмовыми отрядами; военное руководство уже раньше было отнято у него Рейхсвером, потребовавшим от членов союзов уже известное нам обязательство. Так или иначе, политические дела союза вел доверенный Людендорфа Шейбнер-Рихтер. Гитлер сидел в золотой клетке и изведal всю горечь высоких почестей.

РЕМ ДЕЛАЕТ ГИТЛЕРА ВОЖДЕМ

Вызволить его стало теперь главной заботой его друга Рема. Сплочение боевых союзов было в сущности его делом. Новая организация должна была представлять собой не партию, а армейский корпус; но вместе с тем она должна была находиться в боевой готовности на случай политического выступления, к которому никак не удавалось в нужный момент склонить генералов. Гитлер, собственно, не желал всей этой военной игры, но так как он каждый раз позволял использовать себя как безвольное орудие, то в глазах Рема он являлся подходящим политическим руководителем. Итак, Рем изо всех сил старался завоевать для Гитлера политическое руководство боевым союзом.

В записке от двадцать четвертого сентября Шейбнер-Рихтер выработал основную линию будущей политики Рема, то есть овладение государственной властью с помощью переворота и в обход конкуренции из бело-голубого лагеря. В этой записке говорилось: "Национальная революция не должна предшествовать взятию политической власти; овладение полицейским аппаратом государства является предпосылкой национальной революции. Другими словами - необходимо по крайней мере сделать попытку овладеть этим аппаратом хотя бы по внешности легальным путем; при этом мы безусловно согласны, что на этот легальный путь придется вступать под более или менее сильным нелегальным давлением... Риск будет тем меньше, чем больше выступление будет опираться на симпатию народа, и чем больше оно будет производить ввне впечатление легальности".

Провозглашаемая здесь Шейбнером-Рихтером "легальность" как средство борьбы легла с 1925 года в основу национал-социалистической политики.

В результате упорных настояний Рема лидеры "Боевого союза" согласились признать вождем Гитлера. Внешним поводом для этого послужило прекращение рурского сопротивления, дис-

---

кредитированное Штреземаном двадцать четвертого сентября. На другой день состоялось совещание лидеров Союза, в котором участвовали военный руководитель Союза Крибель, затем лидер "Имперского флага" Гейс, д-р Вебер из союза "Оберланд", Рем и капитан Зейдель от мюнхенского "Имперского союза", и, наконец, Геринг, Шейбнер-Рихтер и Гитлер. На этом совещании речь Гитлера продолжалась два с половиной часа; закончилась она просьбой к товарищам передать ему руководство Германским боевым союзом. Когда он кончил, Гейс вскочил и со слезами на глазах протянул ему руку; Рем тоже плакал, и даже д-р Вебер, всегда сохраняющий внешнее спокойствие, был взволнован.

В результате этого патетического совещания появилась следующая заметка в печати: "Ввиду серьезности политического положения мы считаем крайне необходимым единое политическое руководство. В полном согласии относительно наших целей и средств мы, лидеры боевых союзов, сохраняя полностью их внутреннюю самостоятельность, передаем политическое руководство г-ну Адольфу Гитлеру".

Рем решил окончательно уйти из Рейхсвера и всецело посвятить себя подготовке "акта, который решит дело свободы". Он подал своему другу стремя; теперь надо было позаботиться о том, чтобы Гитлер действительно поехал.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРИНЦУ РУПРЕХТУ

Получив руководство в свои руки, Гитлер на другой же день первым делом отправил Шейбнера-Рихтера к графу Зодену, начальнику канцелярии принца Рупрехта, с просьбой устроить ему аудиенцию у принца. Стараясь выслужиться перед новым лидером, Шейбнер прибег в переговорах с графом ко всякого рода уловкам, которые казались ему мудрой дипломатией. "Конечно, - заявил он, - никто не желает навязать принцу свои взгляды, но если принц станет на платформу национального движения, Гитлер, в душе монархист, ничего не будет иметь против установления монархии в Баварии; напротив, волна движения поднимет принца на своем гребне и он станет верховным вождем движения. В противном случае, - круто заявил Шейбнер, - движение пройдет мимо принца".

Эта пыжающаяся лягушка не произвела должного впечатления на графа, которому было отлично известно, что Людендорф относился к Вительсбахам с недоверием. Посланец "Боевого сою-

за" слишком театральнo представлял себе мир реальной политики; чего же ожидать от его хозяина? Гитлер так и не получил аудиенции у принца.

КАР - ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИССАР

В тот же день Гитлер узнал причину своей неудачи и понял, что пришел слишком поздно. Выбор его в вожди боевого союза должен был явиться ударом, но удар противником был гораздо сильнее. Получив руководство союзом в свои руки, Гитлер собирался выступить с речами - как он это всегда делал в решительные моменты. Он собирался выступить не менее как на четырнадцати собраниях в один вечер. Эти собрания могли стать увертюрой к путчу. Под их прикрытием могло быть проведено давно подготавливаемое выступление. Книллинг объявил осадное положение и назначил Кара генеральным государственным комиссаром с чрезвычайными полномочиями. Баварский премьер, с помощью которого "Боевой союз" надеялся "легально" завоевать государственную власть в Баварии, вместо этого вооружил двадцать шестого сентября противную сторону.

Гитлер потерял присутствие духа. Больше всего его вывел из себя запрет его четырнадцати собраний. У него помутилось в глазах. "Как, - бесновался он, - из-за четырнадцати безобидных собраний поднять такой шум, объявить осадное положение и назначить генерального государственного комиссара! Что же сделают эти господа, когда мы повесим первых четырнадцать мошенников, первых тысячу четыреста мошенников?" В течение одной ночи он все больше входил в раж, забыл про честное слово, про свою тактику "легальности", про данную Лоссову подписку, одним словом - он действительно готов был совершить государственный переворот, который до сих пор существовал лишь в воображении противника. На квартире Шейбнер-Рихтера он обсуждал вместе с Шейбнером, Пенером, Ремом шансы путча. Но в конце концов солдатское вето Рема восторжествовало над расходившимися нервами вождя. Безнадежный план путча отпал, и тысяча четыреста ноябрьских преступников избежали виселицы.

На следующий день Кар потребовал от Гитлера объяснений насчет того, как он намерен держать себя по отношению к новой власти. Гитлер ответил, как упрямый ребенок: его не спрашивали, когда назначали г-на фон Кара генеральным государ-

---

ственным комиссаром, поэтому его позиция будет зависеть от того, как поведет себя фон Кар.

Это был беспомощный лепет. Вождь "Боевого союза", лишь двенадцать часов назад собиравшийся смести с лица земли противника, не сумел даже скрыть, в какой мере он чувствовал себя побитым.

МОБИЛИЗАЦИЯ СИЛ ПРОТИВ БЕРЛИНА

В лице Кара пришла к власти "революция с разрешения г-на президента". Задачей Кара была борьба против имперского правительства. Его планы представляли собой весьма неопределенную смесь из баварской обороны и германского наступления. Неграмотный в экономических вопросах чиновник Кар наивно верил во всемогущество декретов, в возможность сделать Баварию счастливым оазисом, задержать обесценивание денег, декретировать твердые цены, отправив "ростовщиков" в тюрьму и выслав всех "восточных" евреев. Кар надеялся с помощью этих мер добиться народного успокоения. Он даже успел приступить к делу: в Нюрнберге было задержано золото Рейхсбанка, кроме того Кар запретил налоговым инспекторам посылать в Берлин поступающие налоговые суммы.

Все эти меры проводились с помощью совершенно непригодного для этих целей чиновничьего персонала окружного управления Верхней Баварии. Это управление прекрасно исполняло до сих пор свои функции в области школьного надзора, дорожного строительства и страхования от градобития на территории к югу от Дуная; теперь оно с места в карьер должно было перейти на другое амплуа: не более и не менее как подготавливать освободительную борьбу Германии...

Кар принял также военные меры. Он отменил в Баварии закон о защите республики и таким образом открыл границы Баварии капитану Эргардту, который со времени капповского путча скрывался от ареста. Конечно, это было сделано не для того, чтобы предводитель добровольцев мог наслаждаться горным воздухом в баварских Альпах. Эргардту поручено было организовать с помощью своего "Союза викинга" военный лагерь на баварско-тюрингской границе, официально якобы для защиты от красных сотен Тюрингии и Саксонии, на самом же деле для подготовки похода в Северную Германию. Вначале Кар надеялся, что имперское правительство само обратится к нему с просьбой навести порядок в "красной" Средней Герма-

---

нии. Но вместо этого берлинское правительство отправило в Тюрингию вюртембергский Рейхсвер, и комиссар его, д-р Гейнце, двадцать седьмого октября насильственным путем свергло левое правительство Цейгнера в Саксонии. Кар остался при пиковом интересе: Берлин не обратился к его помощи, его план водворить порядок в Средней Германии и затем во главе баварских войск продиктовать центру условия создания новой Германии разбился о его собственную медлительность.

Вторым мероприятием Кара был захват баварской дивизии Рейхсвера. Повод к этому подала злосчастная позиция Лоссова в вопросе об осадном положении в Баварии и Германии. На основании осадного положения, объявленного имперским правительством, Лоссову принадлежала наивысшая исполнительная власть в Баварии; конечно, Кар не признавал этого и требовал этой власти для себя на основании баварского осадного положения. Колеблющийся Лоссов, попавший в политику, как кур во щи, повиновался Кару как власти, находившейся в его непосредственной близости - в Мюнхене. Когда он отказался запретить по приказу из Берлина "Фелькишер беобахтер", возник открытый конфликт. После этого последовал приказ о снятии Лоссова. Но баварское правительство не признало этого приказа, устраняющего удобного ему генерала, и освободило седьмую дивизию от подчинения главному командованию в Берлине. Это было нарушением конституции, мятежом и фактически своего рода войной против Берлина. Бавария вооружалась, мобилизуя все свои ресурсы, людские и финансовые; причем неизвестны были ни день мобилизации, ни пути ее, ни цели.

БОРЬБА ЗА ЗЕКТА

В бесконечных переговорах тех дней между руководителями Баварии, лидерами "Боевого союза" и гостями из Северной Германии обсуждались следующие возможности.

Империя развалится, Северная Германия станет большевистской, Западная Германия отложится - что последует за этим? В Рейнской области объявлена была двадцать шестого октября "Рейнская республика", однако в общем управление продолжало оставаться в руках старой администрации; Пфальц собирался отпасть от Баварии, имперский министр внутренних дел Яррес готов был отказаться от Рейнской области; в Гамбурге двадцать второго октября вспыхнуло кровавое коммунистическое восстание, продолжавшееся несколько дней. При та-

---

ких обстоятельствах не должна ли была Бавария ожидать самого худшего и подумать о себе? Красной нитью на всех совещаниях того времени проходят намеки об "отделении". Их старательно избегали конкретизировать. Но в одно прекрасное утро они могли стать фактом. Впрочем, все участники искренне стремились не допустить этого.

Второй возможностью было выступление черного Рейхсвера в Берлине и вокруг столицы и присоединение к нему Баварии; первого октября вспыхнул так называемый Кюстринский путч майора Бухрукера. Это была изолированная, преждевременная и безрезультатная попытка, отдельная вылазка, но она свидетельствовала о боевой готовности всего фронта. Конечно, добровольцы могли добиться чего-либо только в совместном выступлении с Рейхсвером. В конце сентября, немедленно после провозглашения осадного положения, Клас явился к генералу фон Зекту и склонял его к государственному перевороту; ему пришлось уйти, не солоно хлебавши. Старый юрист Клас доказывал Зекту, что в условиях осадного положения он может совершить переворот собственно вполне "легально". Но у Зекта были свои планы: директория, но без потрясения государственной власти; законная власть должна была перейти к Рейхсверу, при котором образовывался совет из специалистов. Благоговение немцев перед специалистами еще раз принесло свои плоды - на сей раз это были специалисты-хозяйственники. Казалось, что если заручиться содействием господ Мину, Витфельдта и фон Гайля, то дело в шляпе. В то время Германия все еще страдала от голода, и очень распространено было мнение, что в недостаточном снабжении виновата только плохая администрация.

"ГОСПОДА С СЕВЕРА"

Доллов, надеявшийся, несмотря на переворот, на примирение с Зектом, изложил эти проекты Гитлеру, снова ставшему в то время его частым гостем. Народный трибун кипел негодованием и издевался: неужели вы думаете, что крестьяне понесут своих кур и яйца в город, потому что там будет сидеть национальное правительство? Ждать "господ с севера" - это значит трусливо складывать руки, это будет началом конца. Вы никогда не найдете там таких людей по той простой причине, что они не существуют. Берлинцы так же бесплодны, как и мюнхенцы. На сей раз Гитлер был снова прав. Но Лоссов не мог, подобно мюнхенцам, принимавших генералов и крупных промышленни-

---

ков севера за специалистов революции, поверить, что берлинцы так же слепо возложат все надежды спасения Германии на ку-десника Кара.

Гитлер считал, что эти специалисты имеются только в Баварии. Это была третья возможность. Кто же они? В первую очередь - Людендорф. Рейхсвер, доказывал Гитлер, ни за что не будет стрелять, если на пути в Берлин к нему выйдет Людендорф. Возможно, что генералы отдадут приказ стрелять, так как все офицеры в чине майора и ниже горячо стоят за Людендорфа. Что же касается политического руководства, то "я не желаю скромничать в деле, в котором, насколько мне известно, я понимаю толк", - так буквально выразился Гитлер. Он сам желал быть политическим диктатором. Программа? "Надо только вступить в управление страной, а программа уже явится". Лоссов был совершенно подавлен.

Людендорф тоже не верил в "мифических господ с севера". Если Лоссов одно время надеялся перетянуть к себе берлинского командира Рейхсвера генерала фон Берендта, то Людендорф только и грезил тем, как он выйдет к Рейхсверу, как некогда Наполеон к гренобльским канонирам, и как тогда разлетится вдребезги все величие республиканских генералов. В этом пункте он сходил с Гитлером. Но перед посторонними он порой постыдно отказывался от солидарности с Гитлером. В начале ноября один из лидеров силезского ландбунда доказывал им обоим, что без северо-германского Рейхсвера ничего не удастся сделать. Гитлер хотел резко оборвать его, но Людендорф призвал Гитлера к порядку: "Да нет же, Гитлер, г-н майор вполне прав", - в этот момент оба дворянчика из Восточной Пруссии нашли общий язык, и южногерманскому барабанщику пришлось замолчать.

Что генерал-квартирмейстер мировой войны совсем не умел использовать действительные шансы, доказывает судьба самого конкретного из всех предложений, которые были ему сделаны. Двадцать пятого октября к Кару явился генеральный директор Мину, бывший сотрудник Штиннеса. Баварский диктатор был в восторге. Мину не только был представителем крупной промышленности, прекрасным дельцом и специалистом. Он оказался также посредником для связи с Зектом. Генерал вызвал к себе этого умного промышленника, чтобы обсудить с ним план знаменитой директории. По дороге Мину остановился в Мюнхене. Баварцы не могли бы найти более подходящего посредни-

---

ка. Лоссов с торжеством привел Мину также к Людендорфу. Но здесь последовало великое разочарование. Людендорф тоже был восхищен талантами Мину, но его политические взгляды привели генерала в ужас. Ему не нравилось уже то, что этот специалист был связан с Зектом. Но это было еще полбеды. Несравненно хуже было то, что Мину не считал возможным управлять без евреев. Он не мог обойтись без помощи таких людей, как Варбург или Мельхиор. "Мой дорогой г-н Мину, то, что вы говорите, очень интересно, но, знаете, для меня здесь слишком много экономики" - и затем Мину так намылили голову, что он не знал, куда деваться. Лоссов покраснел и заявил потом с огорчением, Людендорф - дикарь, который портит все начинания.

"ОСЕННИЕ МАНЕВРЫ 1923 ГОДА"

В то время как в генеральном государственном комиссариате росли политические разногласия, машина военщины работала вовсю и заглушала все сомнения. Под лозунгом осенних маневров 1923 года баварский Рейхсвер усердно обучал военные союзы; они должны были увеличить втрое боевую силу баварской дивизии. Тайный приказ двадцать шестого октября предписывал каждому батальону пехоты образовать два полевых батальона и один батальон гарнизонной службы, каждая пулеметная рота должна была составить две роты, - разумеется, за счет пополнения из военных союзов. Предлогом для выступления должны были явиться пресловутые "внутренние беспорядки"; телеграфный пароль для мобилизации всех сил гласил: "восход солнца".

В процессе военного обучения, работ по обмундированию и по сбору оружия Лоссов привлек к себе всех военных руководителей военных союзов. Он был в то время своего рода военным полубогом в Баварии. В сравнении с ним совершенно ступшевывалась личность мелкой сошки из штатских - Гитлера, который без устали доказывал, что пора обнажить меч. Но Лоссов не обнажал его.

Власть Лоссова над Гитлером покоилась, во-первых, на том, что у Лоссова было оружие, во-вторых, на том благоговении, которое питают перед регулярной армией все предводители нерегулярных войск, все бывшие офицеры, и наконец - на деньгах. Осенние маневры 1923 года давали военным союзам единственную возможность удержать своих дружинников под знаменем свастики, так как Рейхсвер выплачивал последним жалова-

---

ные и кормил их. "Денежное содержание и продовольствие то же, что у чинов Рейхсвера. Оплата по штатному месту, на котором используется данный доброволец, но не выше, чем следует по его служебному рангу", - так говорилось в тайном приказе Лоссова от двадцать шестого октября. Баварский министр финансов, которому, собственно, не было никакого дела до Рейхсвера, должен был давать средства; ни одна инстанция не проверила когда-либо отчетности Рейхсвера.

Вероятно, оплата Рейхсвером штурмовых отрядов и их союзников имела гораздо большее влияние на исход баварских событий, чем все тонкости высокой конспирации. Этот придаток Рейхсвера был связан с последним золотой цепью. Рейхсвер не имел лишь возможности затянуть эту цепь более туго, то есть регулярно выплачивать дружинникам их денежное содержание и регулярно выдавать им паек; если бы не это, Рейхсвер, пожалуй, мог бы воспрепятствовать гитлеровскому путчу. Когда вышли деньги, это толкнуло добровольцев на авантюры в поисках новой добычи. Начальник мюнхенского полка штурмовиков, отставной обер-лейтенант Вильгельм Брюкнер, превосходно описал этот момент на процессе Гитлера и заседании при закрытых дверях:

"У меня создалось впечатление, что сами офицеры Рейхсвера были недовольны отсрочкой похода на Берлин. Они говорили: "Гитлер такой же обманщик, как и все другие. Вы все не выступаете; нам же совершенно безразлично, кто выступит, - мы просто пойдем за любым". Я сказал самому вождю: скоро я не буду в состоянии сохранять власть над своими штурмовиками; если ничего не произойдет, они просто сбегут. Среди штурмовиков было много безработных, они отдавали свое последнее платье, последнюю пару сапог, последнюю никелевую монетку на учебу и думали: теперь уж не долго, скоро начнется дело, мы поступим тогда в Рейхсвер и выйдем из беды".

Даже такой рассудительный военный, как Людендорф, в конце октября назойливо приставал к генералу фон Лоссову: больше нельзя медлить, дружинники из "Боевого союза" голодают, их трудно удержать от выступления.

Дружинники голодали, офицеры избегали встречаться с ними взглядом, а Гитлер, по-видимому, сидел сложа руки. Штурмовым отрядам угрожал полный развал. Гитлер не имел мужества пойти на ликвидацию отрядов, он позволил увлечь себя

на путь, от которого не раз клятвенно отказывался прежде, имея для этого веские основания.

КТО ДАВАЛ ДЕНЬГИ

К ноябрю 1923 года Национал-социалистическая партия насчитывала около пятнадцати тысяч членов, имевших членские билеты и вероятно плативших членские взносы. Но на членские взносы, вносимые в бумажных марках, не могла тогда существовать ни одна партия. Добровольные пожертвования были очевидной необходимостью. "Фелькишер беобахтер" высказал это в начале 1923 года в следующих словах: "Заявляем совершенно хладнокровно: если бы нашелся немец, который выложил бы на стол сто или двести миллионов - без всяких условий, - мы ни минуты не колебались бы употребить эти деньги на благо нашего народа".

С такой установкой партия при всех своих благих намерениях должна была в конце концов попасть в кабалу. Денежные пожертвования, особенно если они носят регулярный характер, всегда влекут за собой покорность желаниям жертвователя, даже если эти желания не диктуются открыто. Эта покорность обусловлена тем, что пожертвования прекращаются, как только партия начинает следовать курсу, который неуютен жертвователю.

Как мы видели, первые годы партия вынуждена была каждый раз ориентироваться на Рейхсвер, точнее, на определенную группу офицеров Рейхсвера. О созданном генералом фон Эппом кружке для финансового воздействия на прессу мы уже говорили.

Затем Гитлеру посчастливилось найти несколько жертвователей и особенно жертвовательниц, относившихся к нему лично теплее, чем это обычно бывает между жертвователями и вождем политической партии. Этому своему личному успеху он обязан тем, что приобрел преобладающее влияние в партии. Его личные расходы оставались при этом скромными. Еще на пасху 1923 года он занимает у Геринга несколько марок на праздничную экскурсию в горы. Если условия его существования стали несколько более сносными, то он обязан был этому гостеприимству некоторых своих богатых приверженцев. Между ними следует в первую очередь назвать друга Гитлера Эрнста Ганфштенгля, являющегося ныне его заведующим отделом печати за границей. Ганфштенгль принадлежит к известной куль-

---

турной мюнхенской семье издателей, среди которой имеются также решительные противники национал-социалистов. В марта 1923 года Ганфштенгль дал партии ссуду в тысячу долларов - баснословная цифра для того времени и для тогдашнего финансового положения партии. В обеспечение долга он получил закладную на весь инвентарь газеты "Фелькишер беобахтер". Впоследствии Ганфштенгль продал свой вексель старому другу и соратнику Гитлера Христиану Веберу, который доставил своему вождю немало неприятных минут, настаивая на уплате.

Важную роль сыграли денежные пожертвования Елены Бехштейн, жены владельца известной фабрики роялей, и немки Гертруды фон Зейдлиц, которая работала на фабрике за границей. Супругов Бехштейн познакомил с Гитлером Дитрих Эккарт. Госпожа Бехштейн почувствовала к Гитлеру глубокую материнскую привязанность; впоследствии, когда Гитлер отбывал наказание в Ландбергской крепости, она выдала его за своего приемного сына, чтобы получить право на свидания с ним. Бехштейн не скупился на денежную помощь, когда Гитлер, - что бывало нередко, - навещал его в Берлине и жаловался на плохие дела газеты. Когда у супругов не было наличных денег, они давали Гитлеру картины и другие произведения искусства, которые он превращал в деньги. Столь же щедра была госпожа фон Зейдлиц, совладелица одной заграничной фабрики; она отдавала партии буквально все, что могла, добывая деньги также у своих друзей в Финляндии. Эти пожертвования сделали возможным для Гитлера превратить "Фелькишер беобахтер" в ежедневную газету.

Пример обеих женщин интересен тем, что объясняет один из мотивов финансирования партии: состоятельные частные лица предоставляли более или менее значительные средства в распоряжении партии не из материальной заинтересованности, а из искреннего сочувствия делу; нередко они отдавали последнее. Правоверные последователи материалистического взгляда на историю могут истолковать это в том смысле, что и эти лица бессознательно служили лишь интересам своего класса. Во всяком случае в их сознании такая заинтересованность отсутствовала; правда и то, что деньги давались не на социалистические цели. Нет оснований сомневаться в субъективной искренности выступления Гитлера в пользу частной собственности, но для партийной кассы оно было безусловно полезно.

Гораздо более трезвые и понятные мотивы выступают в рассказе мюнхенского крупного промышленника, тайного коммерции - советника Германа Ауста. В своих показаниях следовательно в процессе Гитлера он сообщил следующее: "Однажды в бюро тайного советника д-ра Куло (директор Союза баварских промышленников) состоялось совещание с Гитлером, на котором кроме Гитлера присутствовали также д-р Нель и председатель Союза баварских промышленников, а также я. На совещании должны были обсуждаться негласные цели Гитлера в области хозяйства. За этим совещанием последовало также небольшое совещание в Клубе господ, а затем - более многочисленное собрание в купеческом казино. Г-н Гитлер выступил там с речью о своих целях. Речь его встретила большое сочувствие; оно проявилось также в том, что некоторые из присутствующих, не знакомые еще с Гитлером лично, но предполагавшие с моей стороны такое знакомство, вручили мне пожертвования в пользу его движения и просили передать их Гитлеру. Насколько я помню, среди прошедших через мои руки пожертвований были также швейцарские франки".

Новый метод отличается от описанных выше методов тем, что Гитлер отказывается в данном случае от выдвинутого "Фелькишер беобахтер" требования: жертвователю должен давать деньги "без всяких условий". Быть может, до этого грехопадения Гитлер или Дитрих Эккарт представляли себе денежные сделки в политике как своего рода договор с дьяволом: получающий деньги должен собственноручно обязаться проводить определенную политику. Но вот оказалось, что никакой подписи не требуется, достаточно небольшой речи. Обошлось без каких-либо явно нечистоплотных моментов. Но на деле Гитлер пошел на самые обширные уступки: вождь партии изложил перед промышленниками свои цели в области хозяйства, которые он до сих пор замалчивал перед общественностью.

Подобные же финансовые связи Гитлер завязал по случаю своих выступлений в Национальном клубе в Берлине. Там он в 1922 году познакомился с владельцем паровозостроительного завода фон Борзигом, лидером германских предпринимателей. К числу первых жертвователей принадлежал также фабрикант Грандель в Аусбуге, сторонник Класа.

Это было время инфляции, и все получавшие деньги старались получить их в устойчивой валюте. Поэтому Гитлер организовал также систематические сборы за границей. Одним из его

усерднейших сборщиков был некий д-р Гансер в Швейцарии. Надо полагать, что агенты его не всегда выбирались с достаточной осторожностью. Так, например, сделана была во всяком случае попытка получить деньги у Генри Форда. Покойный Морель, английский депутат-лейборист, утверждал в разговоре с Каром, что агенты Гитлера получили без ведома национал-социалистов деньги из французских источников. Английский лейборист Морель утверждал, что слышал это от члена французского правительства. Возможно, что известные круги во Франции ожидали от успеха гитлеровского движения выгод для сепаратистской французской политики в Рейнской области, тем более, что люди, недостаточно знакомые с германскими условиями, могли спутать антиберлинское движение Гитлера с баварским сепаратизмом. Можно предположить, что из французских денег, шедших в первые послевоенные годы в Баварию, кое-что предназначалось таким образом и для Гитлера. Попали бы эти деньги к Гитлеру, вероятно никому в Германии неизвестно.

Ответственные партийные работники, если не все, то, во всяком случае, в штурмовых отрядах, получали часть своего жалования в иностранной валюте: так, например, Крибель получал двести швейцарских франков в месяц. Фактические руководители штурмовых отрядов были несколько скромнее; так, один отставной майор получал девяносто франков, ряд других офицеров - по восемьдесят франков - для того времени тоже солидные суммы.

Пожертвования направлялись непосредственно Гитлеру, он один нес перед жертвователями ответственность за использование этих денег. Он должен был хранить молчание об их происхождении; в тайну посвящен был только его управляющий делами Аман. Подобные отношения являются корректными, если получающий деньги политически и морально безупречен; они становятся невозможными, если он лишается доверия одной из сторон: жертвователя или партии. По вопросу о поступающих пожертвованиях у Гитлера вышел крупный конфликт со вторым председателем партии Якобом, желавшим знать, у кого партия берет деньги. Якоб ничего не добился.

В те времена можно было многое сделать на сравнительно небольшие суммы в полноценной валюте. С другой стороны, опубликованные ведомости на выдачу жалования "Боевому союзу" свидетельствуют о том, какие крупные суммы тратились на высший командный состав в штурмовых отрядах и в других

союзах. Такое положение могло продолжаться лишь в том случае, если можно было учесть вексель на предстоящий в скором времени победоносный путч, на политические перемены. Пока длилась инфляция, пожертвования еще поступали. Но их нельзя было вложить в реальные ценности, их надо было вкладывать только в политические выступления, причем каждый раз во все более серьезные и крупные. В течение некоторого времени помощь шла еще также от Рейхсвера в виде оплаты кадров. Но потом состояние партийной кассы заставило решиться на крайние меры.

“С ПЛЕЧ ПОКАТЯТСЯ ГОЛОВЫ!”

События хлестали Гитлера вовсю, но его поддерживали самомнение и самоуверенность, равным которым не имел до него ни один партийный вождь в Германии.

“Что можете вы дать народу, - обращается он к старым правым вождям, - какую веру, за которую он мог бы ухватиться? Ровно никакой! Ибо вы сами не верите в свои собственные рецепты. Зато величайшая задача нашего движения - дать этим алчущим и заблуждающимся массам новую крепкую веру, чтобы они могли хотя бы отдохнуть душой. И мы выполним эту задачу, будьте уверены!”

Такому человеку, пророку новой религии, приходилось обивать пороги у генералов-карьеристов, у тупоголовых чиновников, у тертых полицейских! Это были люди без веры, и никакая новая вера не могла пробить себе дорогу к ним. Они считали Гитлера полупомешанным, пригодным только “для масс”. Ежедневные мытарства у этих представителей власти разжигали все его злые инстинкты. И вот однажды, вернувшись к своим, он произнес знаменитые слова: “В этой борьбе покатаются с плеч головы, либо наши, либо чужие. Постараемся же, чтобы это были чужие!”.

Это - холодные, обдуманые слова; их никак нельзя ставить на одну доску со стереотипными “лозунгами” вроде: “На виселицу изменников!” От этих странных слов Гитлера отшатнулся даже кое-кто из его сторонников. Поэтому он и сам настаивает, что эти слова надо принимать самым серьезным образом. “Нас часто спрашивают: неужели, прийдя к власти, вы найдете в себе достаточно жестокосердия, чтобы осуществить это? Будьте уверены, мы найдем в себе достаточно жестокосердия! Мы будем способны!” Гробовое молчание царило в зале... Палач, который

уже в 1919 году составлял обвинительные акты для военно-полевых судов, не устает вдавливать в головы своих слушателей: "Милосердие не наше дело. Оно принадлежит тому, что выше нас. Мы же должны будем творить правый суд". И далее: "Мы спокойно можем отказаться от гуманности, если только сделаем таким образом немецкий народ снова счастливым!"

Устоят ли его нервы в решительный момент перед этой жуткой жаждой крови? До сих пор он постоянно откладывал момент испытания. Он прививал массам веру в кровь: ту кровь, которая течет в наших жилах, и в пролитую кровь. Но его единственное дело, - оно должно было совершиться в ноябрьские дни 1923 года, - было делом не веры или кровожадности, а отчаяния.

СФИНКС В МИНИСТЕРСТВЕ РЕЙХСВЕРА

В конце октября Кар окончательно и притом без всякой нужды рассорился со Штреземаном. Окончательно - потому, что мятеж баварского Рейхсвера, можно сказать, толкнул Зекта и его генералов в объятия республики. Без нужды - потому, что Штреземан готов был исполнить самые крайние требования и заветные мечты баварцев. Он отправил к Кару своего товарища по партии, адмирала Шера, и предложил Баварии расширение ее государственной самостоятельности, собственную армию, собственные железные дороги, почту и финансы. Это не было разбазариванием и без того тающего достояния; нет, это должно было послужить началом строго консервативного упрочения республики. В начале ноября социал-демократы были устранены из имперского правительства. Штреземан собирался привлечь в правительство немецкую национальную партию. Рурская промышленность с помощью так называемого соглашения "Микум" наладили отношения с французами и была утихомирена известной субсидией в шестьсот миллионов, полученной от имперского правительства. Идеи рейнского сепаратизма сохранились еще только в некоторых не имевших влияния кругах; сепаратисты могли теперь надеяться лишь на французские пулеметы. Центр и немецкая народная партия мирным парламентским путем отошли от большой коалиции и готовились повернуть направо; таким образом отпадал импульс к перевороту, идущий от кругов, которые представляли народное хозяйство. Итак, готовились серьезные перемены; к ним необходимо было подойти по-деловому, торговаться из-за конкретных деталей. Казалось

бы, теперь надо было сдать в военный музей романтический поход кимбров и тевтонов на Берлин.

Создалась трудная ситуация. Чтобы выяснить положение, был отправлен в Берлин полковник Зейссер; он отправился к Зекту. Тот сказал несколько туманных фраз на тему о преобразовании правительства: "В конце концов, вопрос о темпе надо предоставить мне". Что именно имел он в виду, говоря о "темпе", - насильственный переворот или сохранение легальности, - так и осталось невыясненным.

В те короткие исторические фазы, когда понятия превращаются в живую действительность, политические проекты оказываются обычно неготовыми, решения недостаточно твердыми, а внутренняя связь между событиями не столь ясной, как это желательно было бы для человека, изучающего прошлое. Во всяком случае Зейссер не мог разгадать загадку сфинкса в министерстве Рейхсвера, и баварские заправилы не открыли в тумане севера верхушки мачты, к которой мог бы причалить их слишком высоко поднявшийся воздушный шар. Если они не желали упасть на поля штреземановской политики, им оставалось только смело довериться собственным силам. Кар страшно вырос - по крайней мере в собственных глазах. Итак, никаких компромиссов с Эбертом! Ни в коем случае не идти на мировую со Штреземаном! Кар сам хотел стать теперь диктатором Германии: "господа с севера" должны были фигурировать только в его свите. В перспективе ему уже мерещилась императорская корона для Вительсбахов; ведь сам Клас пустил этот метеор в своих газетных статьях.

"ПЯТЬДЕСЯТ ОДИН ПРОЦЕНТ" ЛОССОВА

Но предварительно надо было затоптать огонь дворцовой революции у себя дома. Гитлер в экстазе чуть не потерял рассудок и сравнивал себя в присутствии Лоссова с Гамбеттой и уж, конечно, с Муссолини; сотруднику Лоссова, подполковнику барону фон Берхему, он заявил, что чувствует в себе призвание спасти Германию. На возражения Берхема, что в проектируемой Гитлером германской диктатуре Людендорф невозможен по соображениям внешней политики, Гитлер ответил: "Людендорф будет выполнять только задачи военного характера, он мне нужен для привлечения Рейхсвера. Он никоим образом не должен вмешиваться в политику и мешать мне". В докладе подполковника мы находим следующее замечательное место: "Гитлер при-

---

бавил, что Наполеон при образовании своей директории тоже окружил себя только незначительными людьми”.

Ближайшие сотрудники смеялись над такими выходками зазнавшегося Гитлера. И уж во всяком случае никто не мог в то время поверить, что Людендорф только монумент на колесах, который по желанию Гитлера подвозят на показ публике. “Разумеется, руководящий пост займет не Гитлер, - успокаивал Крибель, военный руководитель “Боевого союза”, одного посетителя из северной Германии, - да у него вообще в голове только его пропаганда”. Геринг уже двадцать третьего октября заявил начальникам штурмовых отрядов, что имперским диктатором будет, конечно, Людендорф, а Гитлера “уж как-нибудь включат в правительство”. Как-нибудь... Геринг еще не представлял себе в точности, какое полезное занятие можно будет дать народному трибуну после захвата власти.

Однако - кто знает - быть может человек, “снимающий головы”, окажется самым подходящим для того “крайнего террора”, который Геринг возвестил на упомянутом совещании? “Кто будет нам чинить малейшие препятствия, - сказал будущий председатель Рейхстага, - того мы немедленно расстреляем. Вожди уже теперь должны наметить себе лиц, которых нужно будет уничтожить. Для устрашения надо будет сейчас же после переворота расстрелять хотя бы одного человека”.

Это было подлинно революционное настроение, но для человека такого склада, как Кар, оно было слишком кровожадным. Он решил произвести чистку среди своих сподвижников и устранить слишком увлекающихся. С этой целью он созвал шестого ноября начальников военных союзов и вместе с Лоссом сделал им строгое отеческое внушение; смысл которого сводился к следующему: Кар запрещает всякий переворот, кроме того, который он сам подготавливает. “Выступление начнется лишь тогда, когда все будет готово. Приказ к выступлению отдаю я”.

А у Лоссова, припертого к стене начальниками военных союзов, вырвались тогда ставшие знаменитыми слова:

“Мой бог, ведь я готов выступить, я готов выступить, но только тогда, когда у меня будет пятьдесят один процент вероятности успеха”.

ГИТЛЕР БОИТСЯ ОПОЗДАТЬ

Бесхитростные военные, присутствовавшие на этом совещании, досадовали на трусость баварских диктаторов; они не по-

---

дозревали худшего. Но когда они доложили в главном штабе национал-социалистов о совещании у Кара, Шейбнер-Рихтер вскочил, как ужаленный. Нет, Кар медлит не из трусости, напротив, у него очевидно на уме решительный шаг, он желает обойти Гитлера и Людендорфа.

Гитлера охватил страх. Он боялся, что его обойдут в решительный момент. Вечером он совещался с Шейбнером и Дитрихом Эккартом. Балтиец доказывал, что надо что-нибудь предпринять и воспрепятствовать Кару обойти Гитлера. А так как Кар все же скоро выступит, то лучше всего опередить его, сохраняя видимость дружбы. Крибель телеграфировал в провинцию и призвал своих дружинников к оружию. В ночь с десятого на одиннадцатое ноября должно было состояться военное учение под Мюнхеном, а утром дружинники должны вступить в столицу, провозгласить национальное правительство и поставить Кара и Лоссова перед свершившимся фактом.

Но предварительно Гитлер сделал еще одну попытку убедить Кара добром: он попросил у него аудиенцию восьмого ноября. Если бы Кар дал ему эту аудиенцию, Гитлер, возможно, удовольствовался бы ролью союзника и соправителя и с этим результатом спустился бы по лестнице верхнебаварского окружного управления. Возможно и то, что Кар арестовал бы его в приемной своего кабинета. Но Кар избежал этой дилеммы. так как вообще не принял Гитлера. В последние недели вождь национал-социалистов слишком зазнался и не желал присутствовать на конференциях у генерального государственного комиссара как один из многих. Поэтому Кар не дал ему просимой на восьмое ноября аудиенции для разговора с глазу на глаз. Чтобы выдержать тон, диктатор счел нужным хотя бы отсрочить свидание на девятое ноября. Возможно, что трибун подождал бы и до девятого, но тут случилось нечто, повергшее его в тревогу.

Восьмого ноября Лоссова посетил граф Гельдорф, впоследствии ставший руководителем берлинских штурмовиков, а тогда состоявший адъютантом при руководителе "Стального шлема" Дюстерберге. Он привез плохие известия. Генерал потерял самообладание. "Если, - вскричал он, - в Берлине у вас только евнухи и кастраты, слишком трусливые, чтобы принять какое-либо решение, то от одной Баварии тогда нельзя ждать спасения для Германии". Это было покуда безобидным брюзжанием. Но вот что последовало затем: "Мы здесь в Баварии не намерены застрять вместе с севером в болоте. Если у севера

нет воли к жизни, о в конце концов, желаем мы этого или нет, это должно в той или иной форме повести к отпадению". Так говорил Лоссов.

Лоссов, описывая впоследствии эту сцену, злорадно прибавил: "Граф Гельдорф сидел, как в воду опущенный, и ушел в таком же настроении". По-видимому Лоссов вовсе не понимал тогда, какую он заварил кашу.

В большой тревоге граф поехал к Шейбнеру-Рихтеру и сообщил ему: баварцы угрожают отпадением.

По-видимому, Шейбнер, направлявший тогда политические шаги Гитлера, действительно опасался в тот момент близкого сепаратистского путча в Баварии и решил, что для националистического движения пришел исторический момент спасти Германию от развала. Нельзя было терять более ни часу.

"УМЕЕШЬ ЛИ ТЫ МОЛЧАТЬ, ТОНИ?"

Для путча представлялся замечательный случай. По просьбе некоторых промышленных организаций фон Кар выступал восьмого ноября с большой программной речью в пивной Бюргерброй. Это было совершенно безобидное собрание самых мирных обывателей Мюнхена. На этом и построил свой план Гитлер, собравший наспех несколько сот вооруженных людей. Кроме его ближайших соратников был посвящен в дело только Пенер; сговориться с Эргардтом не удалось. Не будь Гитлера, собрание разошлось бы около десяти часов вечера, провозгласив "ура" в честь г-на генерального государственного комиссара, и Кар мог бы по-прежнему дожидаться Класа, Банга и других "господ с севера".

Гитлер надел восьмого ноября свой лучший костюм - поношенный сюртук, прицепил орден железного креста и позвонил организатору собрания коммерции-советнику Центцу, прося его повременить с открытием собрания до его прихода. Он имел в виду вызвать Кара из зала до его речи, показать ему, что помещение окружено вооруженными людьми, и заявить, что национальная революция началась. Кар должен был бы покориться и вместо речи, подготовленной для него секретарями, выступить совместно с Гитлером и провозгласить новое правительство.

Но Кар был возмущен тем, что Гитлер просил его обождать.

“Для г-на Гитлера найдется еще место, - сказал он. - Мы не можем из-за него заставить ждать три тысячи человек”. И он начал свою речь.

Тем временем Гитлер ехал к Бюргерброй на автомобиле. Рядом с ним сидел Дрекслер, который ничего не подозревал и думал, что они едут на загородное собрание. Вдруг Гитлер обращается к своему почетному председателю. “Тони, - сказал он, - умеешь ли ты молчать? Так знай, мы едем не в Фейзинг. В половине девятого я начинаю!” Ошарашенный Дрекслер понял обиду. Он сухо ответил: “Желаю тебе успеха”.

Прибыв в помещение, Гитлер вначале толкался в зале, незамеченный публикой; ему не удалось протесниться к Кару. Вестибюль тоже был битком набит людьми, сотни людей осаждали помещение, надеясь попасть в зал. Как было пробраться здесь штурмовикам Гитлера? Это неминуемо должно было бы вызвать панику со смертельными случаями. Он, штатский в черном сюртуке, подошел к дежурному полицейскому чиновнику и приказал ему очистить вестибюль и улицу от публики. так как иначе в зале может возникнуть паника. И что же, чиновник стукнул каблуками и велел полицейским удалить публику. Полиция по приказу Гитлера очистила дорогу для путча Гитлера.

Шейбнер-Рихтер вскочил теперь в автомобиль и поехал за Людендорфом. По рассказам все участников, в том числе и самого генерала, последний ничего не подозревал и был поставлен Гитлером перед совершившимся фактом. По всей вероятности так оно и было. Гитлер отомстил за “немецкий день” в Нюрнберге.

ВЫСТРЕЛ В БЮРГЕРБРОЙ

Кар говорил уже около получаса, когда к помещению подъехали штурмовики. Это была “ударная бригада Гитлера”. Не встречая сопротивления, они заняли вестибюль, столь старательно очищенный полицией, и установили здесь два пулемета. Начальник небольшого полицейского отряда не знал, как ему быть, позвонил своему дежурному начальнику и попросил инструкций. Начальство ответило, чтобы он поддерживал порядок на улице; а в общем надо было выждать, ведь пока еще неизвестно, в чем дело. Этим начальством был д-р Фрикк. Час спустя Гитлер назначил его начальником мюнхенской полиции.

Тем временем, примерно в три четверти девятого, Гитлер со своими вооруженными людьми с револьвером в руке с шумом

вошел в зал и устремился к трибуне, на которой стоял Кар. Как рассказывал потом очевидец граф Зоден, Гитлер производил впечатление совершенно помешанного. Его штурмовики установили у входа в зал пулемет. Гитлер, вряд ли сознавая, что делает, вскочил на стул, выстрелил в потолок, затем прыгнул и ринулся далее к трибуне среди внезапно затихшей толпы. Навстречу ему поднялся полицейский офицер, держа руку в кармане. Гитлер, опасаясь револьвера полицейского, в мгновение ока приставил к виску майора свой револьвер и заорал, как в уголовном романе: "Руки вверх!" Другой полицейский быстро схватил Гитлера сбоку и отвел его руку. Гитлер поднялся на трибуну. Бледный и растерявшийся фон Кар отступил от него на несколько шагов.

"Национальная революция, - возвестил Гитлер собранию, - началась. В зале находятся шестьсот человек, вооруженных с ног до головы. Никому не позволено покидать зал. Если сию минуту не наступит тишина, я велю поставить на хорах пулемет. Казармы Рейхсвера и полиция заняты нами; Рейхсвер и полиция уже идут сюда под знаменем свастики".

После этого он повелительным тоном приказал следовать за собой Кару, а также сидевшим поблизости Лоссову и начальнику полиции Зейссеру. Под конвоем штурмовиков Гитлер вывел из зала трех властителей Баварии! Из толпы раздался возглас: "Не будьте снова трусами, как в 1918 году. Стреляйте!" Но у них не было при себе огнестрельного оружия. Лоссов успел только шепнуть Зейссеру: "Разыграть комедию!" Зейссер передал пароль Кару и некоторым чиновникам.

Зал снова зашумел. Отвратительная сцена с револьвером вызвала возмущение всего собрания. Настроение публики стало столь угрожающим, что Геринг взошел на трибуну и громовым голосом заверил собравшихся: выступление не носит враждебного характера, а является началом национального восстания, имперское и баварское правительство низложены, в настоящий момент там, в другой комнате, формируется временное правительство. Он закончил свое сообщение словами: "А в общем вы можете быть довольны, ведь у вас есть здесь пиво".

"ЗАВТРА ПОБЕДА ИЛИ СМЕРТЬ"

Между тем в смежной комнате Гитлер открыл переговоры окриком: "Никто не оставит живым этой комнаты без моего разрешения". Затем он обрушил на застывших в испуге людей

горячий поток слов: "Господа, имперское правительство уже составлено, баварское правительство низложено. Бавария станет трамплином для создания нового имперского правительства, в Баварии должен быть наместник. Пенер будет министром-президентом с диктаторскими полномочиями, вы, г-н Кар, - наместником". Затем он коротко, отрывисто выпалил: "Гитлер - имперское правительство, Людендорф - национальная армия, Зейссер - министр полиции". "Барабанщик" сбросил маску.

Не получая ответа, он поднял револьвер и продолжал в экстазе: "Я понимаю, господа, что вам трудно решиться на это. Но вы должны это сделать. Я хочу лишь облегчить вам прыжок. Каждый из вас должен занять место, на которое он поставлен; если он не сделает этого, он не имеет права на жизнь". Собеседники продолжали упорно и мрачно молчать. Тогда нервы Гитлера не выдержали: "Вы должны, поймите меня, вы обязаны бороться вместе со мной, вместе со мной победить или вместе со мной умереть если дело не выгорит. В моем револьвере четыре пули, три для вас, если вы меня покинете, и последняя для меня".

Он приставил к виску револьвер и торжественно произнес: "Если завтра днем я не окажусь победителем, я умру".

Это была настоящая речь римлянина. Вспомним благородного Брута. "Для блага Рима, - говорит он у Шекспира, я убил своего лучшего друга; пусть же этот кинжал послужит и против меня, если моя смерть понадобится Отечеству".

Однако г-н Кар оказался на высоте положения. Он понял угрозу Гитлера как прямое покушение на убийство и ответил самым достойный в таком случае образом: "Г-н Гитлер, вы можете велеть меня расстрелять, вы можете сами расстрелять меня, но для меня не имеет значения, буду ли я жить или умру". Он хотел сказать этим, что не позволит вырвать у себя политическое решение под дулом револьвера.

Дело не двигалось с места. Лоссов, которого, собственно, прежде всего имел в виду Гитлер, молчал. Зато заговорил Зейссер. Он упрекал Гитлера, что тот нарушил данное им слово.

Опять старая история! Гитлер дал уже с полдюжины таких честных слов. Он действительно не раз обещал Зейссеру не прибегать к путчу против полиции. В припадке гнева - полиция запретила несколько его собраний - он взял свое слово назад, это было в конце октября. Но потом, по уговорам Лоссова, он

снова взял назад и этот отказ от своего слова; впрочем Зейссеру он сказал тогда: "За исключением того случая, если меня принудят к этому". Триумвиры не обладали здравым смыслом министра Швейера, который не придавал значения клятвенным уверениям Гитлера, "так как полиция при исполнении своих обязанностей не должна ни давать клятвенных обещаний, ни принимать их от других".

Гитлер просит теперь извинения у Зейссера; он вынужден был поступить так в интересах Родины. Однако это не рассеяло тяжелой атмосферы. Гитлер то говорил об Отечестве, то запрещал своим пленникам разговаривать между собой. У дверей и окон стояли вооруженные до зубов караульные и время от времени грозили своими винтовками.

ПОХОД НА ВАВИЛОН

Не будучи в состоянии справиться с этой тройкой, Гитлер возвращается в зал и произносит там краткую мастерскую речь. По выражению одного из свидетелей, ему удалось изменить настроение собрания, бывшее первоначально враждебным, словно "вывернул перчатку". Он объявил низложенным имперское и баварское правительства, предложил Кара в качестве наместника Баварии, Пенера в качестве министра-президента и затем заявил:

"Я предлагаю: до конца расправы с преступниками, губящими ныне Германию, руководство политикой временного национального правительства беру на себя я. Его высокопревосходительство генерал Людендорф принимает на себя руководство национальной германской армией. Генерал фон Лоссов - имперский министр Рейхсвера, полковник фон Зейссер - имперский министр полиции. Задачей временного национального германского правительства явится поход против мерзкого Вавилона - Берлина. Я спрашиваю вас - там, в другой комнате сидят три человека: Кар, Лоссов и Зейссер. Им очень трудно было прийти к этому решению, - согласны вы с этим решением германского вопроса? Мы желаем построить союзное государство федеративного характера, в котором Бавария получит то, что ей полагается. Завтрашний день либо застанет в Германии национальное правительство, либо не застанет нас в живых".

Это была настоящая гитлеровская речь, произнесенная с жаром и порывом и вместе с тем не обошедшаяся без неприятного трюка. Он представил слушателям дело так, будто тройка

уже согласилась с ним, и собрание ответило на это ликованием. Теперь он мог снова пойти к тройке и сообщить подавленному Кару, что публика с энтузиазмом понесет его на руках.

ПОЧИВШИЙ В БОЗЕ РОДИТЕЛЬ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

В этот момент вошел в комнату также Людендорф с Шейбнером-Рихтером. Не глядя по сторонам, ни о чем не спрашивая, он сразу заговорил: он также не ожидал случившегося, как и другие, но речь идет о великом национальном деле, он может дать всем троим только совет не отказываться от участия, он протягивает им руку и предлагает ударить по рукам. Все это стоило Людендорфу некоторого усилия над собой: он был рассержен тем, что Гитлер самовольно распределил обязанности, причем ему, Людендорфу, досталось только командование армией. не больше. В продолжении всего вечера он игнорировал Гитлера, не сказав с ним и пяти слов. Разгоряченный и самоуверенный Гитлер вначале ничего не заметил "Возврата нет, - воскликнул он, - все это уже стало историческим событием".

Лоссов первые превозмог себя; в конце концов не мог же он оставить Людендорфа стоящим с протянутой рукой. Он пожал руку и пробормотал сквозь зубы: "Ладно". Его примеру последовал Зейссер. Кар все еще боролся с собой; ведь он монархист, он не может принять участие в такого рода восстании, он чувствует себя представителем короля.

Гитлер со сложенными молитвенно руками упрашивал Кара: "Вот именно, ваше высокопревосходительство, необходимо загладить великую несправедливость по отношению к монархии, павшей в 1918 году жертвой позорного ноябрьского преступления. С разрешения вашего высокопревосходительства я немедленно после собрания отправлюсь к его величеству (принцу Рупрехту, находившемуся тогда в Берхесгадене) и сообщу ему, что германское восстание загладило несправедливость, причиненную почившему в бозе родителю его величества". Эта изумительная тирада дословно засвидетельствована Пенером, который тем временем тоже вошел в комнату. Кар нашел теперь выход и холодно произнес: "хорошо, я вижу, в конце концов мы все здесь монархисты. Я принимаю не себя наместничество только как наместник короля".

КЛЯТВА НА ГОРЕ РЮТЛИ

С именем своего короля на устах баварский диктатор вышел в зал. Публика лихорадочно волновалась. Диктатор вышел на трибуну с каменным лицом. Людендорф был бледен, как смерть; по выражению одного из очевидцев, на нем лежала печать смерти. Только Гитлер был весел - по выражению того же свидетеля. весел, как дитя. Он еще раз обратился к публике, повторив уже сообщенное раньше распределение функций и прибавил:

“Теперь я исполню то, в чем поклялся пять лет назад, лежа полуослепший в военном госпитале: я не успокоюсь до тех пор, пока не будут повержены в прах ноябрьские преступники, пока на развалинах нынешней несчастной Германии не восстанет великая и мощная Германия, свободная и счастливая. Аминь!”

Это веселое дитя не знало в тот момент никаких сомнений. Голос инстинкта его не предостерегал. Счастливая Германия и баста, аминь! Он не заметил двусмысленного оттенка в словах Кара: “В минуту величайшей опасности для Родины и Отечества я принимаю на себя руководство судьбами Баварии в качестве наместника монархии, разбитой дерзновенной рукой пять лет назад. Я делаю это с тяжелым сердцем, надеюсь, к благу нашей баварской родины и нашего великого германского отечества...”

С тяжелым сердцем диктатор пошел на участие в этом деле. Но Гитлеру волнение Кара было в этот момент столь же безразлично, как и гнев Людендорфа. Последний мрачно произнес: “Преисполненный величием момента и застигнутый врасплох, я в силу собственного права отдаю себя в распоряжение германского национального правительства”. Когда впоследствии прокурор спросил его, что означают слова “в силу собственного права”, Людендорф ответил: “Собрание могло подумать, что я повинуюсь Гитлеру; я хотел этим сказать, что поступаю так не по приказу Гитлера, а самостоятельно”.

“НЕЛЬЗЯ ИДТИ НА ПОДОБНЫЕ ВЕЩИ”

Быть может, если бы удалось вырвать руководство путем из рук Гитлера, Кар попытался бы продолжать его самостоятельно и придать ему некоторое лицо - кто знает! Когда генеральный государственный комиссар через полчаса оставил помещение, в толпе к нему подошел и заговорил один из окруж-

---

ных начальников из окружения министра-президента фон Книллинга. Кар шепнул ему: "Коллега, я чрезвычайно огорчен. Как вы сами видели, меня заставили сказать "да". Нельзя идти на подобные вещи!" В этих трех фразах сказался окружной начальник Верхней Баварии, с разрешения которого Гитлер собирался делать революцию.

Гитлер, как никак, все же догадался арестовать всех баварских министров, оказавшихся в помещении, во главе с министром-президентом фон Книллингом. Среди задержанных был также граф Зоден, начальник канцелярии принца Рупрехта. Замечательный улов! Ведь Гитлер собирался отомстить за пожившего в бозе родителя принца! Очевидно, Гитлер хотел отомстить за то, что в свое время Зоден не допустил его к принцу. "Однако хорошие же вы монархисты, нечего сказать!" - воскликнул разгневанный граф при своем аресте.

Вскоре после сцены единения в зале пришло известие о стычке между отрядом союза "Оберланд" и солдатами Рейхсвера, пытавшимися его обезоружить. Оказалось, Гитлер слишком поспешил с заявлением, что казармы в руках "Боевого союза". Под видом братания штурмовики сделали несколько попыток занять казармы, но эти попытки не увенчались успехом. Слишком велика была разница между скоропалительностью Гитлера и Шейбнер-Рихтера, с одной стороны, и военными приготовлениями Крибеля - с другой.

Гитлер поехал в казармы улаживать конфликт; вероятно он думал, что по своем возвращении застанет Людендорфа и Лоссова за обсуждением плана похода на Берлин, то есть застанет, так сказать, военный совет в полном разгаре. Но Людендорф разрешил трем свежеепеченным членами правительства разойтись по домам. Когда Шейбнер-Рихтер позволил себе скромное возражение, генерал прикрикнул на него: никто не смеет сомневаться в честном слове германского офицера.

ВЗБЕШЕННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

Рассказывать подробно о том, что побудило Кара и Лоссова приступить к подавлению путча, не входит в нашу задачу. Упомянем лишь, что версия о вмешательстве принца Рупрехта и кардинала фон Фаульгабера является вымыслом. Если в эту ночь что-либо поддержало триумвиров в из далеко не твердой решимости оказать сопротивление, то это в первую очередь была позиция мюнхенских генералов, оставшихся в стороне от со-

---

бытий. Комендант города, генерал-лейтенант фон Даннер, в разговоре с третьими лицами обругал Лоссова "бабой"; когда Лоссов вернулся, он резко спросил его: "Надеюсь, все это было только блефом?" Теперь сказалось все раздражение офицеров против партизанщины; в сцене, разыгравшейся в пивной Бюргерброй, генералы видели позор для армии. После истории с револьвером Гитлер, по традиционным понятием об офицерской чести, должен был быть зарублен на месте. Этого не учел бывший ефрейтор.

Еще прежде чем сговориться с Лоссовым, Даннер, Кресс фон Крессенштейн и майор Леб, впоследствии начальник воинских сил Баварии, сошлись на совещании и приняли меры, чтобы войска были приведены в боевую готовность. Надо думать, они не преминули бы также послать их против Лоссова. К тому же стало известно, что президент Эберт передал генералу фон Зекту всю исполнительную власть в империи, а Зект дал знать в Мюнхен, что он намерен подавить путч военной силой. Вздвигнутые генералы были хозяевами положения.

Одним словом, у триумфиров была тысяча причин одуматься и как можно скорее прийти в себя после этого кошмарного вечера, в котором если не все трое, то уж во всяком случае Кар, Лоссов и Зейссер в следующую ночь и в течение следующих недель не без достоинства несли бремя событий и воспрепятствовали тому, чтобы их неосторожное поведение привело к опасным последствиям.

ВИСЕЛИЦЫ И ЗАЛОЖНИКИ

Тем временем Пенер и Фрикк составили прокламацию, которая на следующее утро была расклеена по городу:

"Для суда над преступниками, представляющими опасность для народа и государства, учреждается национальный трибунал в качестве верховного судилища. Приговоры будут гласить: виновен или не виновен. Во втором случае следует оправдание, в первом - смертная казнь. Приговоры приводятся в исполнение в продолжение трех часов".

Другой декрет объявлял вне закона "негодяев-верховодов" девятого ноября 1918 года и провозглашал долгом каждого немца предать в руки национального правительства мертвыми или живыми Эберта, Шейдеманны, Оскара Кона, Пауля Леви, Теодора Вольфа, Георга Бернгардта и их "приспешников и по-

---

мощников". Автор этого замечательного декрета, к сожалению, остался неизвестным.

"Национальный трибунал Пенера и Фрикка опирался на проект конституции, выработанный членом высшей баварской судебной палаты Теодором фон дер Пфортден. Этот проект - творчество одного из высших судей в Германии, - содержал тридцать один параграф, из которых каждый третий угрожал смертной казнью за то или иное "преступление". При этом "имперский наместник", который предусматривался этой конституцией, не был даже связан применявшимися до сих пор способами смертной казни; Пфортден предлагал казнь через повешение или расстреляние, но текст его конституции, во всяком случае, не исключал также колесования или сажания на кол. Никаких правовых гарантий! Имперский наместник и наместники в отдельных союзных государствах имели также право по своему произволу изменять вынесенные приговоры (§ 29). Кроме того, они могли объявлять человека вне закона, то есть предоставлять первому встречному право убить его; за помощь объявленному вне закона назначалась смертная казнь (§ 27).

На другой день было сделано несколько попыток применить к делу это новое правосудие.

Утром девятого ноября штурмовики ворвались в мюнхенскую ратушу и арестовали девять социал-демократических членов городской управы и первого бургомистра Шмидта. Несколько руководителей штурмовиков, в том числе будущий руководитель "охранных отрядов" Бергольд, посадили арестованных на грузовики, отвезли их в лес, велели им здесь сойти и увели их в сторону. "Видно, пришел мне конец" - сказал седовласый бургомистр. Прийдя на прогалину, Бергольд сказал заложникам, что имеет сообщить им нечто неприятное. Они были уверены, что это смерть. Но это был только садизм. Штурмовики тем временем узнали, что путч подавлен; им теперь нужна была штатская одежда их пленников, которую они и отобрали.

Затем к ним подъехало несколько чиновников муниципалитета. Они рассказали штурмовикам, что арестованные нужны в ратуше, так как без их подписи не могут быть выплачены пособия безработным. Если их расстреляют, беднота не получит пособий и произойдут беспорядки. Неизвестно, поверили ли штурмовики этому обману или просто рады были случаю развязаться с арестованными, не роняя своего достоинства. Для аре-

---

стов было важно, что они получили свободу и могли хоть в одном нижнем белье вернуться ближайшим поездом в Мюнхен.

Другие группы грабили частные квартиры еврейских граждан и увели около двух десятков заложников; имена их они нашли в списке абонентов телефонной сети. Они арестовывали наобум тех, чьи имена казались им еврейскими. Таким образом в числе арестованных попал один граф и несколько националистов. Заложников отвели в подвалы пивной Бюргерброй, где под конец стража собиралась их пристрелить и уже наставила на них винтовки; арестованные бросились ничком на землю, в этот момент ворвалась полиция и освободила их.

НЕ ХВАТАЛО ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ ЧАСОВ

В ночь на девятое ноября Гитлера бросало то в жар, то в холод, он пережил минуты ликования, отчаяния, разочарования и надежды. "Теперь настанут лучшие времена, - сказал он Рему, сияя от счастья, и обнял друга, - мы будем денно и ночно работать для нашей великой цели, для спасения Германии от нужды и позора". Часом позже он уже мрачно говорил, что хорошо будет, если удастся из этой истории кое-как выбраться; если же не удастся, придется повеситься. Прошло еще несколько времени, и он властно обращается к Пенеру: "Г-н министр-президент, - он произнес это слово величественным тоном, как Наполеон сказал бы своему маршалу: герцог Тарентский! - Г-н президент, мы дали вам в руки власть, используйте же ее! Мы должны теперь проявить инициативу. Когда наши патрули пройдут по городу с кличем: "выходите под знамена", посмотрим, не проявит ли тогда население энтузиазма!".

Действительно, несмотря на политическое фиаско, революционеры еще могли бы заставить военное счастье повернуться в их сторону, если бы только они были несколько лучше подготовлены. Вечером у них было восемьдесят человек, но за ночь к ним прибавилось много народу. Если считать всех тех, кто стоял на бивуаках в различных концах города, подходил к Мюнхену по шоссе и дорогам, подъезжал на грузовиках, у Гитлера несомненно было несколько тысяч человек. По своей численности силы "Боевого союза" превосходили правительственные войска. У союза не было также недостатка в пулеметах и оружии, у него не хватило только двадцати четырех часов, когда время было так дорого. Поэтому он не мог занять казарм, отрезать вокзалы, захватить контроль над телеграфом, хотя для

всего этого были выработаны точные планы. Какие возможности были тогда упущены, в этом пришлось в ту же ночь убедиться Кару и Лоссову в казармах Рейхсвера. Им пришлось переходить из барака в барак, чтобы обеспечить себя от неожиданностей со стороны своих верных солдат. На другой день в одном батальоне офицеры двух рот отказались выступить, командир третьей роты "лишь скрепя сердце стал на военную точку зрения". Офицерство раскололось; между старшими и младшими офицерами прошла резкая грань, водоразделом можно было считать чин майора. Временами положение казалось столь тревожным, что Лоссов должен был забыть свое самолюбие и обратиться на следующий день к Зекту с просьбой прислать еще три батальона и три батареи. Впрочем их уже не пришлось пустить в дело. Генерал убедился, что против ожидания путч уже сошел на нет.

ОСТОРОЖНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР ФРИКК

Силы повстанцев были разрознены, и правительство разбило их по частям. Первой жертвой был Фрикк. В десять часов он узнал от своего секретаря в управлении полиции, что он назначен полицай-президентом. Как он сам рассказывает, этот новый высокий чин внушил ему только страх. "Я буду вести дела - заявил этот революционер Пенеру - только в качестве заместителя арестованного в Бюргерброй полицай-президента Мантеля, предварительно же я должен иметь соответствующее поручение от Кара". Гражданское мужество полицейского советника Фрикка в эту ночь оставляло желать многого.

Недалеко ушел от Фрикка также один из его коллег по полицейскому управлению, которому принадлежит следующее классическое изречение о позиции высших чинов полиции в революционных ситуациях: "В таких случаях ничего не поделаешь, ответственного правительства не существует, и не знаешь, к кому обратиться". Сказал это человек с титулом "министерского советника".

Вскоре затем Фрикк и Пенер были арестованы двумя полицейскими чинами, которые лишь два часа назад поздравляли их с назначением.

МЕДЛИТЕЛЬНЫЙ ЛЮДЕНДОРФ

Своим единственным военным успехом во всем путче "Союз обороны" был обязан Рему. Рем стоял наготове со своим

“Имперским флагом” в пивной Левенброй; он якобы ничего не подозревал и пришел сюда под предлогом какого-то юбилея своей организации; потом по приказу Крибеля он занял здание командования Рейхсвера, свое старое место работы. Людендорф, которому принадлежала идея этой операции, выразился о ней так: надо поставить почетный караул Лоссову. Почетный караул окружил здание проволочными заграждениями и выставил в окна пулеметы. В продолжении этой ночи здание командования Рейхсвера служило главной квартирой повстанцев.

Новые хозяева в командовании Рейхсвера очень скоро сообщали, что что-то не в порядке. Они предполагали, что Кар и Лоссов захвачены в плен генералами; собственно говоря, это было не так далеко от истины. Они посылали в казармы одного за другим офицеров связи, но там их по приказу Лоссова арестовывали. Когда один из офицеров просил не оставить хотя бы Людендорфа без ответа, Лоссов крикнул на него: “В мятежников стреляют!”.

Генералы действовали энергично, а противник обнаружил мягкотелость. Лейтенант из командования Рейхсвера заявил Людендорфу со всем подобающим уважением, что если дело дойдет до боя, Рейхсвер будет защищать свои казармы, пока не расстреляет все свои патроны. Людендорф ответил ему на это не так, как должен был ответить революционер: “Что ж, в лучшем случае вы погибнете лишь несколько позже, когда расстреляете свои патроны”. Вместо этого он в товарищеском тоне меланхолически заявил: “Я вполне разделяю ваши чувства. Я никогда не отдам приказ напасть на казармы и на Рейхсвер”.

В этом отношении Гитлер вел себя иначе. Когда он впервые услышал, что в казармах оказано сопротивление, он пришел в ярость и закричал: “Подведите две пушки и палите в них всю, можете не оставить камня на камне”. В пять часов повстанцы узнали через полковника Лейпольда из юнкерского училища, что Лоссов намерен стрелять. Как быть? Отвечать ему тем же? Многие собирались поступить так же; многие так и поступили. Но Людендорф, вождь, решил, что теперь для него настал момент показать себя: он хотел пойти прямо на дула ружей и заставить солдат опустить их.

БОЙ У ФЕЛЬДГЕРНГАЛЛЕ

Утро было потрачено на укрепление берега реки Изар для целей обороны; в некоторых местах были поставлены орудия.

Около одиннадцати часов Гитлер и Людендорф с несколькими тысячами дружинников направились на "рекогносцировку" в город. Очевидно в целях рекогносцировки ружья держали наготове, частью с примкнутыми штыками; за первыми рядами ехал автомобиль с пулеметами.

Если революционеры хотели с точностью знать намерения правительства, у них уже не было надобности в этой рекогносцировке. На стенах были расклеены плакаты с текстом:

"Честолюбивые проходимцы с помощью обмана и измены своему слову превратили манифестацию национального возрождения в сцену отвратительного насилия. Заявления, вынужденные у меня, генерала фон Лоссова и полковника Зейссера под угрозой револьвера, недействительны и не имеют силы. Германская национал-социалистическая рабочая партия, а также боевые союзы "Оберланд" и "Имперский флаг" распущены. Фон Кар, генеральный государственный комиссар".

Во главе колонны шли Гитлер, Людендорф, д-р Вебер, Шейбнер-Рихтер и Крибель. Несколько дальше шел с угрюмым видом лидер "фелькише" Северной Германии Альбрехт фон Грефе. Он в это утро приехал в Мюнхен на зов Людендорфа - единственный представитель "господ с севера".

На мосту через Изар колонна наткнулась на заградительный отряд полиции. Полицейские не опустили ружей. Будут ли они стрелять? Геринг вышел из строя вперед, приложил руку к козырьку и объявил: "За первого убитого в наших рядах поплатится жизнью один из заложников". На самом деле однако повстанцы вовсе не вели с собой заложников. Заслуга Гитлера, что он лично удалил их из колонны. В мгновение все полицейские были обезоружены; их наградили плевками и пощечинами. Колонна двинулась дальше в центр города. Настроение населения было подавленным. Оказали свое действие воззвания Кара и заместителя премьер-президента, министра народного просвещения Матта, который из Регенсбурга предостерегал своих барварцев против "пруссак Людендорфа".

Людендорф вел колонну, как он в последствии рассказал, без определенного плана; у него на этот счет имелись лишь самые общие представления. Под Танненбергом, говорил он потом, он тоже сначала дал битву, а потом уж придумал ее стратегическое обоснование. В результате колонна после бесцельных метаний по узкой, словно ущелье, Фельдгернгалле очутилась на перекрестке, где эта улица выходит между Фельдгернгалле и

Резиденцштрассе на широкую площадь Одеон. Там находился заградительный отряд полиции, по своей численности далеко уступавший приближавшейся колонне. Полиция могла задерживать шествие только в этом узком проходе; лишь только повстанцы очутились бы на площади, они в виду своего численного превосходства оказались бы хозяевами положения.

Кто первый начал стрелять, - об этом, разумеется, впоследствии возгорелся горячий спор между сторонами. Правдоподобнее всего показания руководителя союза "Оберланд" д-ра Вебера. По его словам, один из дружинников схватил рукой протянутый вперед карабин полицейского, и в борьбе между дружинником и полицейским раздался первый выстрел. Во всяком случае после этого обе стороны открыли огонь по всем правилам искусства. За секунду до этого один из дружинников выскочил вперед и крикнул полиции:

"Не стреляйте, с нами идет его превосходительство Людендорф". Это была секунда, когда речь шла о жизни или смерти, но несчастный и в этот момент не забыл почтительно упомянуть титул: "его превосходительство". Впрочем, утренний приказ Крибеля тоже начинается словами: "Его высокопревосходительство фон Лоссов нарушил свое честное слово..."

Гитлер шел между Людендорфом и Шейбнером-Рихтером; последнего он держал за руку. В правой руке у него был револьвер. Перед тем, как началась стрельба, он крикнул полицейским: "Сдавайтесь!". В этот момент Шейбнер-Рихтер был сражен пулей насмерть; падая, он вывихнул руку Гитлера. Гитлер тоже очутился на земле; увлек ли его в своем падении Шейбнер-Рихтер или же Гитлер по старой солдатской привычке искал прикрытия, это он сам вряд ли может сказать теперь точно. Конечно, кто хотел оказать моральное воздействие на противника, тот должен был бы остаться стоять; кроме того перед "рекогносцировкой" Гитлер еще раз заявил, что готов грудью встретить вражеские пули. Однако пусть его упрекает тот, кто со спокойной совестью может утверждать, что на его месте он остался бы стоять. Ряд полицейских показывает, что после первого залпа все без исключения бросились ничком на землю, в том числе и Людендорф. Последний утверждает обратное. Во всяком случае, Людендорф не бросился бежать. Вместе с отставным майором Штреком из "Боевого союза" он прошел мимо ружейных дул на площадь. Если бы за ним последовало пятьдесят или хотя бы двадцать пять человек, день

окончился бы иначе. Теперь же Людендорф был единственным пленником полиции. Когда его арестовали, он вне себя от волнения заявил, что отныне для него более не существуют немецкие офицеры и что он никогда больше не наденет офицерского мундира.

Действие ружейного огня в узкой улочке было ужасно. На мостовой лежало четырнадцать убитых. Среди них был Оскар Кернер; бывший второй председатель партии умер смертью неизвестного солдата. Погиб также член судебной палаты фон дер Пфортден, автор известной нам кровожадной конституции. В смерти Шойбнера-Рихтера сказалась рука Немезиды: подавленный у Фельдгернгалле путч был больше всего и его духовным детищем.

Как только прекратился огонь, Гитлер первым встал и побежал назад, об этом сообщает спасший его национал-социалист д-р Вальтер Шульц. Шульц раздобыл автомобиль из числа тех, которые ехали за колонной. Гитлера внесли в автомобиль, и последний поехал за город, причем полиция неоднократно стреляла в него. Гитлер жаловался на сильную боль, но вывих оказался неопасным. Гитлер поехал в находящийся в шестидесяти километрах от Мюнхена Уффинг на озере Штрафель, где у его друга Ганфштенгля была своя вилла. Два дня спустя он был здесь арестован.

По прошествии пяти лет Гитлер рассказал про это бегство удивительную историю. Однажды он вышел на эстраду пивной Левенброй, ведя за руку мальчика, и заявил, что этого мальчика он нашел у Фельдгернгалле в день путча, взял его на руки и вынес из-под обстрела. Можно конечно возразить, что при всей любви Гитлера к детям ему подобало скорее остаться во главе своей колонны и провести бой до конца. Впрочем, надо сказать, что из свидетелей никто не упоминает об этом мальчике.

Спустя два часа после залпов у Фельдгернгалле сдался Рем в своей крепости в здании Рейхсвера. Он потерял двух человек убитыми; в общем было убито шестнадцать членов "Боевого союза". Полиция потеряла убитыми трех человек.

ИМЕЛ ЛИ ГИТЛЕР ПРАВО БЕЖАТЬ?

В общем о путче Гитлера надо сказать: он был инсценирован плохо. Первой ошибкой было начинать путч без достаточной военной подготовки, второй ошибкой было неудачное психологическое воздействие на командующего Рейхсвером, и тре-

твей - недостаток мужества в день девятого ноября. Даже такой храбрый солдат, как Рем, позволил окружить себя противнику, так как у него не хватило духу угрожать своим товарищам пулеметами. Людендорф вообще хотел не бороться, а колдовать. Когда сам Гитлер перед походом в город оробел и заметил: "Они будут стрелять в нас", у генерала нашелся столь же геройский, сколь бессмысленный ответ: "А мы все-таки пойдем!".

Буржуазное население столицы Баварии показало после путча, что оно уже готово было выйти на улицу. Два дня подряд улицы были запружены волнующейся толпой, она оскорбляла солдат Рейхсвера, угрожала напасть на здание, в котором помещалась канцелярия Кара, разгромила редакции нескольких газет и кричала: "Долой изменников!". Конная полиция неоднократно въезжала в толпу и разгоняла ее резиновыми дубинками - ничто не помогало. В университете бушевала против Кара тысячная толпа студентов: она чуть не сбросила с галереи ректора, обратившегося к студентам со словами увещевания, и освистала даже Эргардта, пытавшегося подойти к ним добром.

Имея за собой столь фанатичное население, можно было добиться больших результатов. Но для этого "Боевой союз" должен был оправдать свое имя и действительно биться, а не бежать после первых же выстрелов. Каждый выигранный час времени все более расшатывал бы положение правительства среди враждебного и взбудораженного населения. Это население продолжало два дня бесстрашно, но бесполезно демонстрировать, тогда как вожди бежали и попрятались.

Разве сколько-нибудь похоже на это поведение коммунистов, восставших в Гамбурге, Берлине, Мюнхене и Средней Германии! Те действительно сражались. Напротив, дружинники не последовали за Людендорфом. С д-ром Вебером, руководителем "Оберланда", сделался нервный припадок, он рыдал несколько часов подряд, а Гитлер первый удрал на автомобиле, оставив свое войско на поле брани.

В защиту побежденных можно привести то, что большинство из них считало Людендорфа убитым. Это сломило их дух, но это во всяком случае не оправдывает поспешного бегства Гитлера; напротив, в таком случае он тем более должен был понимать, что остался теперь единственным вождем.

Впоследствии вожаки "Боевого союза" в свое оправдание постоянно ссылались на то, что им казалось непостижимым, как это немцы будут стрелять в немцев. Но в Рурской области или

же при подавлении советской республики в Мюнхене они без смущения сами стреляли даже в безоружных. На самом деле, они хотели сказать другое, но только не могли выразить это на своем языке; они хотели сказать, что революционная борьба возможна между двумя классами, т. е. между группами населения, которые правильно или неправильно считают себя врагами.

Среди павших у Фельдгернгалле был один кельнер и один ремесленник; все остальные были купцы, банковские служащие и офицеры в отставке.

Тем не менее национал-социалистической партии кровавый день девятого ноября пошел на пользу. Он окончательно отрезал ее от пуповины Рейхсвера. Таким образом, партия родилась, собственно, в этот день.

ПРИПАДАЮТ К СТОПАМ ПРИНЦА

В эту ночь душа Гитлера подверглась гораздо большей опасности, чем со стороны полицейских карабинов. Гитлер обратился за защитой к принцу Рупрехту.

Он прибег к посредничеству друга Рема - отставного лейтенанта Нейнцера, пользовавшегося расположением принца. Нейнцерт должен был просить принца воздействовать на Кара в том смысле, чтобы то не допустил столкновения между Рейхсвером и "Боевым союзом". Кроме того, Гитлер и его друзья не должны были подвергнуться преследованию.

Нейнцерт рано утром отправился курьерским поездом в Берхтесгаден. Принц поставил ему условия: Гитлер должен извиниться перед Каром, он должен сказать, что действовал под давлением масс, - надо сказать, что это не было лишено доли истины. Кроме того он должен покориться законной власти. Принц был очень недоволен словами Кара, что тот считает себя наместником короля, но велел передать своему "наместнику", что стрелять ни в коем случае не следует; кроме того он предлагал ему употребить все усилия, чтобы против организаторов путча не было возбуждено преследование по обвинению в государственной измене. До сих пор принц защищал свои права на престол все же без фанатизма. Генеральному государственному комиссару он до сих пор покровительствовал и однажды публично выступил в его пользу. Трудно сказать, надеялся ли он получить из его рук корону. Теперь он немедленно воспользовался случаем, чтобы выступить в роли третейского судьи между сторонами. Одиннадцатого ноября он выпустил манифест, в

котором отмежевывался от Кара и призывал противников подать друг другу руки над открытыми могилами. Но манифест не был обнародован, так как Кар грозил тогда уйти в отставку.

Таким образом, этот эпизод не сыграл роли в истории Германии. Но для истории национал-социализма он в высшей степени замечателен. Уже в сентябре Гитлер сделал попытку приблизиться к принцу, и Шейбнер-Рихтер даже предлагал Рупрехту роль протектора над национальным движением. Предложение Шейбнера звучало тогда еще очень гордо, как предложение одной великой державы - другой.

Но на рассвете кровавого девятого ноября, когда надо было в самом деле идти под пули, Гитлер и Шейбнер-Рихтер обратились к принцу как просители. Им не хотелось идти в огонь.

Но Людендорф хотел этого. Для него было вдвойне важно показать, что он и без баварского принца может заставить склониться перед собой ружья правительственных войск. Людендорф присутствовал при том, как Гитлер посылал Нейцера с поручением к принцу, но сам не сказал при этом ни слова.

Тот самый Гитлер, который капитулировал перед вительсбахским принцем, через несколько часов кричит полицейским: "Сдавайтесь!" Так великолепно, с такой непосредственностью этот человек может играть роль и пускать пыль в глаза.

ГИТЛЕР ПОМЫШЛЯЕТ О САМОУБИЙСТВЕ

В первые недели после путча было сделано немало попыток к посредничеству. Дело в том, что Людендорф не желал являться на суд. Но эти попытки кончились ничем, так как Баварская народная партия, чей политический вес после краха диктатуры снова усилился, настояла на процессе. Гитлер тоже не желал предстать перед судом. Первые дни после путча он носился с мыслями о самоубийстве. Затем он хотел объявить голодовку в крепости Ландсберг, где находился в предварительном заключении. Дрекслер отговорил его от этого.

Вначале во всей Баварии свирепствовала буря негодования против Кара. Среди ставших на его сторону был генерал Эпп. "Освободитель Мюнхена" пытался успокоить студентов. Его собственные слова об этом слишком характерны для позднейшего военного политика партии и не могут быть опущены здесь. "Ко мне явились, - рассказывает он на суде с явным замешательством и запинаясь, - несколько пожилых граждан и просили меня обратиться к студентам со словами успокоения. Но мне не

очень улыбалась перспектива быть замешанным в спор, так как в таких случаях на твою голову обрушиваются удары с обеих сторон". После этой вспышки гражданского мужества он все же согласился принять студенческую депутацию, которой между прочим сказал, что Гитлер нарушил свое слово.

На суд явилась только часть лиц, ответственных за путч.

Людендорф и д-р Вебер попали в руки полиции еще у самой Фельдгернгалле. К Людендорфу отнеслись с величайшим уважением и почтительностью и избавили его от предварительного заключения после того, как он дал слово отказаться от политической деятельности. Его негодование по поводу столкновения у Фельдгернгалле сменилось в дальнейшем своего рода нигилизмом по отношению ко всему, что касалось государственной власти и ее авторитета.

Лишь с трудом удалось уговорить его явиться на допрос в мюнхенский дворец юстиции. Когда же он явился, то почему-то не захотел выйти оттуда через общий выход; вероятно он не хотел быть замеченным публикой. Пришлось спустить его по лифту черного хода и выпустить через боковой ход.

На месте преступления схвачены были Рем, Фрикк, Пенер и оберлейтенант в отставке Брюкнер, начальник мюнхенского полка штурмовиков. Кроме того, перед судом предстали лейтенант в отставке Вагнер, который совместно с бежавшим предводителем добровольческого отряда Россбахом привлек к участию в путче юнкерское училище Рейхсвера, и приемный сын Людендорфа Пернет, безобидный попутчик, служивший для связи между юнкерским училищем и Людендорфом. Незадолго перед процессом добровольно явился в суд Крибель. Напротив, тяжело раненный Геринг, Эссер и Россбах бежали за границу. Геринг некоторое время жил в Инсбруке, где вызвал своим образом жизни нарекания у бежавших туда штурмовиков; часть их жила здесь в большой нужде. Впоследствии он вместе с Эссером переехал в Италию.

Среди арестованных был также тяжело больной Дитрих Эккарт. Незадолго перед рождеством его освободили из заключения, и он умер двадцать третьего декабря в Берхтесгадене. В его лице сошел со сцены второй духовный отец гитлеровского путча.

Полиция тщетно искала обличительных документов в помещениях Боевого союза и Национал-социалистической партии. Действительно изобличающий материал находился в безопас-

---

ности в железной шкафу командования Рейхсвера. Никакой прокурор не посмел бы искать его среди папок Рейхсвера, куда запрятал его Рем.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Ауст, Герман (Aust, Hermann): 157.

Банг, Пауль (Bang, Paul): 164.

Бауер, профессор (Bauer): 144.

Бебель, Август: 122.

Бергольд, штурмовик: 173.

Берендт, фон, генерал Рейхсвера: 152.

Бернгард, Георг (Bernhard, Georg): 172.

Берхем, барон фон: 161.

Берхтольдт (Berchtoldt): 136.

Бехштейн, владелец фабрики роялей (Bechstein): 156.

Бехштейн, Елена (Bechstein, Helen): 156.

Бисмарк, Отто фон (Bismarck, Otto Fuerst von): 64, 77, 80, 145.

Борзиг, Эрнст фон (Borsig, Ernst von): 113, 157.

Брукк, Меллер ван ден (Bruck, Moeller van den): 35, 121.

Брюкнер, Вильгельм (Brueckner, Wilhelm): 154, 183.

Брюнинг, Генрих (Bruening, Heinrich): 78, 79.

Бухрукер, Эрнст (Buchrucker, Ernst): 151.

Бушовский, Фердинанд (Buschofsky, Ferdinand): 31.

Бюргер, соперник Штрейхера (Buerger): 132.

Вагнер, лейтенант: 183.

Вагнер, Рихард: 61.

Варбург, Макс (Warburg, Max): 153.

Вебер, Христиан (Weber, Christian): 144, 145, 147, 156, 177, 178, 180, 183.

Вейс, капитан (Weiss): 145.

Вильгельм Второй Гогенцоллерн (Wilhelm der Zweite Hohenzollern): 34, 35, 64, 76, 84, 121.

Вирт, Иосиф (Wirth, Josef): 93.

Витфельдт: 151.

Вольф, один из руководителей Всенемецкой партии в Австрийской империи (Wolf): 31, 62.

Вольф, Теодор, еврей: 172.

Вулле, Рейнгольд (Wulle, Reinhold): 133.

Гайль, Вильгельм Фрейгер фон (Gayl, Wilhelm Freiherr von): 151.

Ганфштенгль, Эрнст (Hanfstaengel, Ernst): 155, 156, 179.

Гапон, православный русский священник: 83, 84, 128.

Гаррер, Карл (Harrer, Karl): 11, 14, 16-18, 23, 103.

Геббельс, Иозеф (Goebbels, Josef): 10, 85.

Гейдебреkk, фон
(Heydebreck, von): 12.

Гейм, Георг (Heim, Georg):
91, 93.

Гейнце, д-р (Heinze): 150.

Гельд, один из лидеров Ба-
варской народной партии
(Geld): 93, 94.

Гельдорф, Вольф Генрих
граф фон (Helldorf, Wolf
Heinrich Graf von): 163,
164.

Гельферих, Карл (Helfferich,
Karl): 133.

Геннинг (Henning): 133.

Геринг, Герман (Goering,
Hermann): 58, 135, 136,
146, 155, 162, 166, 177,
183.

Герлих, д-р (Gerlich): 27.

Германус Агрикола
(Germanus Agricola): 18, 27.
(см. также Дингфельдер,
Йоганнес.)

Гесс, Рудольф (Hess,
Rudolf): 50, 56, 81, 107.

Гете, Йоганн Вольфганг
фон (Goethe, Johann
Wolfgang von): 80, 82.

Гинденбург, Пауль фон
Бенкендорф унд фон
(Hindenburg, Paul von
Beneckendorff und von): 66,
78, 79.

Гирль (Giehrl): 15.

Гиртнер, Франц (Hirtner,
Franz): 142.

Гитлер, Адольф (Hitler,
Adolf): 3-8, 11, 15-19, 23-
35, 38-72, 75-90, 93-183.

Гитлер, Алоиз (Hitler,
Alois): 60. (см. также
Шикльгрубер, Алоиз.)

Гольц, Богумил (Goltz,
Bogumil): 37.

Гофман, глава с.-д. прави-
тельства Баварии
(Hofmann): 29, 90, 114.

Гофман, генерал Рейхсвера
(Hofmann): 49.

Гофман, студент
(Hofmann): 90.

Гофман, Отто, оберлейте-
нант (назван капитаном)
(Hoffmann, Otto): 95, 136.

Гофмиллер, Йозеф
(Hofmiller, Josef): 36.

Грандель, промышленник
(Grandel): 157.

Грант, Медисон (Grant,
Madison): 106.

Грефе, Альбрехт фон
(Graefe-Goldebee, Albrecht
von): 79, 113, 133, 177.

Грубер, фон, мюнхенский
ученый-расолог (Gruber,
von): 82.

Гугенберг, Альфред
(Hugen-berg, Alfred): 71,
78, 79.

Даннер, фон, генерал
Рейхсвера: 139, 172.

Дизраэли, Бенджамин: 10.

Дингфельдер, Йоганнес
(Dingfelder, Johannes): 18.
(см. также Германус Агри-
кола.)

Дрекслер, Антон (Drexler,
Anton): 7-12, 14, 16-19, 28,
32-34, 51, 54-58, 99, 103,
131, 132, 165, 182.

Дрессе, прокурор (Dresse): 141.

Дюстерберг, Теодор (Duesterberg, Theodor): 163.

Зейдель, капитан: 147.

Зейдлиц, фон, госпожа (Seidlitz, von): 156.

Зейссер, Ганс Риттер фон (Seisser, Hans Ritter von): 79, 161, 166-169, 172, 177.

Зект, Ганс фон (Seeckt, Hans von): 134, 142, 143, 151, 152, 153, 160, 172, 175.

Зельхов, Богислав фон (Selchow, Bogislaw von): 102.

Зоден, граф фон (Soden): 147, 166, 171.

Канцлер, "землемер", один из руководителей Дружины обороны (Kanzler): 92.

Карп, Вольфганг (Karr, Wolfgang): 29, 99, 91, 92.

Кар, Густав Риттер фон (Kahr, Gustav Ritter von): 29, 30, 78, 90, 91, 93, 94, 107, 131, 143, 144, 148-150, 152, 158, 160-172, 175-177, 180-182.

Келер (Kehler): 28.

Келлербауер, соперник Шлейхера (Kellerbauer): 132.

Керлен (Kerlen): 26.

Кернер, Оскар (Koerner, Oskar): 28, 29, 33, 58, 103, 123, 131, 132, 140, 179.

Клас, Генрих (Class, Heinrich): 110, 142, 143, 151, 157, 161, 164.

Клинцш, Иоганн Ульрих (Klitzsch, Johann Ulrich): 89, 95.

Книлинг, Ойген Риттер фон (Knilling, Eugen Ritter von): 141, 148, 171.

Книрш (Knirsch): 31.

Кон, Исаак (Cohen, Isaak): 72, 74, 97, 102.

Кон, Мозес (Cohen, Moses): 72, 74, 97, 102.

Кон, Оскар (Cohen, Oskar): 45, 172.

Крессенштейн, Кресс фон: 172.

Крибель, Герман (Kriebel, Hermann): 90, 92, 147, 158, 162, 163, 171, 176-178, 183.

Куло, д-р (Kuhlo): 157.

Куно, канцлер: 118, 123, 134, 142, 143.

Кунце, Рихард (Kunze, Richard): 28.

Лагард, Поль де (Lagard, Paul de): 34, 106.

Лассаль, Фердинанд (Lassale, Ferdinand): 72.

Леб, майор: 172.

Левенфельд (Loewenfeld): 12.

Леви, Пауль (Levi, Paul): 45, 172.

Ленин (наст. Ульянов, Владимир Ильич; по матери Бланк, Сруль): 4, 46, 47, 80.

Лерхенфельд, граф фон (Lerchenfeld, Graf von): 107, 113-115.

Лихтшлаг (Lichtschlag): 12.

Лейпольд, полковник
Рейхсвера: 176.

Лоссов, Отто фон (Lossow, Otto von): 69, 77, 79, 117, 121, 127, 129-131, 137-139, 143, 144, 148, 150-154, 161-164, 166-169, 171, 172, 175-178.

Людендорф, Эрик (Ludendorff, Erich): 45, 49, 51, 93, 117, 134, 143-147, 152-154, 161-163, 165, 167-171, 176-180, 182, 183.

Люэгер, Карл (Lueger, Karl): 63.

Лютер, Мартин (Lueter, Martin): 34, 86, 125.

Лютцов (Luetzow): 12.

Маркс, Карл (Marx, Karl): 6.

Матт, баварский министр просвещения: 177.

Мель, фон, генерал Рейхсвера: 90, 115-117.

Мельхиор, Карл (Mmelchior, Karl): 153.

Мину, промышленник: 151-153.

Морель, лейборист (Morel): 158.

Муссолини, Бенито (Mussolini, Benito): 51, 64, 82, 117, 118, 161.

Наполеон I Бонапарт: 77, 80-82, 152, 162, 174.

Нейцерт, лейтенент: 182.

Нель, д-р (Noell): 157.

Нортклифф, еврей: 122.

Папен, Франц фон (Papen, Franz von): 79, 142.

Пачелли, нунций: 126.

Пенер, Эрнст (Poenner, Ernst): 30, 51, 90, 91, 93, 107, 115, 144, 148, 164, 167-169, 172-175, 183.

Пернет, приемный сын Э. Людендорфа: 183.

Питтингер, Отто (Pittinger, Otto): 115, 143, 144.

Пфеффер, Франц фон За-
ломон (Pfeffer, Franz von
Salomon): 12.

Пффордтен, Теодор фон дер (Pfordten, Theodor von der): 173, 179.

Радек, Карл: 124.

Ратенау, Вальтер (Ratenau, Walter): 10, 70, 113.

Рем, Эрнст (Roem, Ernst): 5, 12, 13, 15, 17, 29, 43, 44, 58, 63, 67, 90-93, 95, 96, 114-117, 124, 127, 129-131, 133-139, 144-148, 174, 175, 179-181, 183, 184.

Риль, Вальтер (Riehl, Walter): 32.

Розенберг, еврей: 143.

Розенберг, Альфред (Rosenberg, Alfred): 10, 35, 46, 47, 49-51, 56, 58, 73, 99, 101, 105-107, 120, 121, 124, 126, 132.

Розенфельд, еврей-
миллионер (Rosenfeld): 78.

Ромедер, д-р (Rohmeder): 26.

Россбах, Гергардт (Rossbach, Gerhardt): 12, 94, 135, 183.

Рот, министр юстиции (Rott): 143, 144.

Ротермир, лорд, еврей, брат еврея Нортклиффа: 122.

Рупрехт принц Вительсбах: 93, 144, 147, 169, 171, 181, 182.

Савинков, Борис Викторович: 83, 84.

Троцкий, Лев (наст. Бронштейн, Лейба): 10.

Ульсгедер, руководитель национал-социалистического союза в Штутгарте: 44.

Фаульгабер, фон (Faulhaber, von): 93, 126, 144, 171.

Федер, Готфрид (Feder, Gottfried): 13-16, 18, 19, 25, 27, 28, 32-34, 43, 56, 140, 145.

Фогель, Людвиг (Vogel, Ludwig): 31.

Форд, Генри (Ford, Henry): 158.

Франц-Иосиф Габсбург (Franz-Josef Habsburg): 61.

Фридрих Великий (Friedrich der Grosse): 61, 64, 77, 80, 109.

Фрикк, Вильгельм (Frick, Wilhelm): 30, 107, 165, 172, 173, 175, 183.

Химгау (Chimgau): 12.

Цейгнер (Zeigner): 152.

Центу, коммерции советник: 164.

Чемберлен, Гьюстон Стюарт (Houston Stewart Chamberlain): 34, 90, 101, 106.

Швейер, д-р (Schweyer): 79, 113, 128, 131, 141, 142, 168.

Шейбнер-Рихтер, Макс Эрвин фон (Scheubner-Richter, Max Erwin von): 121, 145-148, 163-165, 169, 171, 177, 178, 182.

Шейдеманн, Филипп (Scheidemann, Philipp): 8, 172.

Шенерер, Георг фон (Schoenerer, Georg von): 31, 62.

Шер, адмирал: 160.

Шерль (Scherl): 13.

Шикльгрубер, Алоиз (Schicklgruber, Alois): 60.

Шиллингс, Александр (Schilings, Alexander): 28.

Шлагетер, Альберт Лео (Schlageter, Albert Leo): 124, 135.

Шотт, биограф Ад. Гитлера: 80.

Шпенглер, Освальд (Spengler, Oswald): 34, 121.

Штиннес, Гуго (Stinnes, Hugo): 119, 152.

Штрайхер, Юлиус (Streicher, Julius): 27, 53-55, 132, 133.

Штрассер, Грегор (Strasser, Gregor): 74, 137.

Штрассер, Отто (Strasser, Otto): 73, 74, 137.

Штресеман, Густав (Stresemann, Gustav): 70, 147, 160, 161.

Штрек, майор: 178.

Шульц, Вальтер (Schulz, Walter): 179.

Эккарт, Дитрих (Eckart, Dietrich): 13, 25, 29, 34, 43, 46, 50, 56, 58, 106, 107, 123, 125, 132, 156, 157, 163, 183.

Эпп, Ритгер фон (Epp, Ritter von): 12, 17, 43, 56, 58, 90, 91, 93, 114-117, 129, 130, 155, 182.

Эрхардт, Герман (Ehrhardt, Hermann): 12, 89, 94, 95, 108, 136, 149, 154, 180.

Эссер, Герман (Esser, Hermann): 25, 26, 44, 50, 51, 53, 54, 56, 57, 76, 99, 107, 113, 117, 132, 183.

Эшерих, Георг (Escherich, Georg): 12, 90, 92-95, 107, 115.

Юнг, Рудольф (Jung, Rudolf): 31-34, 110, 121.

Эберт, Фридрих (Ebert, Friedrich): 91, 97, 114, 161, 172.

Эйснер, Курт (Eisner, Kurt): 37, 52.

Эрцбергер, Матиас (Erzberger, Matthias): 52, 95.

Якоб, второй председатель НСДАП (Jacob): 131, 140, 158.

Яррес, Карл (Jarres, Karl): 150.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА	7
Забытый основатель (7). Кружок и его покровители (11). Солдаты ищут себе партию (15). Двадцать пять пунктов (18). Два человека нападают на город (25). Соперники (27). Поддержка сверху (29). Австрия и национал- социализм (31). Национал-социализм в Богемии (33). За кого сражается Гитлер? (35).	
Глава II. БОРЬБА ГИТЛЕРА ЗА РУКОВОДСТВО ПАРТИЕЙ	38
Кто начал террор? (40). Первая газета Гитлера (43). Три тысячи членов (44). Внешняя политика национал- социалистов (45). Русские влияния (47). "Проснись, Франция!" (48). Первый массовый митинг (49). "Вождь" (50). Призыв к виселицам (52). Дворцовый переворот (53). Дрекслер и Штрайхер против Гитлера (54). "На что же он, на самом деле, живет?" (56). Гитлер завоевывает партию (58).	
Глава III. ВОЖДЬ: ЕГО ПОРТРЕТ	60
Гитлер до вступления в партию (60). Трагедия образова- ния (65). Легенда о "человеке инстинкта" (67). Недоста- ток воли, зато хорошая голова (69). Плохой пророк (69). Как же он ведет за собой слушателей? (71). Заговор рав- винов (72). Мастер слова (74). Вера в Агасфера (75). Мастер-неврастеник (76). Дипломатия сильных слов (78). Его честное слово (79). Почему он выглядит так, как он делает (80). Внешность (83). Его стиль (84). Критицизм (86).	
Глава IV. ТРУДЫ ВОЖДЯ	88
Основание штурмовых отрядов (88). Баварские военные в 1920 году (90). Конец Дружины обороны (92). Организа-	

ция "Консул" вливается в штурмовые отряды (94). Элита (96). Что такое социализм (98). Классовое государство Гитлера (99). Элита против массы (102). Форма правления - частное дело (105). Причина успеха - в переоценке сил противника (105). Затруднения (107). Боевое крещение штурмовых отрядов (107). Мюнхен остается центром движения (110).

Глава V. МЮНХЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ 113

Путч ПП (113). Разрыв Рема с Эппом (116). На сцену выходят массы (117). Инфляция (118). Мечта об обеспеченной жизни (119). Интернационал среднего сословия (120). Шовинизм, обращенный против внутреннего врага (122). "Большевистские приманки" (123). Борьба с церковью (125). Запрещенный партийный съезд (127). Помог Рейхсвер (139). Обморок Дрекслера (131). Победы и договоры (132). Рем основывает свое частное войско (133). В плену у Рейхсвера (135). Путч первого мая 1923 года (136). Разрыв с Рейхсвером (139). Гитлер шокирует (140). Победа над правосудием (141). Заманчивое предложение (142). Вмешательство Людендорфа (144). Рем делает Гитлера вождем (146). Обращение к принцу Рупрехту (147). Кар - генеральный государственный комиссар (148). Мобилизация сил против Берлина (149). Борьба за Экта (150). "Господа с Севера" (151). "Осенние маневры 1923 года" (152). Кто давал деньги (155). "С плеч покатятся головы!" (159). Сфинкс в министерстве Рейхсвера (160). "Пятьдесят один процент" Лоссова (161). Гитлер боится опоздать (162). "Умеешь ли ты молчать, Тони?" (164). Выстрел в Бюргерброй (165). "Завтра победа или смерть" (166). Поход на Вавилон (168). Почивший в Бозе родитель Его Величества (169). Клятва на горе Рютли (170). "Нельзя идти на подобные вещи" (170). Взбешенные генералы (171). Виселицы и заложники (172). Не хватало двадцати четырех часов (174). Осторожный революционер Фрикк (175). Медлительный Людендорф (175). Бой у Фельдгернгалле (176). Имел ли Гитлер право бежать? (179). Припадают к стопам принца (181). Гитлер помышляет о самоубийстве (182).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 185

СОДЕРЖАНИЕ 191

